

ISSN 2712-7613 (print)
ISSN 2712-7621 (online)

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА И ЖИВЫЕ СИСТЕМЫ

GEOGRAPHICAL ENVIRONMENT and LIVING SYSTEMS

Концепции хозяйственно-культурных типов и историко-культурных областей – вклад советской этнографии в культурно-географическое районирование

«Как город назовёшь...»: от смены имени к изменению городского ландшафта (на материале г. Санкт-Петербурга)

Геополитический символический капитал и монументальное пространство городов Северо-Запада РФ

Картографирование этнокультурных ландшафтов коренных малочисленных народов Севера Якутии

2023 № 2

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА И ЖИВЫЕ СИСТЕМЫ

GEOGRAPHICAL ENVIRONMENT and LIVING SYSTEMS

Рецензируемый научный журнал

Журнал включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (см.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки РФ) по следующим научным специальностям: 1.6.12 – Физическая география и биогеография, география почв и геохимия ландшафтов (географические науки); 1.6.13 – Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география (географические науки); 1.6.21 – Геоэкология (географические науки).

The peer-reviewed journal

The journal is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation). The journal features articles that comply with the content of such scientific specialties: 1.6.12 – Physical Geography and Biogeography, Geography of Soils and Geochemistry of Landscapes (Geographic Sciences); 1.6.13 – Economic, Social, Political and Recreation Geography (Geographic Sciences); 1.6.21 – Geoecology (Geographic Sciences).

ISSN 2712-7613 (print)

ISSN 2712-7621 (online)

2023 № 2

Учредитель журнала
«Географическая среда и живые системы / Geographical Environment and Living Systems»

Государственный университет просвещения

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

МЕДВЕДКОВ А. А. — канд. геогр. наук, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора:

ЕВДОКИМОВ М. Ю. — канд. геогр. наук, Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

КРЫЛОВ П. М. — канд. геогр. наук, Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Алексеев А. И. — д-р геогр. наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Арешидзе Д. А. — канд. биол. наук, Научно-исследовательский институт морфологии человека имени академика А.П. Авцына;

Анвар М. М. — д-р наук, Гуджаратский университет (Пакистан);

Бакланов П. Я. — д-р геогр. наук, акад. РАН, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН;

Васильев Н. В. — д-р хим. наук, Государственный университет просвещения;

Галацкий Л. Д. — д-р наук, Университет Овидиус (Румыния);

Гордеев М. И. — д-р биол. наук, Государственный университет просвещения;

Демин Д. В. — канд. биол. наук, ФИЦ «Пущинский научный центр биологических исследований РАН»;

Емельянова Л. Г. — канд. геогр. наук, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова;

Заборцева Т. И. — д-р геогр. наук, Институт географии имени В. Б. Сочавы СО РАН;

Захаров К. В. — канд. биол. наук, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени им. К. И. Скрябина;

Катровский А. П. — д-р геогр. наук, Смоленский государственный университет;

Красовская Т. М. — д-р геогр. наук, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова;

Кузнецов А. В. — д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт научной информации по общественным наукам РАН;

Литвиненко Т. В. — канд. геогр. наук, Институт географии РАН;

Москаев А. В. — канд. биол. наук, Государственный университет просвещения;

Мурадов П. З. — д-р биол. наук, чл.-корр. НАН Азербайджана, Институт микробиологии Национальной академии наук Азербайджана (Азербайджан);

Петренко Д. Б. — канд. хим. наук, Геологический институт РАН;

Рязанова Н. Е. — канд. геогр. наук, Международный государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ;

Сава Д. — д-р наук, Университет Овидиус (Румыния);

Сизов О. С. — канд. геогр. наук, Институт проблем нефти и газа РАН;

Тимченко Л. Д. — д-р ветеринар. наук, Северо-Кавказский федеральный университет;

Тушар Л. — д-р наук, Орлеанский университет (Франция);

Фёдоров Р. Ю. — д-р ист. наук, Институт криосферы Земли Тюменского научного центра СО РАН;

Шумилов Ю. В. — д-р геол.-минерал. наук;

Якуцени С. П. — канд. геол.-минерал. наук, АО «Геолэкспертиза»

ISSN 2712-7613 (print)

ISSN 2712-7621 (online)

Рецензируемый журнал «Географическая среда и живые системы» печатает научные статьи и обзоры по актуальным проблемам географической экологии и геосистемного прогнозирования, биологического разнообразия ландшафтов и индикации окружающей среды, диагностики социально-экологических проблем, пространственного планирования и «зеленого» развития территорий, формирования и эволюции туристских дестинаций, территориальной и ресурсной охраны природы.

Журнал адресован российским и зарубежным учёным, докторам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями естественных наук в России и за рубежом.

Журнал «Географическая среда и живые системы» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № ФС 77-73331 от 24.07.2018.

Индекс журнала «Географическая среда и живые системы / Geographical Environment and Living Systems» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40564

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru), а также на сайтах журнала (www.geoeosreda.ru; www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на журнал «Географическая среда и живые системы / Geographical Environment and Living Systems» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии журнала. Рукописи не возвращаются.

Географическая среда и живые системы / Geographical Environment and Living Systems. 2023. № 2. 202 с.

© Государственный университет просвещения, 2023.

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, стр. 1, каб. 98

тел. +7 (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайты: www.geoeosreda.ru; www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal
"Geographical Environment and Living Systems"
State University of Education

———— Issued 4 times a year ————

Editorial board

Editor-in-chief:

A. A. MEDVEDKOV – Ph.D (Geography), Lomonosov Moscow State University

Deputy editor-in-chief:

M. Yu. EVDOKIMOV – Ph.D (Geography), State University of Education

Executive secretary:

P. M. KRYLOV – Ph.D (Geography), State University of Education

Members of Editorial Board:

A. I. Alekseev – Dr. Sci. (Geography), Lomonosov Moscow State University;

D. A. Areshidze – Ph.D (Biology), Research Institute of Human Morphology;

M. M. Anwar – Dr. Sci., University of Gujrat (Pakistan);

P. Ya. Baklanov – Dr. Sci. (Geography), Member of RAS, Pacific Geographical Institute RAS;

N. V. Vasil'ev – Dr. Sci. (Chemistry), State University of Education;

L. D. Galatchi – Dr. Sci. (Biology), Ovidius University of Constanta (Romania);

M. I. Gordeyev – Dr. Sci. (Biology), State University of Education;

D. V. Demin – Dr. Sci. (Biology), Federal Research Center 'Pushchino Scientific Center for Biological Research RAS;

L. G. Emalyanova – Ph.D (Geography), Lomonosov Moscow State University;

T. I. Zabortseva – Dr. Sci. (Geography), V. B. Sochava Institute of Geography, Siberian Branch RAS;

K. V. Zakharov – Ph.D (Biology), Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology – MVA by K. I. Skryabin;

A. P. Katrovskii – Dr. Sci. (Geography), Smolensk State University;

T. M. Krasovskaya – Dr. Sci. (Geography), Lomonosov Moscow State University;

A. V. Kuznetsov – Dr. Sci. (Economics), Corresponding Member of the RAS, Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS;

T. V. Litvinenko – Ph.D (Geography), Institute of Geography RAS;

A. V. Moskaev – Ph.D (Biology), State University of Education;

P. Z. Muradov – Dr. Sci. (Biology), Corresponding Member of the ANAS, Institute of Microbiology ANAS (Azerbaijan);

D. B. Petrenko – Ph.D (Chemistry), Geological Institute RAS;

N. E. Ryazanova – Ph.D (Geography), MGIMO University;

D. Sava – Dr. Sci., Ovidius University of Constanta (Romania);

O. S. Sizov – Ph.D (Geography), Oil and Gas Research Institute RAS;

L. D. Timchenko – Dr. Sci. (Veterinary Sciences), North-Caucasus Federal University;

Touchard L. – Dr. Sci., Orleans University (France);

R. Y. Fedorov – Dr. Sci. (History), Earth Cryosphere Institute, Tyumen Scientific Center, Siberian Branch RAS;

Yu. V. Shumilov – Dr. Sci. (Geological and Mineralogical Sciences);

S. P. Yakutseni – Ph.D (Geological and Mineralogical Sciences), Geolekspertiza

ISSN 2712-7613 (print)

ISSN 2712-7621 (online)

The reviewed scientific journal «Geographical Environment and Living Systems» publishes scientific papers and reviews on topical issues including, but not limited to, geographical ecology and geosystem forecasting, spatial planning and 'green' development of territories, biological diversity and environmental indication, 'green' chemistry and environmental safety, and diagnosis of socially and environmentally conditioned human diseases.

The journal is addressed to Russian and foreign scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone interested in the achievements of natural sciences in Russia and abroad.

The journal "Geographical Environment and Living Systems" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73331).

Index of the journal "Geographical Environment and Living Systems" according to the Union catalog «Press of Russia» 40564

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (www.cyberleninka.ru), as well as at the sites of the journal (www.geoeosreda.ru; www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to journal "Geographical Environment and Living Systems" is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Geographical Environment and Living Systems. 2023. no 2. 202 p.

© State University of Education, 2023.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow 105005, Russia

Phones: +7 (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru;

sites: www.geoeosreda.ru; www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора	6
-----------------------------	---

<i>Калуцков В. Н., Красовская Т. М., Морозова М. М.</i> Междисциплинарный научный семинар «Культурный ландшафт»: 30 лет спустя	7
--	---

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНОЙ ГЕОГРАФИИ

<i>Ямсков А. Н.</i> Концепции хозяйственно-культурных типов и историко-культурных областей – вклад советской этнографии в культурно-географическое районирование ..	19
<i>Замятин Д. Н.</i> Черноморский текст русской литературы: геокультуры, сопостранственность и географическое воображение	47
<i>Лавренова О. А.</i> Любовь и место. Памяти И-Фу Туана	58

ГОРОДСКИЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЛАНДШАФТЫ

<i>Калуцков В. Н.</i> «Как город назовёшь...»: от смены имени к изменению городского ландшафта (на материале г. Санкт-Петербурга)	68
<i>Исаченко Т. Е., Исаченко Г. А.</i> Городской ландшафт: функция и идея	81
<i>Окунев И. Ю., Остапенко Г. И.</i> Культурный ландшафт воображаемой столичности (на примере Лихославля и Олонца)	101
<i>Аксёнов К. Э., Гресь Р. А.</i> Геополитический символический капитал и монументальное пространство городов Северо-Запада РФ	113
<i>Фирсова А. В.</i> Литературные ландшафты горнозаводского Урала и развитие туристских аттракций	138

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЛАНДШАФТЫ В XXI ВЕКЕ

<i>Дегтева Ж. Ф.</i> Картографирование этнокультурных ландшафтов коренных малочисленных народов Севера Якутии	154
<i>Горохов С. А., Агафошин М. М., Дмитриев Р. В.</i> Пульсация католицизма в конфессиональном пространстве Китая	170

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНОЙ ГЕОГРАФИИ

<i>Каганский В. Л.</i> Ландшафтная и текстуальная презентация культуры	182
О работе научного семинара	200

CONTENTS

Editor's Column	6
------------------------------	---

V. Kalutskov, T. Krasovskaya, M. Morozova. Interdisciplinary Scientific Seminar "Cultural Landscape": 30 Years Later	7
--	---

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES OF CULTURAL GEOGRAPHY

A. Yamskov. Concepts of Economic and Cultural Types and Historical and Cultural Areas: Contribution of Soviet Ethnography to Cultural-Geographical Regionalisation.	19
D. Zamyatin. The Black Sea Text of Russian Literature: Geocultures, Co-Spatiality and Geographical Imagination	47
O. Lavrenova. Love and Place. In Memory of Yi-Fu Tuan	58

URBAN AND REGIONAL LANDSCAPES

V. Kalutskov. "What Will You Call a City...": From Changing the Name to Changing the Urban Landscape (Based on the Material of St. Petersburg)	68
T. Isachenko, G. Isachenko. Urban Landscape: Function and Idea	81
I. Okunev, G. Ostapenko. Cultural Landscape of Imagined Capitalness (Cases of Likhoslavl and Olonets)	101
K. Aksenov, R. Gres. Geopolitical Symbolic Capital and Monumental Space of Cities in the North-West of the Russian Federation	113
A. Firsova. Literary Landscapes of the Mining Urals and the Development of Tourist Attractions	138

ETHNOCULTURAL AND CONFESSIONAL LANDSCAPES IN THE 21ST CENTURY

Z. Degteva. Mapping of Ethno-Cultural Landscapes of the Indigenous Peoples of the North of Yakutia	154
S. Gorokhov, M. Agafoshin, R. Dmitriev. Pulsation of Catholicism in the Religious Landscape of China.	170

DEBATING ISSUE OF CULTURAL GEOGRAPHY

V. Kagansky. Landscape and Textual Presentation of Culture	182
About the work of the scientific seminar	200

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги!

Мы продолжаем практику выпуска тематических номеров, представляющих собой логически связанные подборки статей, посвященные актуальной научной проблеме. Каждый тематический номер имеет свою специфику, это и оригинальная рубрикация, отличающаяся от других номеров, а также определенный формат подобранных статей, по отдельным направлениям, как в данном случае, он менее формализованный.

Текущий номер посвящен культурно-географической проблематике и подготовлен по материалам научных докладов, представленных на междисциплинарном семинаре «Культурный ландшафт», действующего в рамках Комиссии по культурной географии Московского городского отделения Русского географического общества. Ориентируясь на свои личные впечатления, отмечу, что данный семинар пользуется популярностью у представителей самых разных отраслей научного знания, по этой причине он оправдывает свой междисциплинарный статус и запоминающееся название.

Для нашего журнала, несмотря на его естественно-географическое название, решение о выпуске тематического

номера по культурной географии, мы считаем закономерным и объясняем его тем, что роль культуры существенна в достижениях устойчивого развития, сегодня это хорошо заметно, поскольку культура задает ориентиры социально-экономического, экологического и научно-технологического развития. Для нашего журнала данный аспект весьма интересен, поскольку не только географическая среда влияет на культуру, но справедливо и обратное влияние культурно-мировоззренческих установок на окружающую среду. Изучение этой проблематики требует междисциплинарного взаимодействия, интеграции географической науки и гуманитарного знания. Запрос на междисциплинарность весьма актуален в условиях, когда монодисциплинарные исследования близки к тому, чтобы себя исчерпать. Наш журнал реагирует на этот запрос, и мы надеемся, что представленная в номере подборка статей будет интересна широкому кругу читателей.

**Главный редактор журнала
А. А. Медведков
кандидат географических наук
доцент географического факультета МГУ
старший научный сотрудник
Института географии РАН**

УДК 911.3

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-7-18

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ»: 30 ЛЕТ СПУСТЯ

Калуцков В. Н., Красовская Т. М., Морозова М. М.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Показать современное развитие гуманитарно- и культурно-географического направлений в рамках работы междисциплинарного научного семинара «Культурный ландшафт» комиссии Культурной географии РГО, действующего с 1993 г.

Процедура и методы. Исследование включало анализ и обобщение накопленного опыта по определению актуальной тематики, форм презентации и обсуждения докладов и организации работы семинара. Ответом на вызовы времени стало осуществление работы семинара одновременно в двух форматах: очном и онлайн.

Результаты. Исследование отражает публикационную деятельность семинара, а также реализацию проектов в рамках грантов РФФИ, РГНФ, филологического факультета МГУ, Русского географического общества. Выделено 3 этапа работы семинара, сформировавшихся как ответ на запросы практики. Отмечены наиболее яркие тематические выступления на семинаре.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование углубляет междисциплинарные научные исследования в области гуманитарной и культурной географии, а также в выполнении институциональной функции: организации площадки для интеграции научных знаний географов, этнологов, культурологов, музееведов, краеведов и др.

Ключевые слова: культурная география, культурный ландшафт, междисциплинарный научный семинар

INTERDISCIPLINARY SCIENTIFIC SEMINAR “CULTURAL LANDSCAPE”: 30 YEARS LATER

V. Kalutskov, T. Krasovskaya, M. Morozova

*Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. We demonstrate the modern development of humanitarian and cultural geographic branches within the framework of the interdisciplinary seminar “Cultural Landscape”, (Cultural Geography commission of the Russian Geographical Society), operating since 1993.

Methodology. The research relies on the analysis and generalization of the accumulated experience in determining the relevant topics, forms of presentations and their discussion and organi-

zation procedure of the seminar. The answer to the challenges of the time is the implementation of the seminar simultaneously in two formats: face-to-face and online.

Results. The study reflects the publication activities of the seminar, as well as the implementation of projects within the framework of grants from the RFBR, the Russian Foundation for Humanities, the Faculty of Philology of Moscow State University, the Russian Geographical Society. Three stages of the seminar activities, formed as a response to the requests of the practice, are outlined. The most striking thematic presentations at the seminar are presented.

Research implications. The theoretical significance of the seminar is in the deepening of interdisciplinary scientific research in the field of humanitarian and cultural geography. Its practical significance is the performance of an institutional function, being an integration platform for scientific knowledge of geographers, ethnologists, cultural scientists, museum studies specialists, local historians, etc.

Keywords: cultural geography, cultural landscape, interdisciplinary seminar "Cultural Landscape"

Введение

Осенью 2023 г. исполняется 30 лет творческой деятельности междисциплинарного научного семинара «Культурный ландшафт». Семинар начал свою работу на Географическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова в 1993 г. и в настоящее время функционирует как семинар комиссии Культурной географии Московского отделения Русского географического общества (РГО). Инициатива создания и становление семинара были поддержаны известными учёными-географами, профессорами Московского университета В. А. Николаевым, Ю. Г. Симоновым, С. М. Мягковым и др. Благодаря актуальной тематике, регулярности работы (2–3 раза в месяц), перспективному планированию, работе с докладчиками, одновременному функционированию в очном и онлайн режимах, периодической публикации сборников трудов, открытой дискуссионной площадке, странице в интернете и т. п. он привлекает не только маститых учёных, но и молодых исследователей, специализирующихся в различных направлениях науки, а также практиков проектирования, заповедного дела и др. Семинар

консолидирует исследователей разных специальностей на реализацию научно-исследовательских работ по тематическим грантам.

Современная наука на постнеклассическом этапе своего развития демонстрирует радикальное изменение в научных подходах изучения действительности, сутью которого становится междисциплинарность, ключевыми положениями которой для многих направлений, включая географию, регионоведение, геоэкологию, являются представления «самоорганизации», «эволюции», «целостности» применительно к системе «природа-общество» (социо-природной системе).

Конструктивным понятием постнеклассической науки для формирования теории культурного ландшафта является органическая включённость человека в целое универсума. Семинар активно развивает гуманитарное направление географии, и поэтому круг его участников включает в себя не только профессиональных географов разных направлений, но и этнологов, филологов, культурологов, политологов, историков и искусствоведов, изучающих пространство. Неслучайно, что среди основных целей работы

семинара – продвижение ландшафтного подхода в гуманитарные области знания и гуманитарных подходов и методов в географию, развитие культурной географии, поддержка междисциплинарных исследований и создание творческой среды для дискуссий.

Становление семинара проходило на фоне постепенного расширения междисциплинарных исследований социо-природных систем в различных областях науки, развития культурной географии, переломных моментов социально-экономического развития нашей страны (перестройка, экономические кризисы, новые программные установки развития науки и т. д.), а также меняющейся геополитической ситуации. Заметим, что направления деятельности семинара с момента его появления знаменуют собой и своеобразное «возвращение» на новом витке развития географической науки к её гуманитарным и синтетическим началам, блестяще раскрытым в трудах классиков отечественной географии В. П. Семенова-Тян-Шанского, Н. М. Пржевальского, Д. Н. Анучина, К. К. Маркова и др. Однако в географии этот процесс до сих пор, к сожалению, идёт слишком медленно, значительно сужая её роль в решении многих комплексных задач современности. Поэтому будет вполне уместным упомянуть имена географов – первопроходцев в междисциплинарности, выросших в различных направлениях географии классического периода: В. А. Веденина, С. М. Мягкова, В. А. Николаева, Д. Н. Замятина и др.

Активная научная деятельность семинара способствовала тому, что тема «Культурный ландшафт» была включена в план научной работы географиче-

ского факультета МГУ в 1995–1999 гг. Как следствие, появилась возможность осуществлять полевые исследования культурного ландшафта (первые ареалы исследований – русский и «языческий» Север, исторические города Подмосковья). Уже на этом этапе проявились основные характерные черты семинара: инновационность, дискуссионность и демократизм. Первое проявлялось в постановке «острых», проблемных тем научных докладов семинара, второе – в неформальной атмосфере их обсуждения, дискуссиях, сопровождавших практически каждый доклад. Демократизм семинара унаследован из традиций Московского университета: отсутствие ориентации только на формальные авторитеты и статус докладчиков, которыми могли быть и профессора, и студенты старших курсов. Этим объясняется и широкое участие научной молодёжи в работе семинара.

Основные направления научного семинара «Культурный ландшафт»

В своём развитии семинар прошёл уже 2 этапа – становление и самоопределение – и достиг определённого общественного статуса. В настоящее время он находится на третьем этапе развития, характеризуемого расширением спектра исследований, включая теоретические и прикладные, а также первыми успехами реализации их результатов на практике.

Если на первых шагах жизни семинара преобладали естественно-научные и нормативно-оценочные подходы по отношению к феномену культурного ландшафта, в дальнейшем появились экологические, этнологические и культурологические подходы. Такое

сочетание исследовательских практик реализовывало концепцию целостности и нерасчленённости феномена культурного ландшафта, пропагандируемую семинаром. К тому же это позволило создавать не сухой перечень, а «живописную поэму» географических, этнографических и других характеристик пространства. Таким образом, семинар «Культурный ландшафт» преодолевал чрезмерную дифференциацию научных знаний, демонстрируя необходимость их интеграции для решения географических, культурологических и мировоззренческих проблем, что, несомненно, явилось «велением времени» на рубеже XX и XXI вв. и стало определяющим направлением развития всей современной науки.

Импульсом в развитии семинара в начале XXI в. (в 2006 г.) явилось создание

на его основе комиссии по культурной географии Русского географического общества, что явилось своеобразным признанием его достижений географической общественностью нашей страны. У семинара появился свой логотип (рис. 1а), воспроизводящий солярный знак с северорусской прялки (рис. 1б), «привезённый» из первых междисциплинарных экспедиционных исследований в Архангельской области. В связи с неразвитостью гуманитарной проблематики в отечественной географии на втором этапе своей работы семинар обращал особенно пристальное внимание на концептуальные, методологические и теоретические вопросы культурного ландшафта. В качестве примера приведём названия некоторых тем докладов: «Феноменология культурного ландшафта», «Культурный

а

б

Рис. 1 / Fig. 1 Логотип семинара (а) и солярный знак на северорусской прялке (б) / (a) Seminar's logo and (b) solar sign on the North Russian spinning wheel

Источник: а) рисунок Т. М. Красовской и В. Н. Калуцкова;
б) Живой журнал: [сайт]. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/radugalily/post463055845/>
(дата обращения: 04.04.2023)

ландшафт как объект географического исследования», «Экологический подход к разработке теории культурного ландшафта», «Устойчивость культурного ландшафта и институциональный подход» и др. Следует отметить, что именно на площадке семинара аудитории был представлен наиболее полный обзор сопряжённых исследований зарубежных учёных и научных школ, мало известных российским географам.

На этом этапе развития семинара особое место заняла проблематика методов изучения культурного ландшафта: от чисто гуманитарных до высоко-технологичных с использованием ГИС- и видео-технологий, что видно из тематики представленных докладов, посвящённых «Цифровой эре» в региональных исследованиях культурного ландшафта, инвентаризации и картографировании культурных ландшафтов и др. Активно обсуждалась проблема границ культурных ландшафтов. При этом предлагались оригинальные гуманитарные методические приёмы картографирования культурных ландшафтов, например, с помощью топонимии.

Реалии общественного развития обусловили востребованность докладов на семинаре, посвящённых духовной культуре как неотъемлемой части культурного ландшафта («Ландшафты – этногенез – культурогенез»; «Мифогеография и территориально-культурные системы»; «География религий современного Ирана», «Духовные основы «экологической рациональности» коренных малочисленных народов Севера», «Культурный ландшафт в полиэтничных регионах» и др.¹). Бурная дискуссия

развернулась после доклада известного политолога, профессора МГУ имени М. В. Ломоносова А. С. Панарина «Глобальный мир XXI века», в котором автор показал роль Русского мира в современной истории, что вызвало непонимание у слушателей, «окутанных вуалью» западной демократии и либерализма. Это был первый доклад, ознаменовавший появление геополитической тематики в работе семинара, значительно усилившейся на современном этапе его развития.

Активисты семинара поддержали создание нового электронного журнала «Культурная и гуманитарная география» (гл. ред. И. И. Митин). Основная тематика журнала затрагивала вопросы культурной и гуманитарной географии, культурное ландшафтоведение, урбанистику, региональные исследования, философию и социологию пространства. Публикуемые статьи касались символических свойств и ментальных образов пространства; проблем интерпретации, репрезентации, символического осмысления культурных ландшафтов, восприятия и практического использования пространства и места человеком. Междисциплинарность журнала и недостаточное освещение поднимаемых им проблем в других изданиях сразу же сделали его популярным у специалистов. К сожалению, журнал выходил только в 2012 и 2013 гг., а потом выпуски были приостановлены по техническим причинам. Однако сайт журнала² содержит полный архив его выпусков.

Большим событием этого этапа является организация на базе гео-

¹ Здесь и ниже в скобках указывается тематика докладов.

² Культурная и гуманитарная география: [сайт]. URL: <https://gumgeo.ru/index.php/gumgeo> (дата обращения: 04.04.2023).

графического факультета МГУ молодой научной школы «Культурные ландшафты России и устойчивое развитие», поддержанной РГО и грантом РФФИ. В рамках школы более 70 молодых исследователей из многих районов нашей страны, а также стран СНГ получили возможность не только обменяться опытом работы в области культурной географии и смежных направлений науки, но и прослушать доклады мэтров, а также посетить тематические экскурсии.

«Общественным заказом» этого и следующего этапов работы семинара явилась тематика, сопряжённая с этнокультурными ландшафтами, а также урболандшафтами (их духовной составляющей). Доклады по этнокультурным ландшафтам охватывали многие районы нашей страны: Архангельскую и Мурманскую области, Кавказ и Закавказье, Крым, Алтай, Ямал, Южную Сибирь и др., а также зарубежные территории: страны Латинской Америки, Китай, Туркменистан, Абхазию, государства Карпатского региона, Республику Фиджи, Каракалпакию (Узбекистан) и др. На обсуждение была вынесена тема «Феномен историко-культурных областей мира», вызвавшая большой интерес слушателей.

Городской культурный ландшафт характеризуется в рамках семинара как *палимпсест*, интересное толкование которого было представлено в докладах и дискуссиях, посвящённых Москве, историческим городам Подмосковья, Смоленску, Саранску, Хвалынску и другим городам России. Не остались без внимания и городские культурные ландшафты зарубежных территорий: Лейпцига, Каракола

(Пржевальска), Каракаса и т. д. Внимание слушателей вызвал представленный на семинаре обзор отечественных разработок последних лет, посвящённых образу города, подготовленный по материалам библиотеки имени В. И. Ленина.

Значимым событием этого этапа было участие семинара в праздновании 300-летия со дня рождения М. В. Ломоносова, широко отмечавшегося в Московском государственном университете. На семинаре был представлен доклад, посвящённый географическому наследию этого выдающегося учёного, виртуальная карта географического пространства М. В. Ломоносова и образная карта его путешествия из Холмогор в Москву, переданная затем в дар музею на его родине (рис. 2).

Заметим, что в традициях семинара постановка тематических докладов к юбилеям выдающихся деятелей науки и культуры. Тем самым он осуществляет важную просветительскую деятельность, освещая юбилеи с позиций культурной географии. Так, к юбилею А. С. Пушкина был приурочен доклад, посвящённый анализу географического пространства в произведениях поэта, в котором звучали не только отрывки из его произведений, но и демонстрировались его «географические» зарисовки, оставленные на полях рукописей.

Откликом на неблагоприятные процессы запустения ряда районов нашей страны в связи с переживаемыми социально-экономическими проблемами явились доклады о трансформации культурных ландшафтов Европейской России в XX в., в Московском регионе за последние 150 лет и др. В них были

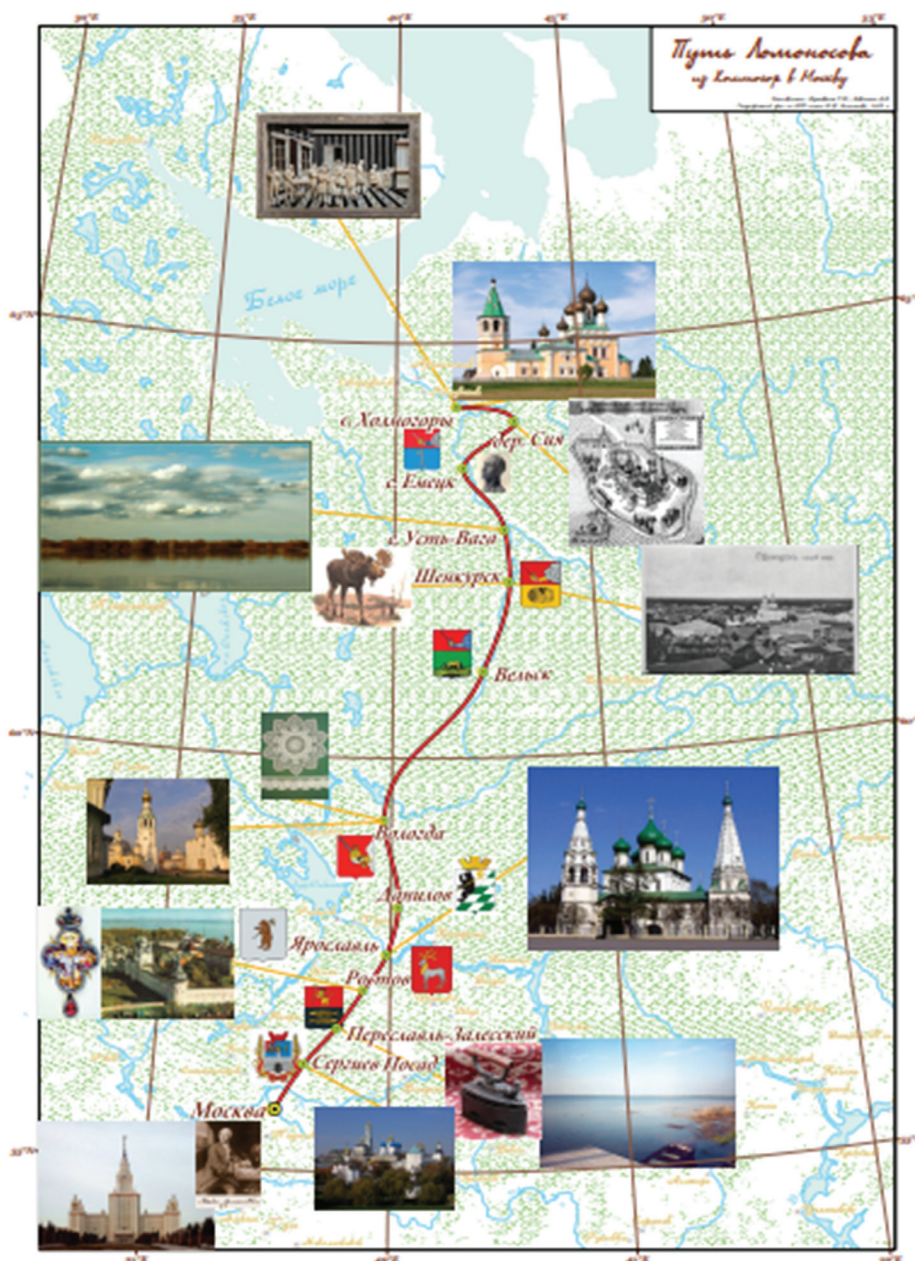

Рис. 2 / Fig. 2. Образно-географическая карта «Путь М. В. Ломоносова из Холмогор в Москву» / Figurative-geographical map of M. V. Lomonosov's way from Kholmogory to Moscow

Источник: Красовская Т. М., Новичихин А. Е. Туристическая карта «Путь в науку» и её роль в развитии внутреннего познавательного туризма Архангельской области // Страноведение и регионоведение в решении проблем устойчивого развития в современном мире. СПб.: ВВМ, 2010. С. 386–390.

вскрыты факторы, способствующие запустению, а также прогнозы развития этой тенденции на ближайшие годы. Постановка таких докладов продолжилась и на третьем этапе развития семинара, в частности появились доклады по Республике Крым, Украине.

Разработки в области исследования культурных ландшафтов стали носить не только сугубо научный, но и прикладной характер. В первую очередь, это касалось объектов природного и культурного наследия России: исторического комплекса Булгур в Татарстане, Золотого кольца Смоленщины, национальных парков Куршской косы (Калининградская обл.), Кенозерского (Архангельская обл.), Русского Севера (Вологодская обл.) и др., но также прозвучали сообщения о культурных ландшафтах Испании, Китая и других территорий. Обсуждались нерешённые проблемы инвентаризации и картографирования культурного ландшафта в российской проектно-планировочной деятельности. Слушателям были представлены разработки Муниципального атласа как инструмента комплексного анализа и актуализации ценностей культурного ландшафта исторических территорий и т. д.

К третьему современному этапу работы семинара было сформировано междисциплинарное научное сообщество, нацеленное на дальнейшее развитие теоретических основ гуманитарно-географических исследований, методик их проведения, освещение опыта региональных исследований в этом направлении в России и за рубежом («Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие гуманитарных наук»; «Географический детерми-

низм и национальная идентичность»; «Концептуализация географического пространства и географическая картина мира» и др.). В соответствии с лучшими традициями Русского географического общества в программу работы семинара регулярно включаются историко-культурные, этнокультурные, краеведческие доклады, а также сообщения о результатах профильных экспедиционных исследований в России и за рубежом («По маршруту Московского центрального кольца: культурный ландшафт или то, что от него осталось»; «Особо охраняемые природные территории в структуре культурных ландшафтов Санкт-Петербурга» и др.).

Геополитические проблемы последних лет, актуализировавшие тематику формирования региональной идентичности, чувства «малой родины» и т. п., нашли отражение в расширении тематики докладов, также как и процессы урбанизации, стимулирующие нарастание сообщений по культурным ландшафтам городской среды в самых различных ракурсах: от историко-культурного, организационного до символического («Комплексы традиционной культуры как объекты сакральной географии Белоруссии»; «Картируемое, «путешествуемое», районируемое пространство: земной ландшафт»; «Изнанка города»: маргинальные ландшафты и современная визуальная культура городов США» и др.). Уже традиционными стали доклады на семинаре, посвящённые топонимике культурных ландшафтов, рассматриваемой как отражение жизненного цикла сообщества, соотношения традиций и инноваций, возникающих параллелей в сфере географических на-

званий и т. д. («Изменение топонимии стран Закавказья, стран Казахстанско-Среднеазиатского региона в XX – начале XXI вв.»; «Белоруссия или Беларусь»: проблема соотношения традиций и инноваций в сфере географических названий» и др.).

В стремлении к междисциплинарным исследованиям в программу работы семинара на протяжении уже многих лет включаются доклады, посвящённые становлению природопользования, отражающего динамические процессы в социо-природных системах в различных районах нашей страны («Историческая геоэкология и ландшафтно-геоэкологические ситуации Восточной Фенноскандии»; «Происхождение и эволюция культурного ландшафта Южного берега Крыма» и др.). На стыке психологии, социологии, этнологии, философии, других гуманитарных наук, географии и геоэкологии были представлены доклады о формировании реальных и воображаемых геокультурных пространствах, пустотах в культурных ландшафтах, о культурном ландшафте как «отражении» эволюции социума в рамках метаэкологической системы, соотношении природных и антропогенных элементов, формирующих эстетику ландшафта и др.

Прикладную ветвь работы семинара продолжили доклады о сохранении природного и культурного наследия с перспективами использования в туристском кластере («Особенности развития религиозного туризма староосвоенных регионов России»; «Перспективы сохранения природного и культурного наследия национального парка «Русская Арктика»; «Историко-культурное наследие Севера: моде-

лирования географических образов»; «Историко-культурные ландшафты бассейна Пехорки (Московская область)» и др.). Опубликованные результаты гуманитарно-географических прикладных исследований культурных ландшафтов были продемонстрированы в презентации Атласа-справочника «Топонимия Ближнего Зарубежья: столетия переименований», нашли отражение в сообщениях о первых литературных картах России и др.

Организаторам семинара удалось реализовать оригинальную форму подачи материалов, включающую тематические видеофильмы («Культурный ландшафт Русского Севера в художественно-документальном фильме А. Васильева «Старинные песенки»), фольклорные программы, раскрывающие культуру Русского Севера («Культурный ландшафт России в фольклоре» (с участием фольклорно-этнографического театра МГУ «Братыня»), фрагменты музыкальных и литературных произведений, фоторяды городских пейзажей, связанных с элементами формирования образов культурных ландшафтов («Использование фотографии в изучении культурных ландшафтов Москвы»; «Пространственная динамика в западноевропейском и русском изобразительном искусстве»; «Образ пространства в романе А. Платонова «Чевенгур»»; «Восприятие культурного ландшафта (по произведениям А. С. Пушкина)»; «Музыка и ландшафт» и др.). Большой интерес слушателей вызвал доклад, сопровождаемый демонстрацией пластики народного танца эвенков, «копирующей» природные ландшафты («Географический аспект и природно-культурный ком-

плекс в пластике эвенкийского танца»), демонстрация предметов декоративно-прикладного искусства и живописных произведений, характеризующие специфику культурных ландшафтов разных районов нашей страны и мира («Пейзажи в классической персидской живописи»; «Славянский и угро-финский стереотипы в декоративно-прикладном искусстве севера Костромской обл.» и др.). Несомненно, что такая подача материала как нельзя лучше раскрывала сущность модели культурного ландшафта, выработанной на семинаре (рис. 3).

Отдельным и важным научным направлением работы семинара стало проведение исследований в области литературной географии. В рамках работы семинара были представлены доклады «Литературные карты Америки: опыт культурно-географического анализа», «О первых литературных картах России (или антропогеография даровитости С. А. Золотарёва)», «Концепция литературного атласа России» и др. Зимой 2022 г. был проведён круглый стол «Литература и география: перспективы взаимодействия».

Заключение

Можно назвать основные причины устойчивости многолетней деятельности семинара «Культурный ландшафт»: соответствие общим тенденциям развития науки, институциональные и общественные.

Во-первых, становление семинара совпало с новым этапом развития научных исследований на рубеже веков: усилением роли междисциплинарных исследований.

Во-вторых, в ситуации отсутствия институциональных структур в об-

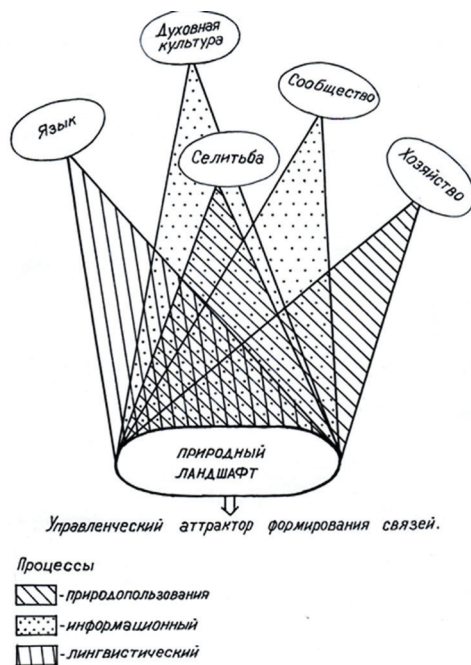

Рис. 3 / Fig. 3 Модель культурного ландшафта и корреляционных связей в нём / Model of the cultural landscape and correlations in it

Источник: Красовская Т. М.

Экологические корреляционные связи в поморском культурном ландшафте // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 1. С. 46–53.

ласти культурной и гуманитарной географии семинар выполняет и будет выполнять функцию интеграции научных знаний в этих направлениях.

В-третьих, самое главное – поддержка деятельности семинара со стороны научного сообщества. Организаторы благодарны вовлечённому в деятельность семинара научному сообществу, постоянным докладчикам и слушателям, поскольку именно они и их творческие порывы, искания – залог его успешной деятельности.

Уже не один год деятельность семинара строится на общественных на-

чалах. Его сопредседателями являются Татьяна Михайловна Красовская и Владимир Николаевич Калуцков, учёным секретарем – Милена Максимовна Морозова. Примечательно, что руководство семинара представляют 2 факультета Московского университета – естественнонаучный (географический) и гуманитарный (факультет иностранных языков и регионоведения), что также отражает междисциплинарный характер его деятельности.

В 1998 г. профессор С. М. Мягков в своём выступлении на заседании семинара «Культурный ландшафт» сказал: «Кто ищет стойкие культурные ландшафты, тот и сам неизбежно оказывается социально-экологическим спасателем». Мы стараемся следовать этому напутствию.

Труды семинара «Культурный ландшафт» / комиссии по культурной географии Московского городского отделения Русского географического общества:

1. Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье: сб. трудов семинара «Культурный ландшафт». Вып. 1 / В. Н. Калуцков, А. А. Иванова, Ю. А. Давыдова, Л. В. Фадеева, Е. А. Родионов. М.: Изд-во ФМБК, 1998. 136 с.
2. Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследований: сб. трудов семинара «Культурный ландшафт». Вып. 2. М., Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. 104 с.
3. Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования: сб. трудов семинара «Культурный ландшафт». Вып. 3 / отв. ред. В. Н. Калуцков,

Т. М. Красовская. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 172 с.

4. Культурные ландшафты России и устойчивое развитие: сб. трудов семинара «Культурный ландшафт». Вып. 4. / подред. Т. М. Красовской. М.: Географический ф-т МГУ, 2009. 270 с.
5. Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. № 1 (36). (Выпуск посвящён 25-летию деятельности семинара «Культурный ландшафт»).

Гранты Русского географического общества и Российского фонда фундаментальных исследований, реализованные участниками семинара:

1. грантовый проект № 02/2021 И «Первый литературный атлас России: важнейшие литературные места, ландшафты, путешествия и образы»;
2. грантовый проект № 20/2019 И «Чтобы помнили...»: создание атласа-справочника утраченной русской топонимии Ближнего Зарубежья»;
3. грантовый проект № 21/2017 И «Создание атласа ментальных карт регионов России»;
4. организация молодёжной научной школы «Культурные ландшафты России и устойчивое развитие» (02.2009).

Монографии, подготовленные по материалам грантов Русского географического общества, реализованных участниками семинара:

1. Регионы и города России: Атлас ментальных карт / науч. ред. В. Н. Калуцков, И. И. Митин [Электронный ресурс]. URL: <https://gumgeo.ru/public/files/>

- rgo/Atlas.pdf (дата обращения: 10.04.2023).
2. Топонимия Ближнего Зарубежья: сто лет переименований. Атлас-справочник / науч. ред. В. Н. Калущков [Электронный ресурс]. URL: <https://gumgeo.ru/public/files/pomnili/Atlas.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).
3. Литературная география России: атлас-справочник / науч. ред. Ю. А. Веденин, В. Н. Калущков. М.: Изд-во Московского университета, 2022. 295 с.

Статья поступила в редакцию 12.04.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Калущков Владимир Николаевич – доктор географических наук, профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова;
e-mail: v.kalutskov@yandex.ru

Красовская Татьяна Михайловна – доктор географических наук, профессор кафедры физической географии мира и геоэкологии географического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова;
e-mail: krasovsktex@yandex.ru

Морозова Милена Максимовна – преподаватель кафедры иностранного языка для географического факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова;
e-mail: ms.morozova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir N. Kalutskov – Dr. Sci. (Geography), Prof., Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: v.kalutskov@yandex.ru

Tatyana M. Krasovskaya – Dr. Sci. (Geography), Department of the World Physical Geography and Geoecology, Geographical Faculty, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: krasovsktex@yandex.ru

Milena M. Morozova – Lecturer, Department of Foreign Languages, Faculty of Geography, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: ms.morozova@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Калущков В. Н., Красовская Т. М., Морозова М. М. Междисциплинарный научный семинар «Культурный ландшафт»: 30 лет спустя // Географическая среда и живые системы. 2023. № 2. С. 7–18.

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-7-18

FOR CITATION

Kalutskov V. N., Krasovskaya T. M., Morozova M. M. Interdisciplinary scientific seminar “Cultural landscape”: 30 years later. In: *Geographical Environment and Living Systems*, 2023, no. 2, pp. 7–18.

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-7-18

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНОЙ ГЕОГРАФИИ

УДК 911.3

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-19-46

КОНЦЕПЦИИ ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫХ ТИПОВ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЛАСТЕЙ – ВКЛАД СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИИ В КУЛЬТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ

Ямсков А. Н.

*Институт этнологии и антропологии Российской академии наук
119334, г. Москва, Ленинский пр., д. 32а, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Анализ появления и развития взаимосвязанных концепций хозяйственно-культурных типов и историко-культурных областей в советской этнографии и близких направлений в американской культурной антропологии XX в.; обзор эволюции трактовок этих терминов и характеристика ряда схем районирования, созданных на их основе; разбор ряда проблем и перспектив на пути их возможного использования в исторической и культурной географии.

Процедура и методы. Работа имеет историографический характер и основана на анализе важнейших публикаций в данной области отечественной этнографии и, отчасти, американской культурной антропологии.

Результаты. Отмечены некоторые ошибки в имеющихся схемах районирования Евразии на основе данных концепций, уточнены предыстория появления этих концепций в советской этнографии и параллели или различия со школами «культурной экологии» и «культурных ареалов» американской культурной антропологии.

Теоретическая и/или практическая значимость. Показана перспективность применения концепций хозяйственно-культурных типов и историко-культурных областей в культурной географии и регионоведении, развиты предложения по модификации терминов, используемых для обозначения понятий хозяйственно-культурного типа и историко-культурной области.

Ключевые слова: историко-культурная область, культурно-географические регионы, хозяйственно-культурный тип

CONCEPTS OF ECONOMIC AND CULTURAL TYPES AND HISTORICAL AND CULTURAL AREAS: CONTRIBUTION OF SOVIET ETHNOGRAPHY TO CULTURAL-GEOGRAPHICAL REGIONALISATION

A. Yamskov

*Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences
Leninskii prosp. 32a, Moscow 119334, Russian Federation*

Abstract

Aim. We analyze the emergence and development of interrelated concepts of economic and cultural types and historical and cultural areas in Soviet ethnography and related fields of American cultural anthropology of the 20th century. A review is presented of the development of interpretations of these terms. A number of regionalisation schemes based on these concepts are critically analyzed and some of the problems and prospects for the possible use of these concepts in historical and cultural geography are assessed.

Methodology. This work is historiographical in nature, and is based on the analysis of the most important publications in the studied fields of domestic ethnography and, in parts, American cultural anthropology.

Results. Some flaws in existing schemes of regionalisation of Eurasia, based on these concepts, are noted; the antecedents of the emergence of these concepts in Soviet ethnography and similarities or differences with the schools of “cultural ecology” and “culture areas” in American cultural anthropology are clarified.

Research implications. The prospects for applying the concepts of economic and cultural types and historical and cultural areas in cultural geography and regional studies are identified; proposals for modifying the terms used to denote these concepts are developed further.

Keywords: economic and cultural types, historical and cultural areas, regions in cultural geography

Введение

По словам известного этнолога А. М. Решетова, «учение о хозяйственно-культурных типах и историко-этнографических областях представляет собой, пожалуй, наиболее значительный вклад советских учёных в теорию этнографической науки» [23]. Академик РАН Т. И. Алексеева и член-корреспондент АН СССР С. А. Арутюнов заявляли, что «...стержневое значение для отечественной этнографической школы имеет учение об историко-этнографических областях (ИЭО) и хозяйственно-культурных типах (ХКТ)» [5]. Я тоже высказывался об этих концепци-

ях¹ как о «приоритетном достижении советской этнографии» или «одном из важнейших новаторских теоретических достижений советской этнографии» [35]. Это действительно важные концепции, созданные в рамках отечественной этнографии второй половины XX в., которые по своему содержанию и возможным сферам использования

¹ Ямсков А. Н. Этноэкологические исследования культуры и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования: труды семинара / отв. ред. В. Н. Калуцков, Т. М. Красовская, А. Н. Ямсков. М.: Издательство МГУ, 2003. С. 62–77.

имеют самое непосредственное отношение к культурной географии и особенно к культурно-географическому районированию.

Термин «хозяйственно-культурный тип» (ХКТ) сохраняется без изменений, невзирая на трансформацию его содержания из-за усилий В. П. Алексеева по экологизации данного понятия [2], о чём будет подробнее сказано ниже.

Иная история с термином «историко-культурная область» (ИКО), который вошёл в науку под наименованием «историко-этнографическая область». Но авторы этого термина писали об «историко-этнографических (историко-культурных) областях», считая их синонимами [19]¹. Н. Н. Чебоксаров и Б. В. Андрианов, его коллега и соавтор, использовали «историко-этнографическую область» и позже [9]. В справочных изданиях середины 1990-х гг. «историко-этнографическая область» фигурирует у Б. В. Андрианова², а «историко-культурная область» – у В. И. Козлова³. Показателен пример Большой российской энциклопедии, где профессор, директор Института этнологии и антропологии РАН в 2015–2019 гг. М. Ю. Мартынова писала об «историко-этнографических областях

(ИЭО)» в Европе⁴, а С. А. Арутюнов – об «историко-культурных областях» в Азии⁵.

Хотя выбор между терминами «историко-культурная область» или «историко-этнографическая область» – дело вкуса. На мой взгляд, «историко-культурная область» (ИКО) звучит лучше. Ведь по содержанию понятие ХКТ отнюдь не менее «этнографично», чем понятие «историко-этнографическая область». Но почему последний термин несёт в себе отсылку к наименованию научной дисциплины, которое использовалось в Российской Империи и СССР, а первый – нет? К тому же оба они в равной мере отражают именно специфику культуры (пусть и разных её аспектов) тех групп населения, которые в них включаются. Поэтому лучше, чтобы оба термина содержали в себе частицу «культурный(ая)». Далее будет использоваться термин «историко-культурная область» (ИКО).

Культурно-географическое районирование вынесено в заглавие, но эта сфера исследований – за рамками моих профессиональных интересов. Следует лишь обозначить 2 тезиса, которые определяют последующее изложение и на которых базируется позиция автора по отношению к задачам и методам культурно-географического районирования.

Целесообразно принять выделение В. Н. Калущковым ряда разных подходов к тому, что из себя может

¹ Большинство цитируемых статей из журнала «Советская этнография» («Этнографическое обозрение») находится в открытом доступе [Электронный ресурс]. URL: <https://eo.iea.ras.ru/issue/22853/> (дата обращения: 06.04.2023).

² Андрианов Б. В. Историко-этнографические области // Этнические и этно-социальные категории: свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6 / отв. ред. В. И. Козлов. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 31–33.

³ Козлов В. И. Хозяйственно-культурные типы и историко-культурные области // Народы России: Энциклопедия / гл. ред. В. А. Тишков. М.: БРЭ, 1994. С. 462–465.

⁴ Романова Э. П., Никишин А. М., Тишков А. А., Мартынова М. Ю. Европа // Большая российская энциклопедия. Т. 9. М.: БРЭ, 2007. С. 535–554.

⁵ Алексеева Н. Н., Гатинский Ю. Г., Арутюнов С. А. Азия // Большая российская энциклопедия. Т. 1. М.: БРЭ, 2005. С. 274–294.

представлять выявленный культурно-географический регион, вне зависимости от его таксономического ранга. Взгляды учёного были представлены в виде наглядной схемы [12]. Вкратце в культурной географии можно оперировать регионами, существующими как в ментальной сфере (будь то в традиционной народной мифологии или в общественном сознании современного населения), так и в реальном географическом, или геокультурном, пространстве. В последнем случае у таких регионов имеются материальные маркеры на территории в виде, например, отдельных культовых зданий (церквей или мечетей), типов жилой застройки и архитектурного стиля построек, типа и облика агроландшафтов и т. п.

Оставляя за рамками данной работы «ментальные» культурные регионы, сосредоточимся на тех, которые В. Н. Калущков когда-то назвал «реальными». По отношению к последним он выделил 2 подхода к определению их пространственных границ и культурного содержания. Один подход предполагает, что выявляются внутренне относительно «однородные» по культуре регионы, а второй – очевидно «неоднородные». В определённой степени предложение В. Н. Калущкова отражает мнение Р. Ф. Туровского о необходимости в культурной географии разделять регионы, как минимум, на 2 категории [12].

Р. Ф. Туровский писал о «функциональных (узловых)» культурно-географических регионах, которые внутренне неоднородны, ибо имеют явный центр или центры концентрации своих типических особенностей и прилегающие зоны постепенного ослабления выраженности последних. Но куль-

турно-географические регионы могут быть и «формальными (гомогенными)», т. е. внутренне относительно однородными либо не имеющими упорядоченной неоднородности. Кстати, он упоминал в качестве отдельных «единиц культурного пространства» ИКО, и по смыслу говорил в том же ключе про ареалы ХКТ [28].

Позднее В. Н. Калущков развил свою позицию, выразив её несколько иначе. Он указал на возможность применения в рамках культурно-географического районирования «территориального подхода», приводящего к выявлению внутренне относительно однородных регионов. С другой стороны, можно применять и «пространственный подход» (или «геоконцептуальный подход»), в результате чего выявляются регионы, отражающие разделённость целостного культурного пространства в «центро-периферийной картине мира». Важно отметить, что В. Н. Калущков соотнёс ареалы ХКТ именно с внутренне «однородными» районами, выделяемыми в рамках «территориального подхода» [13]. То же самое можно сказать и о регионах, занятых отдельными ИКО, если абстрагироваться от ситуации в переходных зонах между разными ИКО.

Дальнейшие рассуждения о концепциях ХКТ и ИКО, рассматриваемых с точки зрения возможного их использования в исследованиях по культурной географии в целом и в рамках культурно-географического районирования в частности, базируются на следующих 2 положениях.

Во-первых, выделение ареалов распространения отдельных ХКТ или регионов, занятых конкретными ИКО, соответствует «территориальному»

(по В. Н. Калущкову) или «формально-му» (по Р. Ф. Туровскому) подходам к культурно-географическому районированию. В обоих случаях выявляются ареалы (ХКТ) или регионы (ИКО), внутренне относительно однородные по выбранным параметрам традиционной культуры населяющих их народов.

Во-вторых, что важно, выделяемые ареалы распространения отдельных ХКТ или регионы, занятые конкретными ИКО, примерно соразмерны основным таксономическим единицам, используемым в большинстве схем культурно-географического районирования. Например, в Евразии на рубеже XIX–XX вв. выделяют ХКТ «кочевых оленеводов тундры и лесотундры» (в пределах соответствующих ландшафтных зон современной России, Финляндии и Скандинавии), или ИКО «Кавказ» [34]. Площади, занятые этим ареалом (ХКТ кочевников-олeneводоов) или регионом (ИКО Кавказ), сопоставимы с площадью таких культурно-географических регионов, как, например, Западная Сибирь или Восточная Сибирь, равно как и многих других на схеме районирования России В. Н. Калущкова [14]. Вполне соразмерны указанным ХКТ и ИКО также «культурно-географические регионы» Ближнего Зарубежья, выделенные по упрощённым методикам, например, Закавказье или Казахстанско-Среднеазиатский регион [15; 27]. Увы, нельзя признать успешным выделение «многонациональной Северо-Кавказской области» в разделе «Культурно-ландшафтное районирование территории России» Национального атласа¹ [34]. Однако

очевидно, что ИКО «Кавказ» по занятой территории более-менее соответствует «многонациональной Северо-Кавказской области».

Содержание и история появления концепций ХКТ и ИКО

В случае концепций ХКТ и ИКО речь идёт о едином учении, или едином научно-теоретическом подходе, двумя взаимосвязанными аспектами которого являются понятия, стоящие за соответствующими терминами². Этот подход предполагает, что в условиях доиндустриальных обществ каждый участок на Земле, освоенный какой-либо группой населения с традиционной культурой, может быть отнесён одновременно к отдельному ХКТ и к определённой ИКО. Но это отнесение, т. е. включение данного участка территории, освоенной изучаемой группой населения, в ареал распространения отдельного ХКТ или в регион, занятый определённой ИКО, проводится по принципиально разным особенностям традиционной культуры местного населения.

Специфические черты тех элементов культуры, которые обеспечивают адаптацию населения к условиям физико-географической среды и поэтому в первую очередь связаны с хозяйством и материальной культурой, служат основой для отнесения данной группы людей к ХКТ. Особенности тех

Федеральное агентство геодезии и картографии, 2008. 495 с.

² Ямсков А. Н. Этноэкологические исследования культуры и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования: труды семинара / отв. ред. В. Н. Калущков, Т. М. Красовская, А. Н. Ямсков. М.: Издательство МГУ, 2003. С. 62–77.

¹ Национальный атлас России. Т. 4: История. Культура / отв. ред. Ю. А. Веденин. М.:

элементов духовной и материальной культуры той же самой группы населения, которые отражают её многовековые культурные контакты и взаимообмен различными явлениями культуры с соседними народами, являются основанием для включения данной группы населения в определённую ИКО. В последнем случае речь, по сути, идёт тоже об адаптации, но уже к социально-культурной среде данного региона, чаще всего полиэтнического по составу жителей¹.

Анализ истории развития концепций ХКТ и ИКО следует начинать с пионерной работы, введшей их в отечественную науку [19]. Правда, понятие ХКТ и сам этот термин в его современном понимании впервые появился немного раньше в краткой статье М. Г. Левина [18]. Но в своём детально проработанном виде единое учение о взаимодополняющих концепциях ХКТ и ИКО впервые было изложено именно в вышеупомянутой совместной статье М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова [19].

Воспроизведём полностью предложенные в 1955 г. определения. «Под хозяйственно-культурными типами следует понимать исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определённых естественно-географических условиях, при определённом уровне их социально-экономического развития. Мы говорим именно о хозяйственно-

культурных, а не просто о хозяйственных типах, т. к. направление хозяйства и географическая среда в очень значительной степени определяют особенности материальной культуры народов – типы их поселений и жилища, средства передвижения, пищу и утварь, одежду и т. д.» [19]. «Под историко-этнографической областью мы понимаем территорию, на которой в результате длительных связей, взаимного влияния и общности исторических судеб народов, населяющих эту территорию, сложилась определённая культурная общность». Авторы подчёркивают, что эти области – «категории исторические», т. е. «характерные особенности» и границы ИКО постоянно меняются [19].

Об ИКО говорилось как о собственно «областях» и «подобластях» [на примере Прибалтийской ИКО и её частей]. Также была упомянута «крупная “кавказская” историко-этнографическая область», в свою очередь состоящая из «двух историко-этнографических областей – северокавказской и закавказской» [19]. Другими словами, изначально была предложена трёхуровневая система классификации ИКО, которую впоследствии чаще всего стали представлять как провинция – область – подобласть или район². О таксономических уровнях ХКТ М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров первоначально не говорили, а позже их последователи стали использовать систему: группа типов – тип – подтип³.

¹ Ямсков А. Н. Этноэкологические исследования культуры и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования: труды семинара / отв. ред. В. Н. Калущков, Т. М. Красовская, А. Н. Ямсков. М.: Издательство МГУ, 2003. С. 62–77.

² Андрианов Б. В. Историко-этнографические области // Этнические и этно-социальные категории: свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6 / отв. ред. В. И. Козлов. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 31–33.

³ Андрианов Б. В. Хозяйственно-культурные

Изначально указывалось, что одинаковые ХКТ могут формироваться на разных континентах независимо друг от друга, без контактов их носителей, как у «таёжных охотников и рыболовов» в Сибири и Канаде. У носителей одного языка, т. е. у одного или этнически очень близких друг другу народов, могут быть разные ХКТ. А в рамках одной ИКО могут объединяться носители разных ХКТ и как родственные по языку и происхождению, так и не родственные народы [19]. Границы ИКО было предложено определять по границам расселения составляющих её народов.

Авторы говорили о ХКТ и ИКО только применительно к зафиксированному этнографами традиционному хозяйственному укладу и культурным особенностям различных народов мира или СССР либо по отношению к археологическим культурам, что свидетельствует о неприменимости данных концепций к модернизированным и урбанизированным сообществам [19]. Следует подчеркнуть, что впоследствии все эти определения и базовые положения принципиально уже не пересматривались, лишь частично уточнялись.

Концепции ХКТ и ИКО в середине XX в. были призваны решить 2 задачи советской науки. Во-первых, важнейшей была проблема объяснения того, по каким причинам в различных компонентах культур разных народов складываются близкие друг к другу явления. Ответ заключался в разделении каждой культуры на 2 ча-

сти – во-первых, на те составляющие, которые отражают уровень социально-экономического развития её носителей и природные условия, и ресурсы освоенной ими территории. По ним определяется принадлежность данной культуры к определённому ХКТ. А во-вторых, – на те, которые отражают исторически длительное и активное взаимодействие и культурный обмен данной группы с соседними народами, и по этим составляющим её культуры последняя включается в определённую ИКО.

Но была вторая актуальная задача, обусловленная возникшими проблемами в интерпретации археологических находок. Ведь черты сходства культурных артефактов, найденных на разных археологических памятниках, нередко пытались объяснять общим происхождением и этнической близостью их создателей. Учение о ХКТ и ИКО объяснило, что сходство в определяющих специфику отдельных ХКТ чертах культуры может быть вызвано не общностью происхождения и даже не длительным культурным взаимодействием, а являться отражением адаптации к близким условиям географической среды.

Как пример, были приведены типологически сходные культуры кочевников из числа арабоязычных, ираноязычных, тюркоязычных и монголоязычных народов. С другой стороны, совершенно разные ХКТ и соответственно принципиально различающиеся культурные особенности могут быть у групп, говорящих на одном языке (например, чукчи и коряки делятся на кочевых оленеводов тундры и оседлых береговых охотников на морских млекопитающих).

типы // Этнические и этно-социальные категории: свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6 / отв. ред. В. И. Козлов. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 138–141.

Обнаруженные археологами сходные материальные следы существования народов, входивших в прошлом в несохранившуюся до наших дней ИКО, могут вовсе не предполагать их этической или языковой близости. Подтверждает последний тезис, например, большое культурное сходство совсем неродственных друг другу по языку и происхождению латышей и эстонцев в Прибалтийской ИКО либо нивхов и нанайцев в Амуро-Сахалинской ИКО. Эти и другие факты были приведены с целью предостеречь археологов от необоснованных попыток приписать этническое единство или близость тем группам населения древности, у которых такая культурная близость могла быть следствием их принадлежности к одному ХКТ или к одной ИКО [19].

М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров представили большой очерк географического распространения отдельных ХКТ и ИКО на территории СССР и мира в целом. Например, в Сибири, говоря о традиционных культурах коренных народов, они выделили следующие ИКО: ямало-таймырскую (заходящую на весь ареал расселения ненцев в Европейской части России), западносибирскую, восточносибирскую, камчатско-алеутскую, амуро-сахалинскую. Также особыми ИКО они считали «Среднее Поволжье и Прикамье» (с Южным Уралом, заселённым башкирами, и ареалом расселения коми-пермяков) и Прибалтику. Историко-этнографическими единицами более высокого таксономического уровня, включающими по несколько областей, с их точки зрения, являлись Восточная Европа в целом, Кавказ, Средняя Азия, а также Сибирь [19]. Неотъемлемой характеристикой любой ИКО служило

указание географического региона или смежных регионов, которые она занимает.

В отношении ХКТ они, например, отметили, что «...у народов Северной Сибири до самого недавнего времени было представлено несколько основных хозяйственно-культурных типов:... 1. таёжные рыболовы и охотники, 2. арктические охотники на морского зверя, 3. рыболовы бассейнов крупных рек, 4. охотники-оленоводы тайги, 5. оленеводы тундры» [19]. Авторы ввели в базовую характеристику любого ХКТ указание на ведущую отрасль или отрасли хозяйства, а также на природную зону или иной тип ландшафтов, в которых ведётся это хозяйство. В примерах, приведённых выше, это такие приоритетные отрасли или сочетания отраслей хозяйства, как: охота и рыболовство, охота на морских млекопитающих, специализированное рыболовство, охота и разведение вьючных и верховых оленей, специализированное крупнотабунное оленеводство. При этом хозяйственная деятельность осуществлялась в таких природных зонах и ландшафтах: тайга, морские побережья в Субарктике и Арктике, долины и бассейны крупных рек, тундра.

Новаторство М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова состоит в том, что они первыми в отечественной науке разделили весь комплекс явлений культуры на 2 составляющие:

1. на те, что выполняют функции адаптации к физико-географической среде, и по которым конкретная культура и народ, являющийся её носителем, могут быть отнесены к определённому ХКТ;

2. на те, которые отражают многовековые культурные контакты и взаимовлияния с соседними народами, и по которым данная культура и народ могут быть включены в определённую ИКО.

А ведь тогда, в начале – середине 1950-х гг., в СССР фактически господствовали идеи географического поссибилизма. Эта научная парадигма о взаимоотношениях человеческого общества и физико-географической среды, как и её предшественница, географический детерминизм XVIII – второй половине XIX вв., исходили из единства культуры, взаимосвязанности и взаимообусловленности всех её компонентов. Они лишь пытались по-разному решить вопрос о том, какую роль играет эта единая культура во взаимоотношениях общества и природы, т. е. является ли культура народа лишь пассивным отражением природных условий и ресурсов на занятой им территории (геодетерминизм), или же, напротив, деятельным началом, трансформирующим освоенную часть географической среды (отсюда вырос лозунг-призыв тех лет «борьбы с природой») и ограниченным в своём развитии только лимитирующими средовыми факторами (геопоссибилизм)¹.

Именно на смену этим ошибочным предположениям, исходившим из тезиса о единстве культуры, пришли современные представления, основанные на экологической, или, точнее, экосистемной, парадигме о взаи-

моотношениях общества и природы, согласно которой лишь часть явлений культуры обеспечивает адаптацию общества к условиям и ресурсам географической среды². Последним взглядом и соответствует представление о том, что через концепцию ХКТ можно раскрыть культурную дифференциацию человечества, являющуюся следствием неоднородности физико-географических условий на земной поверхности, которые и приводят к различным результатам культурной адаптации, т. е. к появлению разных ХКТ. Концепция ИКО, напротив, отражает культурную дифференциацию человечества, являющуюся следствием вариаций в пространственно-временных условиях взаимодействия между отдельными народами. В этой концепции отражены результаты различий между народами в пространственной близости друг к другу и в длительности культурных контактов. Это приводит к возникновению достаточно мощного единого пласта культуры в границах одной ИКО и к почти полному отсутствию общих культурных явлений у народов из различных, особенно пространственно отдалённых, ИКО³.

Параллели и различия в развитии концепций ХКТ и ИКО в СССР и «культурной экологии» и школы «культурных ареалов» в США

С точки зрения развития науки, удивительно, что именно в 1955 г. в США

¹ Ямсков А. Н. Этноэкосистема: содержание понятия и история его развития в отечественной этноэкологии // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы / отв. ред. Н. А. Дубова, Л. Т. Соловьёва. М.: Наука, 2009. Вып. 34. С. 130–142.

² Там же.

³ Ямсков А. Н. Этноэкологические исследования культуры и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования: труды семинара / отв. ред. В. Н. Калущков, Т. М. Красовская, А. Н. Ямсков. М.: Издательство МГУ, 2003. С. 62–77.

оформилась «культурная экология» Дж. Стюарда. Это особый исследовательский метод [43] или, как было позже признано, первая стадия развития нового научного направления – экологической антропологии (*ecological anthropology*) [32; 40].

В англоязычной науке именно Дж. Стюард впервые поставил вопрос о принципиально разных функциях различных явлений культуры, т. е. о её неоднородности. По его мнению, лишь часть компонентов культуры – «культурное ядро» (*cultural core*) – осуществляет адаптацию к условиям среды обитания и потому теснейшим образом взаимосвязана с ней. К культурному ядру он относил прежде всего то, что «наиболее тесно связано с обеспечением средствами существования и организацией хозяйства», включая сюда не только собственно технологии природопользования, обработки получаемых продуктов и принципы их перераспределения в обществе, но и явления «социального, политического и религиозного» характера, которые поддерживают и направляют экономическую деятельность данного сообщества. Напротив, «вторичные элементы» (*secondary features*) культуры, или периферийные явления, «в гораздо большей степени предопределены сугубо культурно-историческими факторами – инновациями или диффузией», и именно они придают неповторимые, своеобразные черты даже тем разным культурам, у которых, по сути, одинаковое культурное ядро [43].

Взгляды Дж. Стюарда на культуру и её роль в процессах адаптации общества к условиям физико-географической среды, а также на отражение в ней длительных контактов с сосед-

ними сообществами, очевидно, соответствуют появившейся одновременно отечественной концепции ХКТ и ИКО. Элементы культуры, по которым определяется вхождение её носителей в тот или иной ХКТ, вполне аналогичны «культурному ядру», тогда как явления, позволяющие отнести эту же культуру к какой-либо ИКО, практически точно соответствуют «вторичным» или периферийным элементам культуры по Дж. Стюарду [33].

Поэтому не вызывает удивления, что последователи Дж. Стюарда довольно близко подошли к понятию ХКТ. В учебниках по «культурной экологии» они обычно группируют фактические материалы об определяющих культурных особенностях жителей разных регионов Земли по отдельным «системам обеспечения средствами существования» [35]. Так, у Р. Неттинга главы, включающие конкретные сведения по отдельным сообществам из разных регионов Земли, называются: охотники-собиратели, рыболовы Северо-Западного побережья (Северной Америки), скотоводы Восточной Африки, земледельцы [41]. М. Саттон и Ю. Андерсон распределяют материалы учебника по главам, в ряде которых описаны хозяйство и другие элементы культуры конкретных этнокультурных сообществ. Это главы: охота и собирательство, подсечно-огневое земледелие (*horticulture*), пастбищное скотоводство, интенсивное земледелие [44]. При наличии точной информации о хозяйственных занятиях и землепользовании всех таких групп населения на занятых ими территориях можно было бы составить картосхемы распространения соответствующих систем обеспечения средствами существования,

и они мало бы отличались от картосхем ареалов ХКТ.

Говоря об истории возникновения концепций ХКТ и ИКО, нельзя не вспомнить о весьма популярных в американской антропологии первой половины XX в. исследованиях «культурных ареалов» (*culture area*). М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров упомянули книгу Кларка Уисслера о «культурных ареалах» [45], назвав его «в числе своих предшественников». Однако они также подчеркнули, что в процедуре определения этих ареалов неправомерно смешаны характеристики ХКТ и ИКО, т. е. данное направление было не предтечей, а антитезой их учения о ХКТ и ИКО [19].

В 1904 г. о культурных ареалах впервые опубликовал статью А. Крёбер, и только в 1906 г. вышла краткая статья о них же К. Уисслера [42]. Но последний в 1917 г. издал фундаментальную монографию, а потом и статью по методологии данного направления, таким образом став, по сути, его фактическим основателем [45; 46]. Однако с выходом в свет книги А. Крёбера в 1939 г. именно она в итоге оказалась главным и завершающим в теоретическом плане исследованием «культурных ареалов» индейцев Северной Америки [39].

О сути данного подхода К. Уисслер писал: «Мы видим культурный ареал как понятие, через которое выражается региональный характер социального поведения человека» [46]. Учитывая масштабы основных культурных ареалов, речь шла о том, чтобы в каждом случае выявить явную культурную общность, выходящую далеко за рамки отдельного племени или союза племён, т. е. необъяснимую с точки зрения сложившихся внутри этих сообществ

культурных контактов. К. Уисслер и А. Крёбер предприняли попытки учесть все или по возможности большинство компонентов культуры от ведущих отраслей хозяйства и базовых продуктов питания до мифов и религиозных обрядов в выделенных ими основных «культурных ареалах», с картографированием последних [39; 45].

Однако, несмотря на большую ценность опубликованных ими фактических сведений по этнографии индейцев, в теоретическом отношении идеи о «культурных ареалах» и, что главное, о принципах их выделения оказались уязвимыми для критики. Ведущей причиной стало отсутствие чётких правил отбора учитываемых культурных характеристик и признание того, что в различных культурных ареалах определяющей чертой их культурного своеобразия могут быть разные компоненты культуры. Поэтому к началу 1970-х гг. за рубежом от этой концепции почти полностью отказались [31; 42]. Как впоследствии показали труды Дж. Стюарда, в рамках данной научной школы игнорировался факт принципиальной неоднородности любой культуры, лишь часть элементов которой выполняет функции адаптации к условиям и ресурсам природной среды и потому в своём распространении зависит от последних и, следовательно, от природных границ [33].

Однако в исследованиях школы «культурных ареалов» впервые проявились многие черты, потом вошедшие в концепции ХКТ и ИКО. Не претендуя на характеристику содержания весьма различающихся по методологии монографий К. Уисслера и А. Крёбера, можно выделить следующие основные их

соответствия с появившимся позднее учением о ХКТ и ИКО:

1. соразмерность – в Северной Америке, без учёта островов Карибского моря и Панамского перешейка, Уисслер выделил 10 культурных ареалов, Крёбер – 7 групп ареалов, а Б. В. Андрианов – 3 области (ИКО), одна из которых включает в себя 3 под-области, и ареалы 4 ХКТ, притом что на рубеже XIX–XX вв. на основной части территории континента были распространены системы товарного земледелия и животноводства и ХКТ уже отсутствовали [7; 39; 45];

2. применение понятия «культурного ареала» только к доиндустриальным сообществам или археологическим культурам;

3. определение границ культурных ареалов по границам расселения племён (то же самое – выделение ИКО по границам расселения народов);

4. соотнесение границ культурных ареалов с природно-географическими границами у Крёбера (аналогично – соответствие ареалов распространения ХКТ границам занятых ими ландшафтных зон или аazonальных ландшафтов типа оазисов либо речных долин).

Предыстория концепций ХКТ и ИКО

В 1955 г. М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров представили учению о ХКТ и ИКО сразу в проработанном в теоретическом отношении виде и с обилием конкретных этнографических и археологических фактов [19]. Это довольно редкий в науке случай. Тем не менее и у данного учения тоже была своя предыстория, причём весьма неоднозначная.

Авторы этих концепций и Б. В. Андрианов, впоследствии часто работавший в соавторстве с Н. Н. Чебоксаровым над методологически важными статьями о ХКТ и ИКО, обычно упоминали исследование С. П. Толстова [25] как первый шаг на пути к понятию ХКТ [7; 8; 19]. Но не стоит преувеличивать немалые научные заслуги археолога и этнографа, директора Института этнографии АН СССР в 1942–1965 гг. С. П. Толстова, ведь в указанной работе он просто упомянул о сосуществовании среди арабов в Аравии кочевых скотоводов и оседлых земледельцев в оазисах [25]. В более позднем научно-биографическом очерке о С. П. Толстова о чём-либо, связанном с ХКТ, не говорится [22].

Развёрнутые обзоры предшествовавших исследований, на основе которых возникло учение о ХКТ и ИКО, опубликовали как его авторы, так и последователи [6; 7; 8; 19]. Среди многих упомянутых там специалистов следует выделить географа Э. Хана. Ещё в 1892 г. он составил картосхему «Формы экономической деятельности» в мире [37], которую впоследствии Б. В. Андрианов привёл в своей книге [6]. Видимо, именно та картосхема и лёгшие в её основу идеи послужили отправной точкой в начале разработки концепции ХКТ.

Кроме того, существенный, если не определяющий, вклад в создание понятия ХКТ внёс В. Г. Богораз-Тан [33]. Он ещё в середине-конце 1920-х гг. выделял «этногеографические зоны», фактически аналогичные ареалам распространения ХКТ, и в них – отдельные «типы культуры» или «формы культуры», весьма близкие по содер-

жанию к ХКТ. В тундрах, лесотундрах и по северной границе тайги Евразии, например, он отмечал «сухопутных охотников» на окраинах тайги, «речных рыболовов» в устьях больших рек, «оленоводов» в тундре и лесотундре и «охотников за морским зверем» на побережьях морей [10]. Если отвлечься от терминологии, то данное перечисление фактически полностью соответствует приведённому выше перечню ХКТ Северной Сибири по М. Г. Левину и Н. Н. Чебоксарову. К сожалению, об этом научном достижении В. Г. Богораз-Тана почему-то ничего не сказано в большинстве упомянутых выше обзоров работ, предшествовавших появлению концепции ХКТ [6; 8; 19]. И только в более поздней монографии Б. В. Андрианов упомянул вклад В. Г. Богораз-Тана в эту область науки [7].

**Современные трактовки
концепций ХКТ и ИКО и
экологизация понятия ХКТ
академиком В. П. Алексеевым**

Современные определения ХКТ и ИКО в основном не отличаются по своему смыслу от тех, что предложили М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров. В гораздо более поздней формулировке Б. В. Андрианова, «историко-этнографическая область... – территория, у населения которой в силу общности исторических судеб, социально-экономического развития и взаимного влияния складываются сходные культурно-бытовые особенности. Они находят своё проявление в материальной культуре (типах жилища, средствах передвижения, домашней утвари, одежде, обуви, пище и т. д.), а также во многих сторонах духовной культуры (верования, фольклор, ка-

лендарные обряды и обычаи). И.-Э.О. иногда называется также “Историко-культурной областью”»¹. По мнению Б. В. Андрианова, «хозяйственно-культурные типы – это исторически сложившиеся комплексы хозяйства и культуры, типичные для народов, различных по происхождению, но обитающих в сходных географических условиях и находящихся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития» [7]. Близкие по содержанию определения ИКО и ХКТ принадлежат также В. И. Козлову².

При такой устойчивости определений ХКТ и ИКО кажется парадоксальным, что понятие ХКТ претерпело серьёзную трансформацию в середине 1970-х гг. благодаря усилиям академика АН СССР В. П. Алексеева. С момента появления концепции ХКТ и ИКО служат прежде всего для упорядочивания массива сведений о культурах народов мира, обобщения и приведения их в некоторую систему или классификационную схему, которую можно отразить на карте. Это требуется для различных справочников и учебников по этнографии.

При использовании концепцию ХКТ для классификации изучаемой культуры часто возникают 2 вопроса. Во-первых, сколько всего отдельных ХКТ целесообразно выделять в рамках каждой из их 3 «стадиально-типологических групп»: охотники, собиратели,

¹ Андрианов Б. В. Историко-этнографические области // Этнические и этно-социальные категории: свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6 / отв. ред. В. И. Козлов. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 31–33.

² Козлов В. И. Хозяйственно-культурные типы и историко-культурные области // Народы России: Энциклопедия / гл. ред. В. А. Тишков. М.: БРЭ, 1994. С. 462–465.

рыболовы; мотыжные земледельцы тропиков и скотоводы Чёрной Африки; плужные земледельцы и кочевые скотоводы Евразии и Северной Африки [7]. Иначе говоря, что именно считается особым ХКТ, а что – только подтипом либо вариантом ХКТ, и на каком основании можно различить целое и его часть. Во-вторых, неопределённой является граница между культурой, вписывающейся в тот или иной ХКТ, и культурой, в которой развитие товарного хозяйства зашло столь далеко, что её нельзя относить к традиционной и потому невозможно включать в какой-либо из ХКТ¹.

Вклад В. П. Алексеева в разработку концепции ХКТ вытекает из предложенного им впервые в отечественной этнографии системного понимания взаимодействий локального сообщества с освоенным участком географической среды [1]. Оно получило отражение во введённом им понятии «антропогеоценоз», которым обозначена экосистема, включающая в качестве одного из своих компонентов человеческое сообщество в виде общины, члены которой совместно используют ресурсы определённой «освоенной территории»². В. П. Алексеев делает вывод, что «антропогеоценоз – реально существующее явление в составе» ХКТ. По его мнению, в поня-

тие ХКТ «...включаются все элементы культуры, которые возникают в процессе приспособления народов к географической среде», но в первую очередь – «хозяйственная деятельность». Наконец, В. П. Алексеев отмечает, что «количество антропогеоценозов внутри того или иного типа определяет величину его ареала...» [2].

Продолжив мысль В. П. Алексеева об антропогеоценозе как о структурной ячейке ХКТ, можно сделать вывод, что ХКТ является классификационной категорией для обобщения результатов исследований взаимодействия локальных сообществ, образующих «хозяйственные коллективы» отдельных антропогеоценозов, с освоенными ими участками географической среды. Такое определение ХКТ вносит гораздо большую определённости в вопросы классификации ХКТ. Но вскоре после первой публикации В. П. Алексеева об антропогеоценозе [1], его ученик и коллега И. И. Крупник, а также Ю. В. Бромлей и В. И. Козлов заменили данный термин на «этноэкосистему». Кроме того, И. И. Крупник частично доработал и изменил содержание данного понятия³.

Используя термин «этноэкосистема» как практически синоним антропогеоценоза, можно сделать ряд выводов:

1. ареал распространения определённого ХКТ определяется суммой освоенных территорий соответствующих ему однотипных этноэкосистем;

¹ Ямсков А. Н. Некоторые аспекты концепции хозяйственно-культурных типов в свете исследований В. П. Алексеева // Человек: его биологическая и социальная история: Труды Междунар. конф., посвящённой 80-летию академика РАН В. П. Алексеева (Четвёртые Алексеевские чтения) / отв. ред. Н. А. Дубова. Т. 1. М.-Одинцово: Одинцовский гуманитарный институт, 2010. С. 114–118.

² Там же.

³ Ямсков А. Н. Этноэкосистема: содержание понятия и история его развития в отечественной этноэкологии // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы / отв. ред. Н. А. Дубова, Л. Т. Соловьёва. М.: Наука, 2009. Вып. 34. С. 130–142.

2. хозяйственно-культурное своеобразие ХКТ является обобщением отличительных особенностей всех тех явлений культуры хозяйственных коллективов (общин) из однотипных этноэкосистем, которые выполняют адаптивные функции;

3. носители ХКТ – это совокупность членов хозяйственных коллективов, входящих в однотипные этноэкосистемы¹.

Таким образом, существенно проясняется процедура нахождения ответа на вопрос о том, что имеет смысл считать особым ХКТ, а что – его подтипом. Теперь это вопрос о том, какие этноэкосистемы (или антропогеоценозы) можно считать однотипными и почему, а какие – нет. Этноэкосистемы считаются однотипными, если по своей структуре они (а) состоят из одинаковых блоков (компонентов), между которыми (б) имеются одинаковые вещественно-энергетические и информационные взаимосвязи, и если последние (в) отличаются одинаковыми сезонными и многолетними ритмами изменений².

¹ Ямсков А. Н. Некоторые аспекты концепции хозяйственно-культурных типов в свете исследований В. П. Алексеева // Человек: его биологическая и социальная история: Труды Междунар. конф., посвящённой 80-летию академика РАН В. П. Алексеева (Четвёртые Алексеевские чтения) / отв. ред. Н. А. Дубова. Т. 1. М.-Одинцово: Одинцовский гуманитарный институт, 2010. С. 114–118.

² Ямсков А. Н. Этноэкосистема: содержание понятия и история его развития в отечественной этноэкологии // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы / отв. ред. Н. А. Дубова, Л. Т. Соловьёва. М.: Наука, 2009. Вып. 34. С. 130–142; Ямсков А. Н. Некоторые аспекты концепции хозяйственно-культурных типов в свете исследований В. П. Алексеева // Человек: его

Несмотря на большую историю развития и высокую степень проработанности, особенно концепции ХКТ, учение о ХКТ и ИКО в постсоветский период стало использоваться в отечественной науке реже, чем в советский период. Видимо, сказалось общее разочарование учёных-гуманитариев в теоретическом аппарате советской науки, в т. ч. и в совершенно неидеологизированных его частях вроде концепций ХКТ и ИКО. Свою роль сыграл также перенос интересов с этнографии традиционного хозяйства и материальной культуры к другим вопросам, например, из области юридической или политической антропологии, политики идентичности и т. д.

К тому же начал проявляться ещё один тревожный аспект в отношении ряда современных исследователей к концепциям ХКТ и ИКО. Выше говорилось о том, что в американской экологической антропологии обычно группируют народы и культуры по их «системам обеспечения средствами существования» (в основном отражающим особенности хозяйства и производства пищи), или «системам жизнеобеспечения», и что эти понятия довольно близки к ХКТ. К сожалению, сходство данных понятий привело к участвовавшим в последнее время необоснованным попыткам заменить термин ХКТ на производные от «жизнеобеспечения» [35]. В частности, академик РАН В. А. Тишков писал о «способах жизнеобеспечения»,

биологическая и социальная история: Труды Междунар. конф., посвящённой 80-летию академика РАН В. П. Алексеева (Четвёртые Алексеевские чтения) / отв. ред. Н. А. Дубова. Т. 1. М.-Одинцово: Одинцовский гуманитарный институт, 2010. С. 114–118.

т. е. фактически об отраслях хозяйства (охоте, собирательстве) или «системах жизнеобеспечения». Последние термины он применял в качестве синонимов и трактовал их именно как *subsistence systems* или различные системы обеспечения средствами существования, на основе которых сложились «общества охотников-собирателей», «скотоводческие общества», «аграрные общества» и т. п. [26]. Хотя каких-либо аргументов в пользу переключения на данную терминологию с отказом от концепции ХКТ В. А. Тишков не привёл, его пример может стать образцом для неоправданного подражания.

**Некоторые проблемы
выделения и описания
географической приуроченности
ИКО и определения и
картографирования ареалов ХКТ**

Картографирование ХКТ и ИКО представляет собой странную картину – при немалом количестве картосхем ХКТ, составленных разными авторами, имеется, по сути, лишь одна профессиональная картосхема ИКО для территории России, причём сделанная географами [11].

Однако существуют довольно многочисленные описания регионов, занятых отдельными ИКО. Об основных ИКО на территории СССР было сказано выше при обзоре взглядов М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова. Б. В. Андрианов предложил свой взгляд на историко-культурную дифференциацию населения всего мира¹.

¹ Андрианов Б. В. Историко-этнографические области // Этнические и этно-социальные категории: свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6 / отв. ред. В. И. Козлов. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 31–33.

Говоря об ИКО Евразии, он подчеркнул, что «в наши дни степень сохранности их характерных культурно-бытовых особенностей очень различная, а границы между ними нередко условны, вследствие существования переходных зон». В западных, северных и центральных регионах Евразии Б. В. Андрианов выделил следующие «историко-культурные провинции» и области в их составе (области указаны в скобках): западно-центральноевропейская (североевропейская; приатлантическая; центральноевропейская; средиземноморская), восточноевропейская (центральная и северная или русско-украинско-белорусская; прибалтийская; волго-камская; юго-западная), кавказская (северо-кавказская; закавказская), среднеазиатско-казахстанская (юго-западная или туркменская; юго-восточная или узбекско-таджикская; северная или казахстанская), сибирская (западно-сибирская; ямалотаймырская; алтае-саянская; восточно-сибирская; камчатско-чукотская; амуро-сахалинская), центральноазиатская (восточно-туркестанская; монгольская; тибетская), восточноазиатская (китайская, с подразделением на северную и южную подобласти; корейская; японская), юго-западноазиатская (или переднеазиатская, включающая области: малоазиатская; ирано-афганская; аравийская)².

Специалист по этнографии народов Европы М. Ю. Мартынова называет всю эту часть света «единым историко-культурным регионом» и выделяет в нём следующие «историко-этнографические области [ИЭО]»: Западно-европейскую (или Атлантическую),

² Там же.

Центральноевропейскую, Североевропейскую и Юго-Восточную Балтию (т. е. страны Прибалтики), Южноевропейскую (Пиренейский и Апеннинский полуострова), Юго-Восточную (Балканы и Нижний Дунай, включая Молдавию), Восточноевропейскую (с субрегионами: Восточнославянский, Европейский Север и Северо-Запад России, Урало-Поволжье)»¹. В целом, этот подход более оправдан, чем у Б. И. Андрианова. Но всё же стоит выделять Урало-Поволжье на рубеже XIX–XX вв. и ранее в качестве самостоятельной ИКО, подобно Кавказу или Восточноевропейской ИКО.

С. А. Арутюнов, говоря об Азии, отказывается от погружения в вопросы таксономии ИКО и просто указывает, что эта часть света состоит из «8 крупнейших историко-культурных областей»: Сибирь, Восточная Азия (включает Китай, Корею, Японию, Вьетнам), Юго-Восточная Азия, Южная Азия, Центральная Азия (Монголия, Внутренняя Монголия и Цинхай, Тибет), Средняя Азия (республики Средней Азии и Казахстан, Синьцзян, Афганистан), Юго-Западная Азия (или Передняя Азия, т. е. Иран и все страны к западу и юго-западу) и «традиционно Кавказ»². Необходимо поддержать включение Синьцзяна (Восточного Туркестана) в Среднюю Азию. В случае Афганистана границу между Средней Азией и Южной Азией лучше проводить по хребтам Гиндукуша, т. е. вклю-

чать в первую только северные и центральные провинции Афганистана. Думается, что буряты и тувинцы как в недавнем прошлом кочевые скотоводческие народы, исповедующие ламаизм, имеют гораздо больше общих черт культуры с соседними монголами, чем со своими северными сибирскими соседями – таёжными охотниками-эвенками, так что Туву и Бурятию лучше включать в Центральную Азию.

Картосхемы и неизбежно сопутствующие им классификации ХКТ готовились и публиковались неоднократно. В первую очередь, богатством фактических данных выделяются посвящённая именно хозяйственно-культурным типам глава в монографии Б. В. Андрианова и иллюстрирующая её картосхема ХКТ на форзаце книги [7].

Ниже приведём критические замечания по поводу дискуссионного аспекта этой картосхемы, но сначала поговорим о том, что на ней есть. По состоянию на конец XIX – начало XX вв. в Европейской части СССР, Центральной Европе и Скандинавии, а также в полосе расселения русских по южной части Сибири, был представлен ХКТ «пашенных земледельцев и скотоводов умеренного пояса». Казахстан и основную часть Средней Азии, Калмыкию и Бурятию, Монголию и Тибет занимал ХКТ «кочевников и полукочевников скотоводов аридной зоны». В тайге от Западной Сибири до Дальнего Востока отмечен ХКТ «оленоводо-охотников холодного пояса», а на побережьях Чукотки – ХКТ «охотников и рыболовов холодного пояса». В Закавказье, по всему Средиземноморью и в долинах рек и предгорьях Средней Азии показан ареал ХКТ «пашенных земледельцев и скотоводов тёплого пояса» [7].

¹ Романова Э. П., Никишин А. М., Тишков А. А., Мартынова М. Ю. Европа // Большая российская энциклопедия. Т. 9, М.: БРЭ, 2007. С. 535–554.

² Алексеева Н. Н., Гатинский Ю. Г., Арутюнов С. А. Азия // Большая российская энциклопедия. Т. 1. М.: БРЭ, 2005. С. 274–294.

К сожалению, в этой картосхеме есть ошибки. На территориях Маньчжурии и северной части Кореи с умеренным климатом и суровыми зимами ошибочно показан ареал ХКТ «пашенных земледельцев и скотоводов тёплого пояса», такой же, как и в средиземноморских странах Европы и Западной Азии [7]. А ведь ещё в 1955 г. для Маньчжурии и Кореи был указан ХКТ «земледельцев лесной зоны умеренного пояса», как и в «лесных областях» Западной или Восточной Европы [19]. Дифференциация на хозяйственно-культурные типы коренных народов Севера и Сибири была проведена гораздо более точно и детально ещё в 1955 г. [19]. Отсутствие на картосхеме Б. В. Андрианова ХКТ кочевых оленеводов тундры тоже невозможно объяснить.

Каковы бы ни были недостатки или достоинства отдельных картосхем распространения ареалов ХКТ по территории России и сопредельных стран, стоит назвать их основные опубликованные варианты. Особое место занимает картосхема «Хозяйственно-культурные типы мира (конец XIX – начало XX вв.)» как одна из наиболее полных и последних по времени создания [7]. Ещё более детальная для территории России картосхема ХКТ была опубликована Б. В. Андриановым ранее, но он почему-то перешёл от неё к критиковавшемуся выше варианту 1985 г. [6]. Также выделяется картосхема в работе Б. В. Андрианова и Н. Н. Чебоксарова [8]. Несомненно, заслуживает внимания и созданная А. А. Фадеевым и Я. В. Чесновым картосхема «Хозяйственно-культурные типы мира в XV в.», опубликованная в книге коллег, помогавших в её под-

готовке [30]. Публиковали заимствованные картосхемы ХКТ и ведущие советские специалисты в области физической антропологии [3; 4].

Применение концепций ХКТ и ИКО в исследованиях по культурной и исторической географии может столкнуться с очевидной проблемой преодоления разногласий этнографов об их количестве или границах распространения. К числу таких проблем можно, например, отнести дискуссионный вопрос об исторических южных границах ИКО «Кавказ» накануне или сразу после присоединения Закавказья к Российской Империи в начале – первой половине XIX в. [34].

Б. В. Андрианов был, несомненно, самой яркой и продуктивной фигурой в исследованиях ХКТ и ИКО после Н. Н. Чебоксарова и М. Г. Левина. Но в составленной им картосхеме ХКТ имеются не только отмеченные выше ошибки, но и следующий дискуссионный вопрос [7]. В отличие от его мнения, от распространённого в основном на равнинах и в предгорьях ХКТ «пашенных земледельцев и скотоводов тёплого пояса» (в основном субтропиков и тропиков) целесообразно отличать особый ХКТ «горных оседлых земледельцев и скотоводов субтропиков и южной части умеренного пояса с сезонным отходом со скотом части работников». Этот ХКТ со свойственными только ему сочетаниями особых форм пастушеского скотоводства и горного и предгорного земледелия и с сезонной подвижностью определённой части населения, обусловленной ведением скотоводства, был характерен, в частности, для всей горной полосы Евразии, от Пиренеев на западе до Гиндукуша и Западных Гималаев на

востоке [36]. Данный ХКТ был впервые описан на примере горных районов Кавказа, и фактически о нём как об отдельном «типе высокогорных земледельцев и скотоводов (Тибет, Памир, Кавказ и др.)» писали ещё М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров [19; 21; 38].

Вероятно, такого рода споров о выделении отдельных ИКО или ХКТ и определении границ их распространения существует ещё немало. Однако наряду с подобными вопросами, вытекающими из дискуссий этнографов о количестве и границах распространения конкретных ХКТ или ИКО, существуют также проблемы методологического характера, встающие на пути широкого применения этих концепций в культурно-географических исследованиях современности.

Как отмечалось выше, концепции ХКТ и ИКО полностью применимы лишь к традиционным культурам, т. е. к обществам, находящимся на доиндустриальных этапах развития, а также к археологическим культурам. Поэтому первый вопрос, возникающий перед исследователем, – насколько «традиционны» сообщества изучаемого региона и можно ли к ним применять классификационные схемы их отнесения к ХКТ или ИКО. Более того, как справедливо отметил В. И. Козлов, «сложившиеся ИКО более устойчивы, чем ХКТ; они обычно сохраняются и при переходе в промышленную стадию развития, что позволяет чаще использовать это понятие для характеристики современной этнографической ситуации»¹. И хотя ИКО действительно

могут сохраняться в ряде случаев на первых этапах социально-культурной модернизации регионального общества, всё же этноизбирательные миграции населения и культурная ассимиляция, которая может некоторое время не сопровождаться этнической ассимиляцией и сменой идентичности, серьёзно усложняют картину.

Оценка степени «традиционности» сообществ коренных народов Севера и Сибири и в целом вопрос о том, что такое «традиционное» сельское хозяйство, охота и рыболовство, уже обсуждалась нами ранее. Модернизированные земледелие и животноводство, которые делают невозможным использование понятия ХКТ, отличаются механизацией, химизацией, использованием специально выведенных селекционерами сортов растений и пород скота². Если взглянуть на современную Российскую Федерацию с точки зрения определения степени «традиционности» или «модернизированности» культур населяющих её народов и, следовательно, перспектив применимости к ним концепций ХКТ и ИКО, то картина окажется неоднозначной.

Ныне в России у высокоурбанизированных народов, т. е. у основной части населения, большинство ХКТ сохранилось в виде лишь некоторых следов в культуре сельских жителей (например, в приусадебном хозяйстве и жилищах, пище) из наиболее отдалённых посёлков. Таких следов больше на пе-

¹ Козлов В. И. Хозяйственно-культурные типы и историко-культурные области // Народы России: энциклопедия / глав. ред. В. А. Тишков. М.: БРЭ, 1994. С. 462–465.

² Ямсков А. Н. Традиционное природопользование: проблемы определения и правового регулирования // Юридическая антропология. Закон и жизнь / под ред. Н. И. Новикова, В. А. Тишкова. М.: Стратегия, 2000. С. 172–185.

риферии – на юге, в горах Северного Кавказа, или на Севере и в Сибири.

Однако есть яркое исключение – вполне успешно функционирует сохранивший свои основы ХКТ кочевых оленеводов тундры и лесотундры с сезонными перекочевками с оленями и использованием чумов, с традиционной пищей. Это наблюдается у части ненцев Ямала и Гыдана, а также отчасти и Большеземельской тундры в Ненецком автономном округе [16]. По-прежнему сохраняются элементы, а не только следы, ХКТ морских охотников Субарктики у эскимосов и береговых чукчей на Чукотке, небольшая часть которых продолжает промысел моржей и тюленей, а также китов [24].

С другой стороны, процессы трансформации этих отчасти сохранившихся в своей основе ХКТ нельзя недооценивать. Теперь ведущую роль в хозяйстве у оленеводов имеют снегоходы, у морских охотников – моторные лодки и покупная промысловая одежда, те и другие широко используют средства связи и современный транспорт и холодильную технику для хранения и перевозки продукции. В данном случае это, конечно, серьёзно преобразованные ХКТ, но на культурную преемственность коренного населения они указывают очень убедительно.

Видимо, указание на былую включённость описываемого современного культурно-географического района в ареалы ХКТ и оценка степени сохранности их следов в современной бытовой культуре населения вовсе не будет лишней, т. к. повысит содержательность комплексной характеристики данной территории.

В случае с применением концепции ИКО в культурной географии ситуа-

ция сложнее, т. к. они заметно трансформировались в прошлом, в т. ч. относительно недавнем, и продолжают меняться в наши дни. Например, не вызывает сомнений существование в начале XX в. ИКО «Кавказ», в т. ч. таких его отдельных составляющих, как «Северный Кавказ» (т. е. Западный и Центральный Кавказ) и Дагестан, которые заметно различались по культуре населявших их народов. Но народы Ингушетии, Чечни и Дагестана сохранили серьёзный уровень религиозности и многие близкие традиционные культурно-бытовые особенности, поэтому в наши дни заселённые ими районы явно составляют одно целое. А народы Западного и Центрального Кавказа (от Адыгеи до Осетии) прошли намного более значительную социально-культурную модернизацию, что ярко отражается, например, в их демографических показателях в начале XXI в., в т. ч. в невысокой рождаемости. Поэтому районы расселения указанных горских народов явно составляют ныне другую историко-культурную подобласть, отличающуюся от Северо-Восточного Кавказа (территорий от Ингушетии до Дагестана включительно).

Показательна и сложная историческая судьба Южного Урала, заселённого башкирами и их предками, в последние несколько веков. Когда-то он представлял собой периферийную часть единой ИКО «Евразийской степи», заселённой кочевниками и простиравшейся от Паннонии до границ Маньчжурии. Однако на рубеже Нового времени, с окончанием массовых миграций кочевых народов с востока на запад после нашествия джунгаров (ойратов) и с завершении-

ем исламизации казахов и обращения в ламаизм монголов и бурят, эта ИКО исчезла, дав начало двум новым ИКО – Среднеазиатско-Казахстанской и Центральноазиатской. А территория расселения башкир при этом вошла составной частью в другую ИКО – Урало-Поволжье. Это произошло вследствие массового расселения в Башкирии и большого культурного влияния на башкир переселенцев-земледельцев из числа казанских татар и представителей других народов Поволжья, частью переходивших в ислам и ассимилировавшихся в основном татарами, а также из-за активной роли в регионе татарских мулл. К началу ХХI в., в связи с высоким уровнем социально-культурной модернизированности народов Урало-Поволжья и массовым расселением в этом регионе русских и других русскоязычных этнических групп, мы видим затухание своеобразных черт бытовой культуры коренного населения данной территории. Имеет место постепенное исчезновение отличительных черт Урало-Поволжской ИКО и «растворение» её своеобразия в современной общероссийской бытовой культуре русского и русскоязычного населения Европейской части России.

Сложность включения характеристик ИКО в работы по культурно-географическому районированию вытекает также из фактического существования переходных районов на стыке двух или более ИКО. Например, Литва считается частью Прибалтийской ИКО, но при этом литовцы демонстрируют явное сходство многих культурных черт с поляками из Центральноевропейской ИКО, а система расселения литовцев деревнями (а не хуторами, как у большинства латы-

шей или эстонцев) сближает их с белорусами из Восточноевропейской ИКО.

Более сложная ситуация с горами Алтая как одной из частей Сибирской историко-культурной провинции. К югу и западу от Алтая, равно как и в Кош-Агачском районе на юге Республики Алтай, издавна проживают казахи, являющиеся частью Среднеазиатско-Казахстанской ИКО. Только к северо-востоку от Алтая, в примыкающих горах Западного Саяна (Горная Шория), продолжается Сибирская ИКО. А на востоке и юго-востоке, в Туве и Монголии, расположена Центральноазиатская ИКО. Поэтому неудивительно, что у коренных народов Алтая ранее переплетались культурные традиции всех трёх ИКО, хотя и с относительным преобладанием особенностей Сибирской ИКО.

Трудности может также представлять сравнение концепции о разделении традиционных культур на различные ИКО со взглядами на человечество как на совокупность разных цивилизаций. Теория о дифференциации мира в прошлом и в настоящем на разные цивилизации была создана в основном британским историком и социологом А. Тойнби, но в недавние годы она получила широкое распространение благодаря работам С. Хантингтона. В опубликованном переводе его знаменитой книги 1996 г. представлена картосхема цивилизаций мира [29].

При некотором сходстве принципов выделения отдельных цивилизаций и конкретных ИКО, между ними нет тождества в силу использования разных критериев. Для теории цивилизаций в конечном счёте определяющим является комплекс религиозных верований

и связанное с этим условие выделения отдельной цивилизации при наличии у неё таких признаков, как особые – конфессия, сакральный язык, священные тексты, алфавит или система письменности и т. п. А в концепции ИКО это всего лишь один из многих учитываемых параметров культуры. Поэтому некоторые ИКО являются одной из нескольких частей единой цивилизации (Среднеазиатско-Казахстанская ИКО – часть исламской цивилизации) либо практически целой цивилизацией (Центральноазиатская ИКО занимает почти всю территорию буддистской ламаистской цивилизации). Но есть и Кавказ – в эту ИКО входят ареалы расселения горских мусульманских народов Северного Кавказа и, с другой стороны, христиан – осетин и грузин, т. е. в пределах Кавказской ИКО находятся части исламской и православной цивилизаций.

Тем не менее, несмотря на такие и многие другие сложности использования концепции ИКО в культурно-географическом районировании, учёт сведений об ИКО безусловно обогащает культурную географию и соответствующие характеристики описываемых территорий. Впрочем, многие специалисты в сфере культурно-географического и историко-географического районирования уже активно это делают, плодотворно продолжая подход профессора А. Г. Манакова [20].

Новый и крайне важный шаг в развитии концепций ХКТ и ИКО был недавно предпринят на кафедре этнографии и антропологии СПбГУ. В их новом учебнике материалы были изложены по ХКТ, а также по «историко-этнографическим общностям», которые фактически повторяют ИКО,

но для обозначения последних использован иной термин. Коллеги объяснили переход к указанному термину тем, что в глобальном или континентальном масштабе основной единицей историко-культурных классификаций выступает «провинция» в составе нескольких «областей», поэтому лучше отказаться от последнего термина и вообще уйти от обозначения таксономического уровня в названии¹.

Возможно, это начинание заслуживает поддержки, но по другой причине. В классической советской понятийно-терминологической схеме, отражающей единое учение о взаимодействующих друг друга ХКТ и ИКО, соседствуют 2 явно разнородных понятия. С одной стороны, ХКТ как тип культуры, а с другой стороны – ИКО как регион распространения определённого комплекса явлений культуры. Возможно, было бы целесообразнее в обоих случаях перейти к явлениям одного и того же порядка – группе носителей культуры или общности людей, выделяемой по их культурным особенностям. Разделять такие общности людей можно на «хозяйственно-культурные общности» (носители одного хозяйственно-культурного типа) и «историко-культурные общности» (носители одного комплекса явлений культуры, сложившихся в определённой историко-культурной области).

Петербургские этнографы уже предложили второй вариант, хотя и в другом терминологическом оформлении. Лучше оставить ХКТ и ИКО, но если менять термины, то стоит довести такой подход к преобразованию

¹ Основы этнографии: учеб. пособие / ред. В. А. Козьмин, В. С. Бузин. М.: Юрайт, 2020. 243 с.

терминологии до его логического завершения, т. е. использовать термины «хозяйственно-культурные общности» (вместо ХКТ, но при условии выделения тех же самых занятых ими ареалов) и «историко-культурные общности» (вместо ИКО, но для тех же географических регионов).

Заключение

Явления, получившие в советской этнографии теоретические обобщения в понятиях «хозяйственно-культурный тип» (ХКТ) и «историко-культурная область» (ИКО), вполне понятны по своему содержанию и критериям выделения для специалистов в сфере социально-экономической или культурной географии. Желательно чаще их использовать в историко-географических исследованиях, предполагающих культурно-географическое районирование применительно к прошлому, а в наименее модернизирован-

ных областях Азии и Африки – при выделении современных культурно-географических регионов.

Сказанное особенно актуально для такой области междисциплинарных исследований и университетской научной дисциплины как регионоведение (или регионология, или регионалистика). Об этих терминах и их взаимоотношениях, включая содержание каждого из них, уже было сказано [17]. Информация о чертах традиционной духовной и материальной культуры и хозяйства, объединявших представителей разных народов изучаемого региона друг с другом на пространстве единой ИКО или с близкими либо далеко живущими народами-носителями того же самого ХКТ, может значительно обогатить историко-этнографическую составляющую характеристики современного населения любого региона.

Статья поступила в редакцию 15.03.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В. П. Антропогеоценозы – сущность, типология, динамика // Природа. 1975. № 7. С. 18–23.
2. Алексеев В. П. Становление человечества. М.: Политиздат. 1984. 462 с.
3. Алексеев В. П. Человек: эволюция и таксономия. Некоторые теоретические вопросы. М.: Наука. 1985. 287 с.
4. Алексеева Т. И. Адаптивные процессы в популяциях человека. М.: Издательство МГУ. 1986. 216 с.
5. Алексеева Т. И., Арутюнов С. А. Максим Григорьевич Левин: учёный, учитель, человек // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / отв. ред. В. А. Тишков, Д. Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 331–357.
6. Андрианов Б. В. Земледелие наших предков. М.: Наука, 1978. 168 с.
7. Андрианов Б. В. Неоседлое население мира. М.: Наука, 1985. 280 с.
8. Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // Советская этнография. 1972. № 2. С. 3–16.
9. Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Историко-этнографические области (Проблемы историко-этнографического районирования) // Советская этнография. 1975. № 3. С. 15–25.
10. Богораз-Тан В. Г. Распространение культуры на Земле. Основы этногеографии. М.; Л.: Государственное издательство, 1928. 315 с.
11. Вампилова Л. Б., Манаков А. Г. Районирование России: историко-географический подход // Псковский регионологический журнал. 2012. № 13. С. 26–36.

12. Калуцков В. Н. О типах районов в культурной географии // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2. № 1. С. 3–9.
13. Калуцков В. Н. Культурно-географическое районирование России: Геоконцептуальный подход // Псковский регионологический журнал. 2015. № 22. С. 85–94.
14. Калуцков В. Н. Подходы к культурно-географическому районированию России // Ландшафтоведение: теория, методы, ландшафтно-экологическое обеспечение природопользования и устойчивого развития: мат-лы XII Междунар. ландшафтной конф. / отв. ред. К. Н. Дьяконов. Т. 2. Тюмень: Изд-во ТюмГУ. 2017. С. 253–257.
15. Калуцков В. Н. Культурно-географическое районирование Ближнего Зарубежья // Современные тенденции пространственного развития и приоритеты общественной географии: мат-лы междунар. конф. / отв. ред. Н. И. Быков. Т. 1. Барнаул: АЛТГУ, 2018. С. 71–76.
16. Клоков К. Б. Современное положение оленеводов и оленеводства в России // Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России / отв. ред. Н. И. Новикова, Д. А. Функ. М.: ИЭА РАН, 2012. С. 38–50.
17. Кремнёв Е. В., Кузнецова О. В., Лесниковская Е. В. Трансдисциплинарная регионология: теория и методология. Иркутск: Издательство ИГУ, 2020. 155 с.
18. Левин М. Г. К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии // Краткие сообщения Института этнографии / под ред. М. Г. Левина. Т. 2. М., 1947. С. 84–86.
19. Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке проблемы) // Советская этнография. 1955. № 4. С. 3–17.
20. Манаков А. Г. Основы культурно-географической регионалистики. Псков: Издательство ПГПУ, 2006. 188 с.
21. Османов М. О. Формы скотоводства даргинцев в XIX–XX вв. (в связи с регионами видового содержания скота и хозяйственно-культурными типами) // Хозяйство, материальная культура и быт народов Дагестана в XIX–XX вв. / отв. ред. С. Ш. Гаджиева. Махачкала: Издательство ДФ АН СССР, 1977. С. 39–55.
22. Рапопорт Ю. А., Семёнов Ю. И. Сергей Павлович Толстов: выдающийся этнограф, археолог, организатор науки // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / отв. ред. В. А. Тишков, Д. Д. Тумаркин. М.: Наука. 2004. С. 184–232.
23. Решетов А. М. Николай Николаевич Чебоксаров: портрет учёного в контексте его времени // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / отв. ред. В. А. Тишков, Д. Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 358–396.
24. Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение / под ред. В. А. Тишкова. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 272 с.
25. Толстов С. П. Очерки первоначального ислама // Советская этнография. 1932. № 2. С. 24–82.
26. Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
27. Топонимия Ближнего Зарубежья: 100 лет переименований / науч. ред. В. Н. Калуцков. М.: РГО, 2020. 255 с.
28. Туровский Р. Ф. Культурная география: теоретические основания и пути развития // Культурная география / науч. ред. Ю. А. Веденин, Р. Ф. Туровский. М.: Институт Наследия, 2001. С. 10–94.
29. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.

30. Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. М.: Наука, 1985. 272 с.
31. Чеснов Я. В. О теории «культурных областей» в американской этнографии // Концепции зарубежной этнологии. Критические этюды / отв. ред. Ю. В. Бромлей. М.: Наука, 1976. С. 68–95.
32. Ямсков А. Н. История развития и основные направления эколого-антропологических исследований в науке США // Гуманитарная экология и мир человека: мат-лы Всерос. научной конф. Киров: Коннектика, 2011. С. 39–51.
33. Ямсков А. Н. История становления и развития отечественной этноэкологии // Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 49–64.
34. Ямсков А. Н. О Кавказе и его границах // Этнографическое обозрение. 2013. № 5. С. 66–76.
35. Ямсков А. Н. Системы жизнеобеспечения и хозяйственно-культурные типы // Этнос и среда обитания: сб. статей. Вып. 5: Исследования систем жизнеобеспечения / отв. ред. Н. А. Дубова. М.: Старый сад, 2017. С. 36–46.
36. Ямсков А. Н. Скотоводство // Таджики / отв. ред. Н. А. Дубова, Н. К. Убайдулло, З. М. Мадамиджонова. М.: Наука, 2021. С. 241–264.
37. Hahn E. Die Wirtschaftsformen der Erde // Petermanns Mitteilungen, 1892. Bd. 38. P. 8–12.
38. Kobychiev V. P. The Caucasus as a historical and cultural region: The formation of the main economic and cultural types // Problems of the European ethnography and folklore. Summaries by the Congress participants / ed. by S. A. Arutyunov. M.: Institute of Ethnography, the USSR Academy of Sciences, 1982. P. 71–74.
39. Kroeber A. Cultural and Natural Areas of Native North America. Berkeley: University of California Press, 1939. 242 p.
40. Moran E. F. Human Adaptability: An Introduction to Ecological Anthropology. New York: Routledge, 2022. 442 p.
41. Netting R. McC. Cultural Ecology. Menlo Park: Cummings Publishing Company, 1977. 119 p.
42. Newman J. L. The Culture Area Concept in Anthropology // Journal of Geography. 1971. Vol. 70. № 1. P. 8–15.
43. Steward J. Theory of Culture Change: The Methodology of Multilinear Evolution. Urbana: University of Illinois Press, 1955. 244 p.
44. Sutton M. Q., Anderson E. N. Introduction to Cultural Ecology. Lanham: AltaMira Press, 2010. 399 p.
45. Wissler C. The American Indian. An Introduction to the Anthropology of the New World. New York: Douglas C. McMurtrie, 1917. 435 p.
46. Wissler C. The Culture-Area Concept in Social Anthropology // American Journal of Sociology. 1927. Vol. 32. № 6. P. 881–891.

REFERENCES

1. Alekseev V. P. [Anthropogeocenoses – essence, typology, dynamics]. In: *Priroda* [The Nature], 1975, no. 7, pp. 18–23.
2. Alekseev V. P. [Formation of mankind]. Moscow, Politizdat Publ., 1984. 462 p.
3. Alekseev V. P. *Chelovek: evolyutsiya i taksonomiya. Nekotorye teoreticheskie voprosy* [Man: evolution and taxonomy. Some theoretical questions]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 287 p.
4. Alekseeva T. I. *Adaptivnye protsessy v populyatsiyakh cheloveka* [Adaptive processes in human populations]. Moscow, Izdatelstvo MGU Publ., 1986. 216 p.
5. Alekseeva T. I., Arutyunov S. A. [Maxim Grigorievich Levin: scientist, teacher, person]. In: Tishkov V. A., Tumarkin D. D., eds. *Vydayushchiesya otechestvennye etnologi i antropologi*

- XX veka [Prominent domestic ethnologists and anthropologists of the 20th century. Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 331–357.
6. Andrianov B. V. *Zemledelie nashikh predkov* [Agriculture of our ancestors]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 168 p.
 7. Andrianov B. V. *Neosedloe naselenie mira* [The unsettled population of the world]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 280 p.
 8. Andrianov B. V., Cheboksarov N. N. [Economic and cultural types and problems of their mapping]. In: *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 1972, no. 2, pp. 3–16.
 9. Andrianov B. V., Cheboksarov N. N. [Historical and ethnographic regions (Problems of historical and ethnographic regionalization)]. In: *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 1975, no. 3, pp. 15–25.
 10. Bogoraz-Tan V. G. [Spread of culture on Earth. Fundamentals of ethnogeography]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoye izd-vo Pub., 1928. 315 p.
 11. Vampilova L. B., Manakov A. G. [Zoning of Russia: historical and geographical approach]. In: *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov regional journal], 2012, no. 13, pp. 26–36.
 12. Kalutskov V. N. [About the types of districts in cultural geography]. In: *Kulturnaya i humanitarnaya geografiya* [Cultural and humanitarian geography], 2013, vol. 2, no. 1, pp. 3–9.
 13. Kalutskov V. N. [Cultural and geographical regionalization of Russia: Geoconceptual approach]. In: *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov regional journal], 2015, no. 22, pp. 85–94.
 14. Kalutskov V. N. [Approaches to the cultural and geographical zoning of Russia]. In: Dyakonov K. N., ed. *Landshaftovedenie: teoriya, metody, landshaftno-ekologicheskoe obshchestvennoye prirodopolzovaniye i ustoychivogo razvitiya* [Landscape science: theory, methods, landscape and ecological provision of nature management and sustainable development. Vol. 2]. Tyumen, Izd-vo TyumGU, 2017, pp. 253–257.
 15. Kalutskov V. N. [Cultural-geographical zoning of the Near Abroad]. In: Bykov N. I., ed. *Sovremennyye problemy razvitiya naseleniya i prioritety sotsial'noi geografii. T. 1* [Modern trends in spatial development and priorities of social geography. Vol. 1]. Barnaul: ALTGU, 2018, pp. 71–76.
 16. Klovov K. B. [The current situation of reindeer herders and reindeer breeding in Russia]. In: Novikova N. I., Funk D. A., eds. *Sever i severnyye. Sovremennoye yavleniye razvitiya malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii* [North and northerners. The current situation of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of Russia]. Moscow, IEA RAN Publ., 2012, pp. 38–50.
 17. Kremnev E. V., Kuznetsova O. V., Lesnikovskaya E. V. *Transdistsiplinarnaya regionologiya: teoriya i metodologiya* [Transdisciplinary regional studies: theory and methodology]. Irkutsk, Izd-vo IGU Publ., 2020. 155 p.
 18. Levin M. G. [On the problem of the historical correlation of economic and cultural types of North Asia]. In: Levin M. G., ed. *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii. T. 2* [Brief reports of the Institute of Ethnography. Vol. 2]. Moscow, 1947, pp. 84–86.
 19. Levin M. G., Cheboksarov N. N. [Economic and cultural types and historical and ethnographic areas (to the formulation of the problem)]. In: *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 1955, no. 4, pp. 3–17.
 20. Manakov A. G. *Osnovy kulturno-geograficheskoi regionalistiki* [Fundamentals of cultural and geographical regional studies]. Pskov, Izd-vo PGPU Publ., 2006. 188 p.
 21. Osmanov M. O. [Forms of cattle breeding of the Dargins in the 19th–20th centuries (in connection with the regions of species content of livestock and economic and cultural types)]. In: Gadzhiev S. Sh., ed. *Khozyaystvo, materialnaya kultura i byt narodov Dagestana v XIX–*

- XX vv. [Economy, material culture and life of the peoples of Dagestan in the 19th–20th centuries]. Makhachkala, Izd-vo DF AN SSSR Publ., 1977, pp. 39–55.
22. Rapoport Yu. A., Semyonov Yu. I. Sergey Pavlovich Tolstov: an outstanding ethnographer, archaeologist, organizer of science. In: Tishkov V. A., Tumarkin D. D., eds. *Vydayushchiesya otechestvennye etnologi i antropologi XX veka* [Outstanding domestic ethnologists and anthropologists of the 20th century]. Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 184–232.
23. Reshetov A. M. [Nikolai Nikolaevich Cheboksarov: a portrait of a scientist in the context of his time]. In: Tishkov V. A., Tumarkin D. D., eds. *Vydayushchiesya otechestvennye etnologi i antropologi XX veka* [Outstanding Russian ethnologists and anthropologists of the 20th century]. Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 358–396.
24. Tishkov V. A., ed. *Rossiiskaya Arktika: korennye narody i promyshlennoe osvoenie* [Russian Arctic: indigenous peoples and industrial development]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2016. 272 p.
25. Tolstov S. P. [Essays on the original Islam]. In: *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 1932, no. 2, pp. 24–82.
26. Tishkov V. A. *Rekviem po etnosu: Issledovaniya po sotsialno-kulturnoi antropologii* [Requiem for ethnos: Studies in socio-cultural anthropology]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 544 p.
27. Kalutskov V. N., ed. *Toponimiya Blizhnego Zarubezh'ya: 100 let pereimenovaniy* [Toponymy of the Near Abroad: 100 years of renaming] Moscow, RGO Publ., 2020. 255 p.
28. Turovsky R. F. [Cultural geography: theoretical foundations and ways of development]. In: Vedenin Yu. A., Turovsky R. F., eds. *Kulturnaya geografiya* [Cultural geography]. Moscow, Institut Naslediya Publ., 2001, pp. 10–94.
29. Huntington S. *Stolknovenie tsivilizatsii* [Clash of Civilizations]. Moscow, AST Publ., 2003. 603 p.
30. Cheboksarov N. N., Cheboksarova I. A. *Narody, rasy, kultury* [Peoples, races, cultures]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 272 p.
31. Chesnov Ya. V. [On the theory of “cultural areas” in American ethnography]. In: Bromlei Yu. V., ed. *Kontseptsii zarubezhnoi etnologii. Kriticheskie etyudy* [Concepts of foreign ethnology. Critical studies]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 68–95.
32. Yamskov A. N. [History of development and main directions of ecological and anthropological research in US science]. In: *Gumanitarnaya ekologiya i mir cheloveka* [Humanitarian ecology and the world of man]. Kirov, Connectika Publ., 2011, pp. 39–51.
33. Yamskov A. N. [The history of the formation and development of domestic ethnoecology]. In: *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2013, no. 4, pp. 49–64.
34. Yamskov A. N. [On the Caucasus and its borders]. In: *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2013, no. 5, pp. 66–76.
35. Yamskov A. N. [Life support systems and economic and cultural types]. In: Dubova N. A., eds. *Etnos i sreda obitaniya: sb. statei. Vyp. 5: Issledovaniya sistem zhizneobespecheniya* [Ethnos and habitat: Sat. articles. Issue. 5: Research of life support systems. Moscow, Stary Sad Publ., 2017, pp. 36–46.
36. Yamskov A. N. [Cattlebreeding]. In: Dubova N. A., Ubaidullo N. K., Madamidzhonova Z. M., eds. *Tadzhiki* [Tajiks] Moscow: Nauka, 2021, pp. 241–264.
37. Hahn E. Die Wirtschaftsformen der Erde. In: *Petermanns Mitteilungen*, 1892, bd. 38, pp. 8–12.
38. Kobychyev V. P. The Caucasus as a historical and cultural region: The formation of the main economic and cultural types. In: Arutyunov S. A., ed. *Problems of the European ethnography and folklore. Summaries by the Congress participants*. Moscow, Institute of Ethnography, the USSR Academy of Sciences, 1982. P. 71–74.

39. Kroeber A. *Cultural and Natural Areas of Native North America*. Berkeley, University of California Press, 1939. 242 p.
40. Moran E. F. *Human Adaptability: An Introduction to Ecological Anthropology*. New York, Routledge, 2022. 442 p.
41. Netting R. McC. *Cultural Ecology*. Menlo Park, Cummings Publishing Company, 1977. 119 p.
42. Newman J. L. The Culture Area Concept in Anthropology. In: *Journal of Geography*, 1971, vol. 70, no. 1, pp. 8–15.
43. Steward J. *Theory of Culture Change: The Methodology of Multilinear Evolution*. Urbana, University of Illinois Press, 1955. 244 p.
44. Sutton M. Q., Anderson E. N. *Introduction to Cultural Ecology*. Lanham, AltaMira Press, 2010. 399 p.
45. Wissler C. *The American Indian. An Introduction to the Anthropology of the New World*. New York, Douglas C. McMurtrie, 1917. 435 p.
46. Wissler C. The Culture-Area Concept in Social Anthropology. In: *American Journal of Sociology*, 1927, vol. 32, no. 6, pp. 881–891.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ямсков Анатолий Николаевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра антропоэкологии, Институт этнологии и антропологии РАН имени Н. Н. Миклухо-Маклая.
e-mail: yamskov@iea.ras.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anatoly N. Yamskov – Cand. Sci. (History), Leading researcher, Centre of Human Ecology, N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences;
e-mail: yamskov@iea.ras.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ямсков А. Н. Концепции хозяйственно-культурных типов и историко-культурных областей – вклад советской этнографии в культурно-географическое районирование // Географическая среда и живые системы. 2023. № 2. С. 19–46.
DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-19-46

FOR CITATION

Yamskov A. N. Concepts of economic and cultural types and historical and cultural areas: contribution of Soviet ethnography to cultural-geographical regionalisation. In: *Geographical Environment and Living Systems*, 2023, no. 2, pp. 19–46.
DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-19-46

УДК 911.3

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-47-57

ЧЕРНОМОРСКИЙ ТЕКСТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ГЕОКУЛЬТУРЫ, СОПРОСТРАНСТВЕННОСТЬ И ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ

«Чувствуют – надо освежить кровь. Становится душно. Литературный Мессия, которого ждут столь долго и столь бесплодно, придёт оттуда – из солнечных степей, обтекаемых морем»

Исаак Бабель. Одесса (1916)

Замятин Д. Н.

*Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Разработать концепцию геокультурных текстов на примере черноморского текста русской литературы.

Процедуры и методы. Проанализированы различные концепции локальных текстов, основанных на исследованиях русской литературы. Выявлены проблемные зоны с точки зрения исторической и культурной географии. В работе использовались методы: системного анализа, историко-географический, образно-картографический, семиотический и сравнительно-описательный.

Результаты. Сформулированы базовые положения концепции геокультурных текстов, включая их развитие и взаимодействие. Выявлена роль географического воображения в формировании типовых геокультурных текстов. На примере черноморского текста русской литературы исследованы первичные основания формирования множественных геокультурных текстов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложена концепция геокультурных текстов на примере литературных произведений. Обобщён первичный материал по черноморскому тексту русской литературы, исходя из концепции геокультурных текстов. Обновлена проблематика исследований локальных текстов в рамках исторической и культурной географии. Предложенная автором концепция геокультурных текстов может быть использована при исследованиях различных региональных текстов – как русской, так и других культур.

Ключевые слова: геокультура, русская литература, геокультурный текст, черноморский текст, сопространственность, географическое воображение

THE BLACK SEA TEXT OF RUSSIAN LITERATURE: GEOCULTURES, CO-SPATIALITY AND GEOGRAPHICAL IMAGINATION

"They feel the need to refresh the blood. It's getting stuffy. The Literary Messiah, who has been awaited for so long and so fruitless, will come from there, from the sunny steppes streamlined by the sea."

Isaac Babel. Odessa (1916)

D. Zamyatin

HSE University

ul. Myasnitskaya 20, Moscow 101000, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose of the paper is to develop the concept of geocultural texts on the example of the Black Sea text of Russian literature.

Methodology. Various concepts of local texts based on the research of Russian literature are analyzed. Problems are identified from the point of view of historical and cultural geography. The research relies on the use of such methods as the method of system analysis, historical and geographical method, the cartography method, the mapping method, the semiotic method and the comparative-descriptive method.

Results. The basic provisions of the concept of geo-cultural texts, including their development and interaction, are formulated. The role of geographical imagination in the formation of typical geo-cultural texts is revealed. The primary grounds for the formation of multiple geo-cultural texts are investigated on the example of the Black Sea text of Russian literature.

Research implication. The concept of geo-cultural texts on the example of literary works is proposed. The primary material on the Black Sea text of Russian literature is summarized using the concept of geo-cultural texts. The problems of examining local texts within the framework of historical and cultural geography are outlined. The proposed concept of geo-cultural texts can be used to study various regional texts, i.e. both Russian and other cultures.

Keywords: geo-culture, Russian literature, geo-cultural text, Black Sea text, co-spatiality, geographical imagination

Введение

Любая по-настоящему сложившаяся и развивающаяся геокультура создаёт свои тексты – вербальные и/или визуальные. Эти тексты по характеру своей репрезентации могут относиться к различным культурным сегментам или стратам (массовая или элитарная культуры; возрастные, гендерные или профессиональные субкультуры), а также к литературным жанрам (если речь идёт о вербальных текстах).

Номинация подобных текстов, как правило, происходит либо по географическому, либо по этническому объекту – если иметь в виду классическое разделение на субъект и объект в рамках научной культуры модерна.

В содержательном отношении геокультурный характер определённого текста может проявляться как с помощью очевидных текстуальных маркеров (локация, культурный ландшафт и его ключевые признаки и приметы,

территориальная идентичность ключевых персонажей, включая особенно-сти их речи), так и с помощью специфических нарративов (включая то, что можно назвать атмосферой, аурой или флёр-ом текста). Кроме того, можно говорить и о геокультурных онтологиях конкретных текстов, связанных с особенностями творческого и профессионального мышления, стиля их авторов. Наконец, в ходе формирования достаточно представительного массива или кластера текстов, имеющих отношение к определённой геокультуре, могут также выявляться своего рода метапризнаки этого геокультурного текстуального кластера, не заметные при изучении отдельных текстов, входящих в данный кластер (геокультурный свёрхтекст или гипертекст) [3; 5].

Тексты определённой геокультуры могут быть сопространственны текстам другой геокультуры. Это происходит в случае, когда и сами геокультуры в целом сопространственны друг другу, также как и их тексты. Геокультурная сопространственность в текстуальном отношении означает, что тексты из разных сопредельных геокультур могут порождать сходные или дополняющие друг друга геокультурные образы, а также способствовать появлению новых образов в соседних геокультурах (своего рода геокультурное «эхо»).

Географическое воображение и геокультурные интенциональности

Географическое воображение, формирующееся в рамках той или иной геокультуры, имеет как текстуальные, так и нетекстуальные репрезентации. Естественно, что репрезентации разных типов могут влиять друг на друга,

взаимодействовать и взаимно дополнять друг друга. В известном смысле можно говорить о тотальном поле географического воображения, рельеф которого формируется отдельными геокультурами, как бы перетекающими друг в друга и в то же время обладающими соответствующими дискретными репрезентациями [5].

Подобная имагинальная геокультурная феноменология невозможна без онтологии, чей геокультурный смысл заключается в непрерывном становлении пространственных трансформаций. Благодаря таким «невидимым» трансформациям, доинтенциональным состояниям появляются возможности развития и оформления геокультурных интенциональностей. Уникальные геокультурные тексты в той или иной степени могут вероятно соотноситься с определёнными онтологическими «пластами» или «стратами», хотя сами эти пласты нельзя непосредственно прямо связать с конкретной геокультурой (геокультурами).

Особенности развития геокультурных текстов

В типологическом отношении локальные геокультурные тексты могут быть ориентированы на архетипические тексты (или гипертексты), репрезентирующие, как правило, масштабные природные и/или климатические зоны (например, «горный текст», «морской текст», «пустынный текст», «степной текст», «арктический текст», «тропический текст» и т. д.); территории, характеризующиеся мощными антропогенными признаками (например, «городской текст», «промышленный текст», «сельский

текст», «постиндустриальный текст» и т. п.); или же крупные регионы, имеющие общую религиозную и культурную историю (например, «античный текст», «христианский текст», «скифский текст», «восточный текст» и т. д.). Чаще всего в формальном ракурсе такие локальные геокультурные тексты представляют собой пересечение и взаимодействие архетипических (гипер)текстов, однако в содержательном плане они, будучи в генетически-типологическом контексте изначально гибридными, оказываются тем не менее уникальными, демонстрирующими специфическую геокультурную образность. Естественно, что феноменология самих архетипических (гипер)текстов формируется в эволюционной динамике конкретных ярких образцов локальных геокультурных текстов – таков очевидный пример «петербургского текста русской литературы», впервые подробно описанного В. Н. Топоровым.

Так или иначе формирование масштабных геокультурных текстов, соотносимых с крупными геокультурными регионами, связано, с одной стороны, с выявлением и образно-символическим закреплением регионального геокультурного сверх- или гипертекста, постоянно развивающегося и трансформирующегося за счёт появления всё новых и новых текстов, но сохраняющего тем не менее своё устойчивое и очень медленно изменяющееся (по меркам человеческой жизни) образно-символическое «ядро»; с другой стороны – с непрерывным ментальным координированием и, возможно, незаметным «дрейфом» в рамках большой типологической геокультурной картографии, ориентированной

на архетипические (гипер)тексты¹. Эволюционная траектория регионального геокультурного текста может быть феноменологическим свидетельством как определённого «размывания» образно-символического ядра подобного текста и его постепенного перехода к другим геокультурным координатам, так и наращивания ядерной образно-символической «мощности» и становления самого текста как «образцового» в контексте архетипической геокультурной картографии [5]. В этом случае с достаточной степенью уверенности можно утверждать, что такой геокультурный текст становится всё более сопространственным самому себе, обретая всё новые и новые «оттенки» и модуляции – и в то же время он расширяет зону своего влияния, своего рода «текстуальный хинтерланд», в котором могут оказаться соседние геокультуры и их тексты, становящиеся более сопространственными растущему геокультурному центру.

Черноморские геокультурные тексты: специфика генезиса и эволюции

Черноморские геокультурные тексты – образно-символическое поле, формирующееся здесь-и-сейчас как результат взаимодействия и интерференции множества геокультурных импульсов и иррадиаций [1; 21]. Понятно, что любое море способствует созданию текстов, репрезентирующих, прежде всего, проблемы морских

¹ Так, можно сказать, что черноморский текст является частью средиземноморского гипертекста, наследуя ряд его содержательных признаков (прежде всего, роль античного и христианско-исламского компонентов); см. также: [2, с. 148–154].

путешествий, морской торговли, передвижений и коммуникаций, взаимосвязей различных геокультур, локализованных на морских побережьях [17; 20; 22]. Хотя можно и должно говорить о некоем потенциально или виртуально едином черноморском геокультурном гипертексте (сверхтексте), следует всё же обсуждать, в первую очередь, множественность черноморских текстов, чья уникальность базируется на различных исторических, географических, религиозных и этнокультурных генезисах¹.

В генетическом плане в основе большинства ныне воспроизводящихся и развивающихся черноморских геокультурных текстов лежат исторически уже «мёртвые» черноморские тексты, прежде всего, древнегреческий и римский (их можно объединить в целостный «античный черноморский текст»), а также византийский, арабский, древнескандинавский и итальянский (точнее, генуэзско-венецианский) тексты². Как о вторичных «мёртвых»

черноморских текстах можно говорить также о «скифском черноморском тексте» и, в некоторой степени, «готском черноморском тексте» – коль скоро геокультурный образ этих народов оказался хорошо репрезентирован в античных и византийских источниках. Конечно, именно античный черноморский текст, опирающийся на содержательное богатство античных мифов, описаний путешествий и литературных произведений, оказался одним из наиболее мощных факторов развития черноморских текстов эпохи модерна³.

Взаимодействие ныне развивающихся черноморских геокультурных текстов может происходить как по-

принятия христианства на Руси, в т. ч. тема крещения киевского князя Владимира, естественным образом возвращают этот слой в зону медиа, позволяя ему в трансформированном виде так или иначе присутствовать в черноморском тексте русской культуры, и гораздо менее заметно – в соответствующем тексте русской литературы (преимущественно через достаточно традиционную историческую романистику).

³ На наш взгляд, онтология геокультурного воображения Чёрного моря до сих пор определяется «античным взглядом»: именно он до сих пор обуславливает целостность подобного воображения, несмотря на то, что в последующие исторические эпохи на берегах бывшего Понта Эвксинского сформировалось множество различных и разнородных этнокультурных, религиозных и геокультурных дискурсов, репрезентированных соответствующими текстами. В этом смысле современное Чёрное море вкупе с его побережьями может напоминать «лоскутное одеяло» (*patchwork quilt*), однако черноморское античное наследие, будучи относительно маргинальным по отношению к античному геокультурному «ядру» (Восточное и Центральное Средиземноморье), по-прежнему остаётся имажинально-онтологическим фундаментом условного геокультурного единства этой окраины средиземноморской ойкумены.

¹ Следует отметить парадоксальную когнитивную ситуацию: работы о собственно черноморском или же черноморском текстах русской литературы и культуры на данный момент практически отсутствуют. Понятно, что доминируют исследования крымского и одесского текстов (о которых тоже, естественно, следует говорить как о множественных), причём как сами эти тексты, так и исследования о них, безусловно, посвящены во многом образам Чёрного моря и черноморским содержательным контекстам [8; 9; 11; 12; 15].

² В известной мере к этой категории можно отнести и древнерусский черноморский текст (ориентируясь на летописи, в которых сохранились описания походов на Византию) – коль скоро этот исторический слой практически отсутствует в современных художественных произведениях. В то же время идеологически окрашенная тема

средством классических античных или же религиозных (чаще всего христианских, исламских и иудаистских) контаминаций и реминисценций, так и с помощью конкретного геоисторического воображения, осмысляющего различные географические локусы и исторические события с разных сторон и формирующего общие места памяти, чьи образы могут быть сходными или конфликтными и иметь безусловную этнокультурную специфику. Здесь, в первую очередь, можно упомянуть известное противостояние исламской и православной геокультур в широком смысле, в более узком смысле возможна, например, значительная общность содержательного фона многих текстов турецкой, грузинской, болгарской, румынской, молдавской, украинской и русской литератур. В условиях постмодерна эти геокультурные обстоятельства могут как бы «уходить на дно», уступая место всеобщим приметам глобализации и в известной мере способствуя формированию пласта глокальных черноморских текстов, в которых глобальный фон может служить поводом для выявления порой неожиданных и новых локальных сюжетов и нарративов¹.

¹ Специфика географического положения Чёрного моря (его окраинность, периферийность, отдалённость от Атлантического океана), отсутствие крупных заселённых островов на его акватории, сравнительная бедность морского животного и растительного мира, немногочисленность настоящего крупных цивилизационных городских центров на его берегах способствовали, в известном смысле, и отсутствию того, что можно назвать «большим путешествием», помещающим море в более широкий и масштабный цивилизационный и геокультурный контекст. За исключением античной эпохи, на заре которой возник

Между тем свои черноморские тексты формируют также геокультуры, чьи территории в реальности практически никогда не выходили к Чёрному морю – например, Австрия, Германия, Сербия или Польша. Такие тексты связаны, как правило, либо с различного рода интерпретациями античного и христианского текстов, либо с попытками использования ключевых элементов черноморского образа в разработке того или иного архетипического жанрового нарратива (будь то детектив, триллер или исторический роман). Понятно, что для этих геокультур черноморский текст является в известной степени маргинальным,

«большой» миф о путешествии аргонавтов, вписывавший Понт Эвксинский в средиземноморскую цивилизационную панораму, все последующие исторические эпохи, характеризовавшиеся быстрым расширением человеческой «европоцентристской» ойкумены, постепенно «отодвигали» Чёрное море на периферию масштабного или глобального цивилизационного восприятия и воображения. Это сказалось и на осмыслении Чёрного моря в рамках русской литературы и культуры, в которых оно предстаёт преимущественно в локальных образах своего побережья, прибрежных акваторий и очень редко – в качестве масштабной сцены персонального авторского путешествия, хотя бы и в качестве одного из его этапов (обычно начального или конечного). Среди русских писателей, осмысливших Чёрное море как опыт «большого путешествия», как выход в более широкие цивилизационные и геокультурные пространства, можно отметить, пожалуй, только И. Бунина, А. Н. Толстого и, в некоторой степени, К. Паустовского. Характерный же пример очевидного локального снижения пафоса «большого морского путешествия» в черноморском ракурсе русской литературы, в сравнении с исходным условным высоким эталоном античной «Аргонавтики» – хорошо известное популярное стихотворение Э. Багрицкого «Контрабандисты» (1927).

однако некоторые тексты, порождённые подобными «удалёнными» геокультурами, вполне могут относиться к содержательному ядру виртуального черноморского гипертекста¹.

Черноморский геокультурный текст в системе локальных текстов русской литературы

Россия в силу очевидно огромных размеров своей территории и большого этнокультурного и ландшафтного разнообразия способствовала формированию сразу многих геокультур, осваивающих и трансформирующих множество зональных и аazonальных в природно-климатическом отношении ландшафтов. Естественно, что русская литература, являясь главным культурным репрезентантом русской культуры в течение нескольких столетий, оказалась «чуткой» к описаниям и характеристикам совершенно различных культурных ландшафтов. Российские геокультуры, будь то по происхождению равнинные, степные, лесные, горные, морские, речные, сельские, городские, горнопромышленные, достаточно хорошо репрезен-

тированы соответствующими текстами, формирующими, в свою очередь, локальные геокультурные тексты – петербургский, московский, черноморский, волжский, северный, арктический, балтийский, черноморский, кавказский, сибирский, среднеазиатский, дальневосточный и т. д. [13; 18]. Конечно, степень членения и детализации больших литературно-текстовых массивов может быть разной в зависимости от целей исследования, тем не менее можно уверенно говорить, что геокультурное разнообразие русских литературных текстов является существенной основой геокультурного воображения Северной и в некоторой степени Центральной Евразии [4].

Черноморский геокультурный текст – один из наиболее интересных и наиболее объёмных (по количеству представляющих его конкретных литературных текстов) региональных геокультурных текстов русской литературы². Хотя этот текст возникает и формируется, по понятным причинам, несколько позднее, чем ряд других региональных геокультурных текстов, стоит отметить его взрывное развитие во второй половине XIX – первой половине XX вв., когда в целом российская культура обрела свои устойчивые типичные черты в рамках классического западного модерна. Можно утверждать, что черноморский геокультурный текст сам по себе³ стал одним

¹ Такова, например, трагедия Гёте «Ифигения в Тавриде» (1779–1786), наследующая одноименной трагедии Еврипида. Ещё один яркий пример – «Крымские сонеты» (1825–1826) Адама Мицкевича. В совершенно ином, уже постмодерном ключе, присутствует черноморский текст в романе современного австрийского писателя Кристофа Рансмайра «Последний мир» (1988), в котором трагический опыт черноморской ссылки Овидия переосмыслен в историко-культурном и геокультурном контекстах, смешивающих несколько реальностей. В определённой степени к черноморскому тексту может быть отнесён также известный роман сербского писателя Милорада Павича «Хазарский словарь» (1978–1983).

² Естественно, что в качестве геокультурного текста могут рассматриваться и произведения искусства, и кинофильмы, и сами ландшафты. В данном случае мы ограничиваем себя преимущественно литературными произведениями.

³ Естественно, что сам черноморский текст неоднороден: с одной стороны, его можно рассматривать как довольно «рыхлую»

из ключевых репрезентантов русской культуры, а собственно черноморская геокультура стала одной из ведущих в множественном единстве российских геокультур.

Черноморский геокультурный текст русской литературы формировался на стыках «соседних», возможно, не менее важных для русской культуры текстов – прежде всего, кавказского [6; 14; 19], крымского [11; 16] и немного позднее более локального – одесского [7; 10] текстов. Естественно, что многие авторские тексты по своему содержанию могут относиться сразу к нескольким обобщённым текстам: большинство текстов с «крымским» содержанием практически «автоматически» относится и к черноморским текстам, такая же ситуация во многом и с одесским текстом русской литературы. Кавказский текст русской литературы в силу физико-географического и геокультурного положения Кавказа в этом смысле несколько более автономен, хотя и здесь содержательное «дублирование» доминирует вследствие большей геокультурной освоенности Черноморского побережья российского Кавказа, нежели его внутренних районов или же Каспийского побережья этого сложного и «мозаичного» региона.

совокупность отдельных субгеокультурных локальных текстов (Крым, Кавказ, Одесса, причерноморские районы Грузии, Молдавии, Украины и т. д.); с другой стороны, черноморский текст, что уже частично отмечалось выше, может интерпретироваться как пересечение и взаимодействие более масштабных геокультурных текстов: средиземноморского, южно-европейского, восточноевропейского, ближневосточного, евразийского пограничного и т. д.

Заключение

Предложенная здесь концептуальная разработка проблематики геокультурных текстов на примере черноморского текста русской литературы представляет собой методологическую и теоретическую основу для создания хорошо структурированной концепции геокультурных текстов и их образно-географического картографирования. В ходе работы использовался опыт как историко- и культурно-географических, так и филологических и культурологических исследований, посвящённых локальным текстам литературы и культуры. Вместе с тем автором использовано не применявшееся до сих пор в подобного рода исследованиях понятие сопространственности, позволяющее более глубоко и чётко представить специфику формирования и развития масштабных геокультурных текстов. Черноморский текст русской литературы оказался достаточно удобным «когнитивным полигоном» для формулирования первичных положений концепции геокультурных текстов в силу как относительно непродолжительного по меркам исторического времени периода, так и в силу очевидных историко-геокультурных оснований для его первоначального структурирования. Дальнейшее развитие этого исследования предполагает разработку ключевых этапов развития черноморского текста русской литературы, а также подготовку детальных содержательных характеристик главных локусов данного геокультурного текста – крымского, одесского и кавказско-черноморского.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашерсон Н. Черное море. Колыбель цивилизации и варварства / пер. с англ. В. Бабицкой. М.: АСТ, Corpus, 2007. 477 с.
2. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. В 3-х ч. Ч. 1 / пер. с фр. М. А. Юсима. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
3. Замятин Д. Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 487 с.
4. Замятин Д. Н. Геократия. Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации // ПОЛИС. Политические исследования. 2009. № 1. С. 71–99.
5. Замятин Д. Н. Сопространственность, геокультуры и (не)локальные тексты: к семиотике провинциальных текстов // Enthymema. 2021. № XXVIII. P. 77–91.
6. Зубцова Ю. О. Кавказский текст в литературе нового века // Русский язык и межкультурная коммуникация. 2018. № 1. С. 122–126.
7. Калмыкова В. В. Одесский текст русской литературы (К постановке проблемы) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2014. № 6. С. 84–96.
8. Крымский текст в русской культуре: мат-лы междуна. конф. / под ред. Н. Букс, М. Н. Виролайнен. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2008. 250 с.
9. Курьянов С. О. Тайный ключ русской литературы. Формирование и становление крымского текста в русской литературе X–XIX веков. М.: ИНФРА-М, 2019. 310 с.
10. Ладохина О. Ф. К вопросу о современном «Одесском тексте» // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 2. С. 84–89.
11. Лищенко Н. Ф. Крымский текст русской литературы: топосы, мотивы, семиосфера // Вопросы русской литературы. 2014. № 30. С. 206–215.
12. Люсий А. П. Крымский текст в русской литературе. СПб.: Алетея, 2003. 314 с.
13. Люсий А. П. О ментальной карте России: к философии текстуальности // Человек вчера и сегодня. Междисциплинарные исследования. М.: Институт философии РАН, 2008. С. 237–247.
14. Мартазанов А. М. О современном состоянии «кавказского текста» русской литературы // Литературное обозрение: история и современность. 2015. № 5. С. 64–69.
15. Машенко А. П. Крымское измерение русской литературы: от Пушкина до Прилепина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2019. Т. 5. № 1. С. 70–92.
16. Михайлова А. К. Крымский текст в русской культуре XVIII–XX веков // Русская литература. 2007. № 2. С. 232–240.
17. Новикова М. А. Маринистические мотивы в европейских текстах и свертках (к постановке проблемы) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2019. Т. 5. № 1. С. 93–109.
18. Старыгина Н. Н. Система локальных свертков русской литературы // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева. 2017. № 3-2. С. 129–136.
19. Султанов К. К. Преодолевать отчуждение (кавказский дискурс русской литературы) // Литературоведческий журнал. 2007. № 21. С. 21–35.
20. Foulke R. The sea voyage narrative. London: Routledge, 2002. 272 p.
21. King Ch. The Black Sea. A history. Oxford, etc.: Oxford University Press, 2004. 276 p.
22. Sea Narratives: Cultural Responses to the Sea, 1600 – Present / Mathieson C., ed. London: Palgrave Macmillan, Springer, 2016. 270 p.

REFERENCES

1. Asherson N. *Black Sea. The cradle of civilization and barbarism* (Rus. ed.: Babitskaya V., transl. *Chernoe more. Kolybel tsivilizatsii i varvarstva*. Moscow, AST Publ., Corpus Publ., 2007. 477 p.).
2. Brodel F. *La Méditerranée et le monde méditerranéen a l'ère Philippe II. Part 1* (Rus. ed.: Yusima M. A., transl. *Sredizemnomorskoye more i sredizemnomorskii mir v Zamke Filippa II*. Ch. 1. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury, 2002. 496 p.).
3. Zamyatin D. N. *Kultura i prostranstvo: modelirovanie geograficheskikh obrazovaniy* [Culture and space: modeling of geographical images]. Moscow, Znak Publ., 2006. 487 p.
4. Zamyatin D. N. [Geocracy. Eurasia as an image, symbol and project of Russian civilization]. In: *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political studies], 2009, no. 1, pp. 71–99.
5. Zamyatin D. N. [Spatiality, geocultures and (non) local texts: towards the transsemiotics of provincial texts]. In: *Enthymema*, 2021, no. XXVIII, pp. 77–91.
6. Zubtsova Yu. O. [Caucasian text in the literature of the new century]. In: *Russkii yazyk i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Russian language and intercultural communication], 2018, no. 1, pp. 122–126.
7. Kalmykova V. V. [Odessa text of Russian literature (on the formulation of the problem)]. In: *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly* [Philological Sciences. Scientific reports of higher school], 2014, no. 6, pp. 84–96.
8. Buks N., Virolainen M. N., eds. *Krymskii tekst v russkoi kulture* [Crimean text in Russian culture]. St. Petersburg: Pushkin House Publishing House, 2008. 250 p.
9. Kuryanov S. O. *Tainyi klyuch russkoi literatury. Formirovanie i stanovlenie krymskogo teksta v russkoi literature X–XIX vekov* [The secret key of Russian literature. Formation and establishment of the Crimean text in Russian literature of the 10–19th centuries]. Moscow, INFRA-M Publ., 2019. 310 p.
10. Ladokhina O. F. [To the problem of the modern “Odessa text”]. In: *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social sciences], 2015, no. 2, pp. 84–89.
11. Lishchenko N. F. [Crimean text of Russian literature: topoi, motifs, semiosphere]. In: *Voprosy russkoi literatury* [Problems of Russian literature], 2014, no. 30, pp. 206–215.
12. Lyusyi A. P. *Krymskii tekst v russkoi knige* [Crimean text in Russian literature]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2003. 314 p.
13. Lyusyi A. P. [On the mental map of Russia: towards the philosophy of textuality]. In: *Chelovek vchera i segodnya. Mezhdistsiplinarnye issledovaniya* [Man yesterday and today. Interdisciplinary research]. Moscow, Institut filosofii RAN Publ., 2008, pp. 237–247.
14. Martazanov A. M. [On the current state of the “Caucasian text” of Russian literature]. In: *Literaturnoe obozrenie: istoriya i sovremennost'* [Literary review: history and modernity], 2015, no. 5, pp. 64–69.
15. Mashchenko A. P. [Crimean dimension of Russian literature: from Pushkin to Prilepin]. In: *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki* [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Philological sciences], 2019, vol. 5, no. 1, pp. 70–92.
16. Mikhailova A. K. [The Crimean text in Russian culture of the 18th–20th centuries]. In: *Russkaya literatura* [Russian Literature], 2007, no. 2, pp. 232–240.
17. Novikova M. A. [Marineistic motives in European texts and supertexts (to the formulation of the problem)]. In: *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni*

- V. I. Vernadskogo. *Filologicheskie nauki*. [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Philological Sciences], 2019, vol. 5, no. 1, pp. 93–109.
18. Starygina N. N. [The system of local supertexts of Russian literature]. In: *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni I. Ya. Yakovleva* [Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev], 2017, no. 3-2, pp. 129–136.
19. Sultanov K. K. [Overcoming alienation (Caucasian discourse of Russian literature)]. In: *Literaturovedcheskii zhurnal* [Literary journal], 2007, no. 21, pp. 21–35.
20. Foulke R. *The sea voyage narrative*. London, Routledge, 2002. 272 p.
21. King Ch. *The Black Sea. A history*. Oxford, etc., Oxford University Press, 2004. 276 p.
22. Mathieson C., ed. *Sea Narratives: Cultural Responses to the Sea, 1600 – Present*. London, Palgrave Macmillan, Springer, 2016. 270 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Замятин Дмитрий Николаевич – доктор культурологии, главный научный сотрудник Высшей школы урбанистики имени А. А. Высоковского факультета городского и регионального развития, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;

e-mail: metageogr@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry N. Zamyatin – Dr. Sci. (Culturology), Chief Research Officer, Vysokovsky Graduate School of Urbanism in Department of Urban and Regional Development, HSE University;

e-mail: dzamyatin@hse.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Замятин Д. Н. Черноморский текст русской литературы: геокультуры, сопостранственность и географическое воображение // Географическая среда и живые системы. 2023. № 2. С. 47–57.

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-47-57

FOR CITATION

Zamyatin D. N. The Black sea text of Russian literature: geocultures, co-spatiality and geographical imagination. In: *Geographical Environment and Living Systems*, 2023, no. 2, pp. 46–57.

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-47-57

УДК 911.3

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-58-67

ЛЮБОВЬ И МЕСТО. ПАМЯТИ И-ФУ ТУАНА

Лавренова О. А.

*Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
117418, г. Москва, Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Осмысление потенциала творческого наследия китайско-американского географа И-Фу Туана в контексте проблематики и направлений исследований современной гуманитарной географии.

Процедура и методы. Контент-анализ работ И-Фу Туана проведён в связи с исследованиями по гуманитарной и культурной географии конца XX – начала XXI вв., в той или иной степени опирающихся на его труды или дискутирующих с ним. Используются также методы сравнительно-исторический, а также интерпретирующего и сравнительного анализа.

Результаты. Показана определяющая роль теоретических и методологических подходов, предложенных И-Фу Туаном для исследования ландшафтов через широкий спектр чувств человека, для дальнейших исследований в области гуманитарной географии. Туану принадлежит концепция дихотомии пространства и места, где в недифференцированном пространстве выделяются места, которые вызывают у человека некоторые чувства – приязнь, страх, неприязнь – и тем самым становятся субъективными, «очеловеченными». На основании этой концепции им был предложен термин «топофилия», означающий приязнь к месту, причём это чувство не является идеосинкретичным – чаще всего оно обусловлено историко-культурными причинами (в т. ч. знаковой системой культуры и космографией) и личным опытом. Этот термин и концепция легли в основу многочисленных исследований смысла и образа места. Ещё одно из концептуальных исследований Туана посвящено причинам страха перед окружающей средой и конкретными местами, также обусловленного историко-культурными и личными причинами. В данной статье эти исследования представлены в широком культурно-географическом дискурсе. Также проведены параллели с новыми научными направлениями, связанными с восприятием места, равно как статичного, так и динамичного (в т. ч. разных направлений туризма).

Теоретическая и/или практическая значимость. Раскрыта значимость теоретического наследия И-Фу Туана для определённых направлений современной географии и гуманитаристики, связанных с восприятием и пониманием пространства, места, их смыслов и потенциала эмоционального воздействия на человека.

Ключевые слова: И-Фу Туан, гуманитарная география, пространство и место, топофилия, топофобия

LOVE AND PLACE. IN MEMORY OF YI-FU TUAN

O. Lavrenova

*Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
Nakhimovsky prospekt 51/21, Moscow 117418, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose of the paper is to assess the potential of the creative heritage of the Chinese-American geographer Yi-Fu Tuan in the context of the problems and research directions of modern humanitarian geography.

Methodology. The content analysis of Yi-Fu Tuan's works is performed in connection with studies on the humanist and cultural geography of the late 20th and early 21st centuries, which to varying degrees are based on his works or debate with him. Methods of comparative-historical, as well as interpretive and comparative analysis are also used.

Results. We demonstrate the determining role of theoretical and methodological approaches proposed by Yi-Fu Tuan for the study of landscapes through a wide range of human senses, as well as for further research in the field of humanist geography. Tuan adheres to the concept of the dichotomy of space and place, where in an undifferentiated space there are places that arouse some feelings in a person, i.e. affection, fear, and dislike; thereby, these places become subjective, i.e. "humanized". Using this concept, Tuan proposed the term "topophilia," which means the liking for a place, and this feeling is not idiosyncratic: most often it is due to historical and cultural reasons (including the iconic system of culture and cosmography) and personal experience. This term and concept formed the basis of numerous studies of the meaning, sense and image of a place. Tuan's conceptual studies also included examination of the causes of fear of the environment and specific places, which are also due to historical, cultural and personal reasons. In this paper, Tuan's studies are presented in a broad cultural and geographical discourse. Parallels are also drawn with new scientific directions related to the perception of a place, both static and dynamic (including different tourism directions).

Research implications. The theoretical and/or practical significance of this work is to reveal the significance of the theoretical heritage of Yi-Fu Tuan for certain areas of modern geography and humanities related to the perception and understanding of space, place, their meanings, senses and the potential of emotional impact on a person.

Keywords: Yi-Fu Tuan, humanist geography, space and place, topophilia, topophobia

Введение

В 2022 г. в возрасте 91 года покинул этот мир И-Фу Туан – легенда гуманитарной географии, занимавшийся проблемами взаимодействия человека и места. Незадолго до его 90-летия мне удалось с ним связаться через профессора П. Адамса, его ученика и друга. Я написала ему, каким откровением были его книги для студентов географического факультета в эпоху перестройки,

когда только открылась возможность познакомиться с иными, не марксистскими, концепциями. В ответ мне пришло очень душевное письмо, где он сравнил мою книгу «Пространства и смыслы» с кометой, пронёсшейся по ночному небу. Конечно, с его стороны это была просто любезность, но по его замечаниям было ясно, что он вдумчиво пролистал книгу, внимательно прочёл содержание и библиографию.

И было понятно, что, несмотря на его отход от дел, он по-прежнему остаётся вдумчивым учёным, точно подмечающим детали и видящим основную концепцию и структуру текста целиком.

Он родился и начал обучение в Тяньцзине, в Китае, но вся его творческая карьера была связана с США, где и были написаны все его выдающиеся труды: «Пространство и место»¹, «Топофилия»², «Ландшафт страха»³, «Гуманистическая география: поиск смысла человеком»⁴, «Романтическая география: В поисках возвышенного пейзажа»⁵, «Религия: От места к безмезью»⁶ и многие другие. Его вклад в науку был признан всемирным сообществом: он был награжден географической медалью Каллума (1987) и стал лауреатом премии Вотрена Луда (2012), аналогом Нобелевской премии в области географии.

Благодаря И-Фу Туану в сферу географических изысканий вошли человеческие чувства по отношению к месту, стали изучаться особенности восприятия пространства, которые легли потом в основу довольно широкого кластера исследований. И на-

оборот, тот самый «пространственный поворот» в гуманитарных науках, который набрал силу к концу XX в., также состоялся благодаря его трудам, в которых гуманитарии могли увидеть интересные идеи и перспективы, связанные с выявлением пространственных характеристик и закономерностей разного рода культурных и литературных текстов.

Туан не определял себя приверженцем феноменологии, но в его книгах и эссе феноменологические идеи были представлены достаточно широко. Он утверждал, что география – это зеркало человечества, и, чтобы познать мир, надо познать самих себя. Его география была ближе к гуманитарным наукам, нежели к социологии или естественным наукам. Туан предпочитал термин «гуманистическая (или гуманитарная) география» для таких исследований, которые сочетали в себе идеализм (согласно терминологии Гелке (Guelke)) и феноменологию [8, p. 145].

Именно Туану принадлежит идея различать пространство и место с точки зрения испытываемых чувств. Пространство – нечто неопределённое и недифференцированное, место – имеет человеческое измерение. Пространство связано с движением, место – с паузами, остановками. «То, что начинается как недифференцированное пространство, становится местом по мере того, как мы узнаем его лучше и придаём ему ценность»⁷. Основываясь на концепции места, как объекта и явления, имеющего для человека смысл и ценность, Туан иссле-

¹ Tuan Yi-Fu. Space and Place: The Perspectives of Experience, Minneapolis, University of Minnesota Press, and London: Edward Arnold's, 1977. 227 p.

² Tuan Yi-Fu. Topophilia: A Study of Environmental Perception, Attitudes, and Values. Prentice-Hall, 1974. 260 p.

³ Tuan Yi-Fu. Landscapes of Fear. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1979. 262 p.

⁴ Tuan Yi-Fu. Humanist Geography: An Individual's Search for Meaning. Staunton, Virginia: GFT Publishing, 2012, 181 p.

⁵ Tuan Yi-Fu. Romantic Geography: In Search of the Sublime Landscape. Madison: University of Wisconsin Press, 2013. 184 p.

⁶ Tuan Yi-Fu. Religion: From Place to Placelessness. Chicago: Columbia College, 2009. 70 p.

⁷ Tuan Yi-Fu. Space and Place: The Perspectives of Experience, Minneapolis, University of Minnesota Press, and London: Edward Arnold's, 1977. P. 6.

дует все спектры эмоциональных связей и их генезис.

Место как объект любви

Одно из самых увлекательных его произведений – «Топофилия», в котором был дан достаточно широкий обзор оттенков восприятия места, формирования чувства приязни и любви по отношению к месту. Он разбирает особенности органов чувств, их контакта с окружающей средой, в т. ч. обоняние и слух – чувства, которые мы обычно не рассматриваем как ведущие в процессе восприятия места. Но на самом деле именно запах определённых цветущих растений, звуки (воркование горлиц, крики лесных птиц) являются наиболее яркими маркерами места, запоминающиеся человеком.

Туан анализирует психологические структуры и реакции, ответственные за восприятие места, его образа и смысла. Важную роль имеет масштаб человеческого восприятия и сегментация воспринимаемой информации. Об этом писали и многие учёные вслед за Туаном. Человеческое сознание не может непосредственно воспринимать большие пространства, для чего необходим опосредованный контакт с информацией, в т. ч. с географическими картами [2].

Согласно Туану важным элементом восприятия являются космологические схемы, в которые укладываются фрагментарные результаты непосредственного восприятия. В этом процессе играет роль символизм – знаковая система той или иной культуры, которая является своеобразным «предсуществованием» эмпирического опыта и одновременно – обогащается и заново кодируется на основе эмпи-

рического опыта. Туан, в основном, исследует цветовую символику, связанную со сторонами света. Но цветовая психология и семиотика оказываются непосредственным образом связаны с восприятием глубины пространства и психологией поведения в пространстве (в т. ч. реакцией на красный запрещающий сигнал светофора).

С точки зрения гуманитарной географии Туан рассматривает феномен этноцентризма, который как научное понятие был оформлен и осмыслен на рубеже XIX–XX вв. как форма существования межэтнических и межгрупповых отношений. В понимании учёного этноцентризм становится способом структуризации мира, определения центра, осей симметрии и периферии. Он соотносит этноцентризм с космограммами бесписьменных народов, а также с ранними античными картами и средневековыми христианскими картами, в которых Европа оказывается в центре мира.

Надо сказать, что культура как источник пространственных кодов и космологических схем представлена в данной книге достаточно фрагментарно. Туан, в основном, рассматривает взаимодействие коренной и пришлой культуры (гость и туземец), фронтир как границу цивилизованного мира

В «Топофилии» обсуждаются и индивидуальные особенности восприятия пространства: физиологические характеристики, темперамент, пол, возраст. В дальнейшем другими учёными особенно подробно были исследованы гендерная и возрастная психологии восприятия пространства, механизм которых использовался в прикладных исследованиях по организации детских игровых центров и пло-

щадок, гериартрических пансионатов и т. п.

Интересно, что Туан в качестве примера изменения восприятия окружающей среды в культурном контексте и исторической перспективе приводит пример гор, образ которых меняется от ужасных до прекрасных. Эта тема потом была продолжена исследователями, в частности, вышла замечательная книга М. Николсон «Горы мрачные и горы сияющие» [10], где описывается разное восприятие гор в историко-культурной перспективе.

Наконец, Туан даёт определение введённому им термину «топофилия» как приязни к месту и определённой окружающей среде. Топофилия связана с эстетизацией места, с его освоённостью, с чувством уюта, душевной теплоты (которое, кстати, связано с привычностью). Патриотизм рассматривается Туаном как один из вариантов топофилии. Впоследствии патриотизм будут изучать как производную не только от любви к родным пенатам, но и от идеологии и воспитательной стратегии.

Топофилия связана с чувством безопасности, долговечности и принадлежности к людям через постоянство места. Место должно быть стабильным в его культурном наполнении – любое изменение воспринимается как внешняя угроза, которая неизбежно «разрушит и загрязнит» эффективное взаимодействие людей и ландшафта [4, р. 4].

Концепция места как способа видения мира через человеческие чувства нашла многочисленных поклонников и продолжателей. Например, Т. Крессуэл посвятил И-Фу Туану свою книгу «Место: введение», где подчёркивал когнитивный и структурирующий

потенциал концепции и утверждал, что место – «это также способ видеть, познавать и понимать мир. Когда мы смотрим на мир как на мир мест, мы видим разные вещи. Мы видим привязанности и связи между людьми и местом. Мы видим миры смысла и опыта. Иногда такой способ видения может показаться актом сопротивления рационализации мира, способу видения, в котором больше пространства, чем мест» [6, р. 11].

С феноменологическим подходом к изучению очеловеченного места связано достаточно популярное направление в географии – изучение смысла места. В частности, был выпущен довольно представительный сборник «Текстуры места» [14], посвящённый И-Фу Туану, под редакцией П. Адамса, его ученика и друга, автора известной фотографии, которая размещена в книге «Пространство и место».

В отечественной географии параллели и отсылки к исследованиям И-Фу Туана можно обнаружить в книгах Д. Н. Замятина об образах места, который выводит эти исследования на новый теоретический уровень, называемый им метагеографией [1]. Чувства к месту рассматриваются как одна из основ семиозиса и создания знаковых систем культурного ландшафта в трудах О. А. Лавреновой [9].

Следуя примеру И-Фу Туана, некоторые специалисты в области гуманитарной географии тоже начали вводить новые термины, одновременно развивая идеи концепции места.

Пространство и память взаимосвязаны, поскольку память впитывает в пространство исторические корни с процессом воссоздания. Отстаивая концепцию пространственности, гео-

критик Р. Тэлли использует слово топофрения [16], чтобы определить субъективную связь с данным местом и возможной проекцией альтернативных пространств. Френия – суффикс, в современной психиатрии означающий состояние ума. С одной стороны, с греческого это переводится как средоточие чувств, душевных свойств, душа, с другой, согласно Гиппократу, – это душевная болезнь, представляющая собой бредовые варианты психоза. Тэлли аргументирует идею субъективности как с онтологическими, так и с воображаемыми местами.

Ещё интересным термином, на который вдохновили современных учёных исследования Туана – тропофилия (буквально любовь к переменам), который был применён «для обозначения нового способа, с помощью которого можно понять отношения между людьми и местом – не любовь к укоренившимся и статичным географическим отношениям, а любовь к мобильности, движению и изменениям с точки зрения составляющих конституции идентичности и географии» [5]. С точки зрения классической теории И-Фу Туана это своеобразная психологическая инверсия, поскольку «охота к перемене мест» не имеет в себе тех же оснований, что и топофилия – привычности и подконтрольности места как поводов для приязни и любви.

Место как объект страха и ненависти

Считается, что И-Фу Туан является также автором другого популярного неологизма в гуманитарной географии, обычно употребляемого как бинарная оппозиция к топофилии – топофобия. В принципе, этот термин использу-

ется в психиатрии как беспричинная боязнь конкретного места. Но после появления термина «топофилия» этот термин стал активно использоваться в гуманитаристике и обозначать страхи и неприятные коннотации, связанные с конкретными местами, причём имеющие не идеосинкретичную, а историко-культурную природу. Но ни в книге «Топофилия», ни в его масштабном исследовании «Ландшафты страха» этот термин не встречается. Он появился как бы сам собой в исследованиях, касающихся чувств людей по отношению к месту, и обычно отсылки делаются на книгу И-Фу Туана «Топофилия».

Туан обсуждает разные варианты страха, возникающего по отношению к месту. Он рассматривает причины детских страхов, которые по факту оказываются связанными больше с людьми, чем с местом. Надо сказать, что эти исследования оказались больше историко-психологическими, чем культуро-географическими. В этом смысле некоторые российские исследования детской психологии оказались более подробными и обращёнными к «прочувствованию» мест ребёнком, например, книга М. В. Осориной «Секретный мир детей» [3]. Она отмечает, что в детском мире непременно есть «страшные места» (чаще всего в современном городском пространстве это заброшенные жилые и промышленные здания), которые не только внушают вполне обоснованный страх, но и привлекают, и куда непременно хотя бы один раз заглядывает мальчик-подросток, чтобы испытать себя. Для более старших подростков такие места либо становятся местом периодических тусовок и коллективных исследований, либо теряют привлекательность.

Туан опять же с историко-культурных позиций исследует страхи перед неосвоенной дикой природой на ранних этапах становления человеческого общества, страхи стихийных бедствий и болезней.

Рассматривает восприятие открытого и закрытого пространства при агафобии, когда стабильный мир – это дом; а за его пределами находится пугающее общественное пространство, агора. «Одним из симптомов этого недуга является боязнь пересекать любое большое и открытое пространство. Страдающий чувствует головокружение, как будто все его тело, как будто пространство, простирающееся перед ним, вот-вот потеряют свой центр и границы... самый большой страх агафоба – это потеря контроля»¹. Это один из главных принципов чувственного отношения человека и места – ощущение его подконтрольности и безопасности является одной из основ приязни. Также он рассматривает отношения с пространством при шизофрении и других ментальных болезнях.

Он подмечает важную деталь, что человеку свойственно очеловечивать силы природы, и сильные чувства, в т. ч. негативные, можно испытывать только к объекту, который предварительно был наделён человеческими качествами. Но страх усиливается, если помимо природных антропоморфных духов место населяется злой человеческой и сверхъестественной силой, ведьмами и призраками².

В главе «Страх в городе» Туан показывает, что большой город начинает доминировать над человеком и стано-

вится опасным местом, которого стоит бояться. Более современные исследования города как места страха построены на оппозициях между понятиями пространства и места, предложенных Туаном, «где понятие пространства снова определяется реальной топографией, городским проектом или архитектурой, в то время как идея места, отмеченная моментом внесения смысла и эмоций в пространство, гарантирует бесчисленные возможности для интерпретации. <...> Туан, например, среди различных теоретических трактовок пространства связывает идею страха с ключевой характеристикой любого крупного города, несмотря на логичные и очевидные первоначальные попытки создать безопасную среду» [11, p. 8].

Туан отмечает также тягу людей к опасным местам, туда, где велик риск расстаться с жизнью, но если повезёт – то получить всплеск адреналина и вернуться с чувством победителя. Как деятельность такого рода он отмечает альпинизм. Более поздние исследования отмечают, что в конце XX в. окрепло новое движение – так называемый тёмный туризм [7; 13], когда туристы специально едут в странные, страшные, опасные места, в т. ч. в места катастроф и военных действий, чтобы пощекотать себе нервы. Как его ответвление также рассматривают готический туризм, связанный с попыткой соприкоснуться с тёмной сверхъестественной силой, ведьмами и привидениями, о которых так подробно писал Туан как о причинах страха. Как мы видим, такие места становятся местами «привлекательного страха».

А вышеописанные идеи Туана об изначальном страхе перед неосвоенной

¹ Tuan Yi-Fu. *Landscapes of Fear*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1979. P. 204.

² Там же.

дикой природной средой трансформировались в современные изыскания на тему «эко-готики» [12]. Эко-готика сознательно объединяет экокритицизм с самыми отвратительными идеями о мире природы, теоретизирует и деконструирует наиболее злоеющие представления об окружающей среде.

И-Фу Туан пишет в основном о страхе, связанном с теми или иными местами или с той или иной природной и антропогенной средой. О чувстве ненависти к месту ни он, ни его последователи не говорят, но эта тема «вшита» в ряд исследований о причинах миграций, в основном связанных с оттоком молодёжи из захудалых провинциальных посёлков и городков. Здесь привычность не равна подконтрольности, поскольку очень часто условия жизни в этих населённых пунктах не поддаются улучшению.

Противопоставление и взаимосвязь приязни и неприязни к месту, изучалось во множестве прикладных кейсах, в частности, был выпущен комплексный сборник «Топофилия и топофобия» [15], объединивший самые разные направления изучения места как объекта чувств.

Заключение

Исследования И-Фу Туана стали основополагающими для феноменологического направления культурной и гуманитарной географии, для гумани-

таристики, связанной с исследованием представлений о пространстве и месте. Место – это очеловеченное, прочувствованное и промышленное пространство. Принципиальными моментами в концепции дихотомии индифферентного пространства и очеловеченного места являются контроль и движение.

Движение происходит в пространстве и не позволяет привязаться к месту. Место требует времени и непосредственного соприкосновения. С этим связано также популярное направление изучения смысла места.

Возможность контроля над местом, его привычность является одним из оснований приязни и любви к нему. Основания любви к месту лежат также в системе культурных стереотипов, знаков и символов, система мировоззрения, определяющая предпочтения цветов и пространственных структур.

Неподконтрольность и опасность среды вызывает страх. Но страх может провоцировать 2 дальнейших варианта развития чувств и интенций: либо неприязнь и избегание, либо любопытство, желание соприкоснуться и получить ударную дозу адреналина.

Исследования топофилии и топофобии стали неотъемлемой частью многочисленных прикладных и теоретических направлений в гуманитарной географии.

Статья поступила в редакцию 28.03.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Замятин Д. Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004. 506 с.
2. Лавренова О. А.. Игры с пространством // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 1. С. 178–196.
3. Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: Издательство «Питер», 2000. 288 с.

4. Anderson J., Erskine K. *Trophophilia: A Study of People, Place and Lifestyle Travel // Mobilities*. 2012. № 9. P. 130–145.
5. Coleman S., Crang M. *Grounded Tourists, Travelling Theory // Tourism: Between Place and Performance* / S. Coleman, M. Crang, eds. New York, NY: Berghahn Books, 2002. P. 1–17.
6. Cresswell T. *Place: a short Introduction*. Blackwell Publishing, 2004. 153 p.
7. Foley M., Lennon J. *JFK and Dark Tourism: A Fascination with Assassination // International Journal of Heritage Studies* 2. 1996. № 4. P. 198–211.
8. Holt-Jensen A. *Geography: History and Concepts*. SAGE Publications, 2018. 281 p.
9. Lavrenova O. *Spaces and meanings: Semantics of the Cultural Landscape*. Springer, 2019. 216 p.
10. Nicolson M. *Mountain Gloom and Mountain Glory: The Development of the Aesthetics of the Infinite*. Seattle and London: University of Washington Press, 1997. 403 p.
11. Parezanović T., Lukić M. *Dark Urbanity // The Palgrave Handbook of Contemporary Gothic* / C. Bloom, ed. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. P. 77–90.
12. Parker E. *The Forest and the EcoGothic. The Deep Dark Woods in the Popular Imagination*. Palgrave Macmillan, 2020. 308 p.
13. Passey J. *Dark Tourism // The Palgrave Handbook of Contemporary Gothic* / C. Bloom, ed. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. P. 49–62.
14. *Textures of Place. Exploring Humanist Geographies* / P. C. Adams, S. Hoelscher, K. E. Till, eds. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 2001. 461 p.
15. *Topophilia and Topophobia. Reflections of twentieth-century human habitat* / X. Ruan, P. Hogben, eds. London, NY: Routledge. 2007. 220 p.
16. Tally Jr., Robert T. *Topophrenia: Place, Narrative, and the Spatial Imagination*. Indiana University Press, 2019. 191 p.

REFERENCES

1. Zamyatin D. N. *Metageografiya: Prostranstvo obrazov i obrazov prostranstv* [Metageography: Space of images and images of space]. Moscow, Agraf Publ., 2004. 506 p.
2. Lavrenova O. A. [Games with space]. In: *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science], 2021, vol. 58, no. 1, pp. 178–196.
3. Osorina M. V. *Sekretnyi mir detei v okruzhenii mira vzroslykh* [The secret world of children in the space of the world of adults]. St. Petersburg, Izdatel'stvo "Piter" Publ., 2000. 288 p.
4. Anderson J., Erskine K. *Trophophilia: A Study of People, Place and Lifestyle Travel*. In: *Mobilities*, 2012, no. 9, pp. 130–145.
5. Coleman S., Crang M. *Grounded Tourists, Travelling Theory*. In: Coleman S., Crang M., eds. *Tourism: Between Place and Performance*. New York, NY: Berghahn Books, 2002. P. 1–17.
6. Cresswell T. *Place: a short Introduction*. Blackwell Publishing, 2004. 153 p.
7. Foley M., Lennon J. *JFK and Dark Tourism: A Fascination with Assassination*. In: *International Journal of Heritage Studies* 2, 1996, no. 4, pp. 198–211.
8. Holt-Jensen A. *Geography: History and Concepts*. SAGE Publications, 2018. 281 p.
9. Lavrenova O. *Spaces and meanings: Semantics of the Cultural Landscape*. Springer, 2019. 216 p.
10. Nicolson M. *Mountain Gloom and Mountain Glory: The Development of the Aesthetics of the Infinite*. Seattle and London, University of Washington Press, 1997. 403 p.
11. Parezanović T., Lukić M. *Dark Urbanity*. In: Bloom C., ed. *The Palgrave Handbook of Contemporary Gothic*. Cham, Palgrave Macmillan, 2020, pp. 77–90.
12. Parker E. *The Forest and the EcoGothic. The Deep Dark Woods in the Popular Imagination*. Palgrave Macmillan, 2020. 308 p.

13. Passey J. Dark Tourism. In: Bloom C., ed. *The Palgrave Handbook of Contemporary Gothic*. Cham, Palgrave Macmillan, 2020, pp. 49–62.
 14. Adams P. C., Hoelscher S., Till K. E., eds. *Textures of Place. Exploring Humanist Geographies*. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 2001. 461 p.
 15. Ruan X., Hogben P., eds. *Topophilia and Topophobia. Reflections of twentieth-century human habitat*. London, NY, Routledge. 2007. 220 p.
 16. Tally Jr., Robert T. *Topophrenia: Place, Narrative, and the Spatial Imagination*. Indiana University Press, 2019. 191 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лавренова Ольга Александровна – кандидат географических наук, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник отдела культурологии Института научной информации по общественным наукам РАН, почётный член Российской академии художеств, президент Международной ассоциации семиотики пространства и времени (IASSp+T, Швейцария);
e-mail: olgalavr@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga A. Lavrenova – Cand. Sci. (Geography), Dr. Sci. (Philosophy), Leading Researcher, Department of Cultural Studies, Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences, honored member of Russian Academy of Arts, The President of the International Association for Semiotic of Space and Time (IASSp+T, Switzerland);
e-mail: olgalavr@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лавренова О. А. Любовь и место. Памяти И-Фу Туана // Географическая среда и живые системы. 2023. № 2. С. 58–67.
DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-58-67

FOR CITATION

Lavrenova O. A. Love and place. In memory of Yi-Fu Tuan. In: *Geographical Environment and Living Systems*, 2023, no. 2, pp. 58–67.
DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-58-67

ГОРОДСКИЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЛАНДШАФТЫ

УДК 911.3

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-68-80

«КАК ГОРОД НАЗОВЁШЬ...»: ОТ СМЕНЫ ИМЕНИ К ИЗМЕНЕНИЮ ГОРОДСКОГО ЛАНДШАФТА (НА МАТЕРИАЛЕ Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

Калуцков В. Н.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследовать закономерности изменения городских ландшафтов в связи с переименованием города.

Процедуры и методы. На основе геоконцептуального подхода и подходов критической топонимики исследуется опыт переименования городов в мире. Выявлены основные проблемные моменты. Использовался метод системного анализа, а также историко-географический и топонимический методы.

Результаты. Переименование рассматривается как культурно-географический процесс, характерный для нашего времени и охватывающий почти все страны и регионы. Новое название места, или геоконцепт, нужно рассматривать в качестве ландшафтно-ономастической инновации. Геоконцепт в качестве инновационного имени места обладает коннотативными значениями, отражающими новую идею и раскрывающими новый ассоциативный образ места. Со временем по мере его освоения местным сообществом геоконцепт становится топонимом, выступая в качестве основы для формирования новой территориальной идентичности. Применительно к переименованию городов предлагается авторская модель ландшафтно-ономастического цикла, описывающая движение ономастической инновации от её начала до завершения. Цикл включает в себя 4 фазы: зарождение, оформление, становление и зрелость. Модель апробирована на материале г. Санкт-Петербурга. Применительно к этому городу – городу трёх переименований – отметим, что, в отличие от петроградского, первый петербургский и ленинградский ландшафтно-ономастические циклы оказались полными: они сумели сформировать устойчивые идентичности (петербургскую и ленинградскую), которые хорошо читаются в культурном ландшафте города.

Теоретическая и/или практическая значимость. Разработана концептуальная модель городского ландшафтно-ономастического цикла, которая может использоваться для исслед-

© СС ВУ Калуцков В. Н., 2023.

ований процесса переименований не только городов, но и стран, а также при изучении внутригородских и региональных переименований. Результаты исследования представляют интерес для специалистов по культурной и социальной географии, преподавателей, студентов высшей школы, для всех, интересующихся проблематикой переименований географических объектов.

Ключевые слова: культурная география, культурный ландшафт, геоконцепт, концептуализация географического пространства, ландшафтно-ономастический цикл

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

“WHAT WILL YOU CALL A CITY...”: FROM CHANGING THE NAME TO CHANGING THE URBAN LANDSCAPE (BASED ON THE MATERIAL OF ST. PETERSBURG)

V. Kalutskov

*Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. We investigate the patterns of changes in urban landscapes in connection with the renaming of the city.

Methodology. On the basis of the geoconceptual approach and approaches of critical toponymy, the experience of renaming cities in the world is investigated. The main problematic points are identified. Use is made of the method of system analysis, as well as historical-geographical and toponymic methods.

Results. Renaming is considered as a cultural and geographical process characteristic of our time and covering almost all countries and regions. A new place name, or geoconcept, should be considered as a landscape-onomastic innovation. A geoconcept as an innovative place name has connotative meanings reflecting a new idea and revealing a new associative image of a place. Over time, as it is mastered by the local community, the geoconcept becomes a toponym, acting as a basis for the formation of a new territorial identity. In relation to the renaming of cities, we propose a model of the landscape-onomastic cycle, describing the movement of onomastic innovation from its beginning to completion. The cycle includes four phases: origin, design, formation and maturity. The model has been tested on the material of St. Petersburg. With regard to this city, the city of three renaming, we note that, unlike Petrograd, the first Petersburg and Leningrad landscape-onomastic cycles turned out to be complete: they managed to form stable identities (Petersburg and Leningrad) and are well read in the cultural landscape of the city.

Research implication. A conceptual model of the urban landscape-onomastic cycle is developed; it can be used to study the process of renaming not only cities, but also countries, as well as in the study of intra-city and regional renaming. The results of the study are of interest to specialists in cultural and social geography, teachers, students of higher education, and anyone interested in the problems of renaming geographical objects.

Keywords: cultural geography, cultural landscape, geoconcept, conceptualization of geographical space, landscape-onomastic cycle

Acknowledgements. The research was carried out with the support of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow State University "Preservation of the World cultural and Historical heritage".

Введение

В течение последнего столетия возникла принципиально новая, до конца плохо отрефлексированная ситуация в области географической ономастики, когда не стабильный топоним, а меняющееся географическое название места стало массовым культурным феноменом; феноменом, который охватил большую часть современного мира – Россию, постсоветское пространство, Центральную и Восточную Европу, все страны, испытавшие колониальный гнёт в Африке, Азии и Латинской Америке, южные штаты США... В XX в. процессы переименований происходили под воздействием мощных «транснациональных идеологий» нашего времени – социализма и демократии. В наши дни национальная идея представляет собой важный рычаг преобразования культурно-географического пространства.

Поскольку эти процессы всегда имеют общественный резонанс, их отслеживают не только исследователи, но и литераторы, в частности, С. Довлатов в книге «Соло на ундервуде» приводит пример реакции интеллигенции на массовые переименования в СССР: «Это было лет 20 назад. В Ленинграде состоялась знаменитая передача. В ней участвовали – Панченко, Лихачев, Солоухин и другие. Говорили про охрану русской старины. Солоухин высказался так:

– Был город Пермь, стал – Молотов. Был город Вятка – стал Киров. Был го-

род Тверь, стал Калинин... Да что же это такое?! Ведь даже татаро-монголы русских городов не переименовывали!»¹.

Один из самых ярких случаев непрерывной цепочки переименований в Центральной Европе – изменение названия центральной улицы в хорватском г. Вуковар. В прошлом столетии она носила 5 (!) названий, каждый раз меняя своё имя в соответствии с новыми культурно-политическими реалиями [7, с. 511]. В начале XX в. она называлась улицей императора Австро-Венгрии Франца-Иосифа, после распада империи ей дали имя в честь югославских королей Петра и Александра. Смена власти привела к переименованию в улицу Павелича (по имени лидера хорватских усташей). Социалистическая Югославия заменила название на улицу Тито, президента страны. Несмотря на хорватские корни Тито, и этот топоним не устоял: в постсоциалистической Хорватии улицу снова переименовали в честь первого президента Хорватии Туджмана. Однако даже в этой ономастической чехарде, как оказалось, можно обнаружить важную культурно-географическую закономерность: главная улица города всегда называлась в честь первого лица государства [7].

Другой хорошо известный пример – переименование столицы Казахстана. За последние 60 лет город сменил 5 названий: Акмолинск – Целиноград –

¹ Довлатов С. Соло на ундервуде; Соло на IBM. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. С. 75.

Акмола – Астана – Нур-Султан – Астана. Интересно, что каждое новое имя города характеризует новое состояние городского ландшафта. Название Акмолинск связано с дореволюционным состоянием ландшафта, а Целиноград характеризует важный советский слой городского ландшафта, напоминающий о проекте освоения целины. Акмола представляет собой восстановленное казахское название, свидетельствующее о начале построения в стране новой – казахстанской – модели мира. А 2 последних названия характеризуют новое, столичное, состояние города и его ландшафта.

Геоконцептуальный подход к переименованию мест

Под концептуализацией геокультурного пространства понимается системная культурная инновация, нацеленная на создание новой географической картины мира [3]. Она представляет собой не процесс естественного (исторического) освоения и номинации, а процесс сознательного конструирования нового культурно-географического пространства [4].

Массовое «стирание» топонимов одного языка и их замена топонимами другого языка представляет собой языковой тип концептуализации пространства. Некоторые исследователи называют такую технологию массовых переименований в рамках новой национальной идеологии механизмом «топонимической чистки», когда «переименование ландшафта» направлено на прикрепление национального языка к национальной территории путём исключения «иностранных» топонимов [6].

В наше время на всём постсоциалистическом пространстве наряду с «то-

понимической чисткой» системность переименований опирается на господствующую государственную идеологию, которая задаёт новый пантеон героев, включающий имена религиозных, исторических деятелей, жертв новых революций, имена руководителей новых стран, а также другие идеологически приемлемые нормы (вспомним имевший важное значение для советской идеологии и, соответственно, для топонимии красный цвет). Данный тип концептуализации пространства можно назвать культурно-языковым. В этом случае осуществляется системное изменение геокультурного пространства и более глубокое воздействие инноваций на общество.

Важной характеристикой переименований в современных странах является их массовый пространственный характер, что приводит к качественным изменениям городских ландшафтов, преобразованию культурного пространства целых стран и, как следствие, к сдвигам в идентичности их жителей.

Новое имя места (города, региона, страны) привносит новые идеи и новые образы с их последующей социализацией. К примеру, Царицын – Сталинград – Волгоград представляют собой не просто имена одного города. Это разные национальные идеи, разные страницы городской и отечественной истории (великое сражение на Волге не может быть волгоградским: это *Сталинградская битва!*), это разные состояния городского ландшафта, разные городские идентичности...

В начале нового состояния места стоит геоконцепт, или новое имя места. Концептуальное переименование можно рассматривать как начало куль-

турной инновации, которое «подтягивает» дальнейшие изменения места – его истории, его образов, его сообщества; в результате возможна трансформация всего культурного ландшафта.

По мнению В. П. Сомова принципиальное отличие топонима от геоконцепта заключается в том, что «... подавляющее число топонимов, функционирующих в языке, лишено коннотативных значений. Они являются лишь названиями географического места и не служат словесными метками его образа»¹. По сути, о геоконцептах метафорически пишет де Серто: «Площадь Звезды, площадь Согласия, улица Пуассоньер... эти созвездия организуют уличное движение: звёзды, управляющие маршрутами. «Площади Согласия не существует, – говорит Малапарте, – это – идея». Это гораздо больше, чем “идея”. Потребовалось бы множество сравнений, чтобы объяснить магическую власть, которой обладают имена собственные» [5, с. 203].

Если в топониме важно его семантическое значение, то геоконцепт раскрывает новую идею места. Геоконцепт можно рассматривать в качестве идеологического топонима, т. е. имени места, нередко не связанного с местной культурной традицией.

Поэтому геоконцепты с их идеологическими и культурными смыслами и образами являются объектами изучения культурной географии, а топонимы с их семантическими значениями – этнолингвистики и топонимики. Тем самым под геоконцептом понимается *инновационное имя места*, которое об-

ладает коннотативными значениями, отражающими новую идею и раскрывающими новый ассоциативный образ места [4].

Представление о ландшафтно-ономастическом цикле – от новой идеи места к полноценному топониму

Представление переименования места как о цикличном процессе опирается на исследования жизни имени места – от зарождения имени до его зрелости и «старости» (рис. 1).

Полный ландшафтно-ономастический цикл включает в себя 4 основных составляющих: зарождение, оформление, становление и зрелость.

Фаза зарождения. На этой фазе в результате государственной или общественной инициативы появляется идея нового названия места. Мотивации могут быть разные – от идеологического неприятия старого названия до желания местного сообщества увековечить память о знаменитом земляке (и тем самым повысить статус своего места). Ситуацию переименования особо значимого места, например, столицы страны или крупного духовного центра, можно рассматривать в контексте процессов десакрализации / сакрализации пространства, т. е. как «перекрепление» места.

На этом шаге осуществляется поиск, рассмотрение вариантов (в рамках новой идеологии) и обоснование нового имени. Могут проводиться общественные слушания. Нередко возникают конфликтные ситуации между сторонниками и противниками нового имени места, особенно когда старое имя укоренено в общественном сознании. В критических ситуациях решение при-

¹ Сомов В. П. Поэтическая география: Историческая, мифологическая, библейская и литературно-сказочная. Культурологический словарь. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2015. С. 11–12.

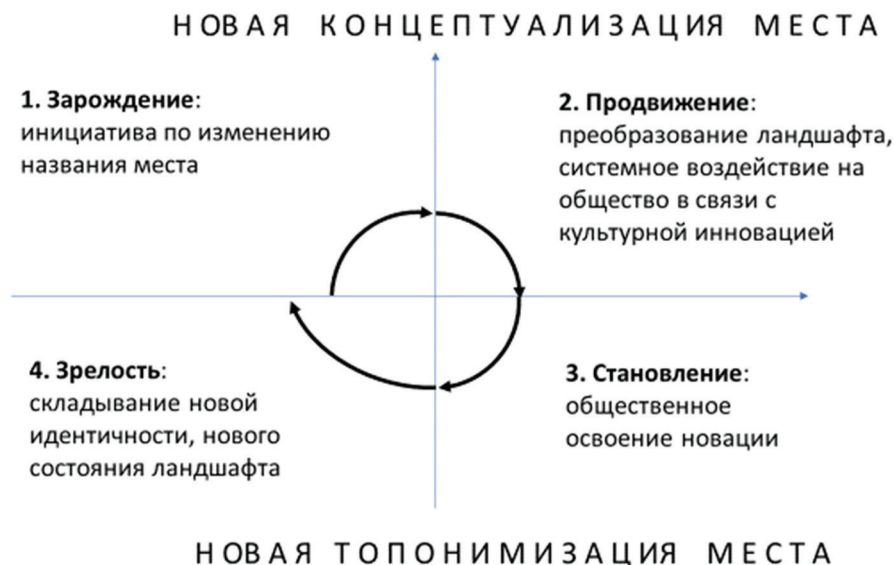

Рис. 1 / Fig. 1. Ландшафтно-ономастический цикл и его основные фазы / Landscape-onomastic cycle and its main phases

Источник: составлено автором

нимается быстро. Фаза заканчивается принятием политического решения о новом имени места – возникает новый геоконцепт.

Фаза продвижения. На этой фазе осуществляется продвижение нового геоконцепта в общество с помощью изменения городского ландшафта (публичного пространства) и создания новых образов места. Можно выделить 3 уровня преобразования городского ландшафта: внешний, глубинный и коренной.

Внешние изменения общественного пространства – это смена вывесок без глубинного преобразования ландшафта города. Они проявляются в смене адресов, новых официальных вывесок правительственных и городских учреждений, в появлении рекламы и лозунгов с новым названием. В наше время в этом процессе активно участвуют государственные СМИ, ин-

тернет. «Пробуется на вкус» новое название и города, и его жителей. В поле печатной продукции появляются новые туристические буклеты, книги об истории города, географические карты с его новым именем.

Глубинные изменения ландшафта предполагают не только смену имени города, но и массовые идеологически мотивированные переименования городских улиц и площадей, снос старых и возведение новых идеологически мотивированных монументов, памятников, музеев. Примеры подобных глубинных преобразований культурных ландшафтов, которые обычно сопровождаются «переписыванием» национальной (а заодно и городской) истории, ныне встречаются повсеместно.

Коренные изменения городского ландшафта происходят в результате комплексных воздействий, когда ономастические инновации идут рука об

руку с новыми архитектурными решениями, с выработкой нового архитектурного стиля, созданием новых общественных пространств. Напомню, что в СССР в 1920–1930-х гг. архитекторы, по сути, выступали социальными проектировщиками, творцами нового общественного человека.

Однако смены общественного пространства, городского ландшафта и пропагандистских усилий новой идеологии недостаточно для продвижения инновации: нужны новые яркие образы места, связанные с новым именем. Поэтому с некоторым временным лагом (творческие люди тоже должны привыкнуть к новому!) к процессу воздействия на общество подключается «тяжёлая артиллерия» – искусство, кинематограф, литература, живопись, включая городские граффити. Только искусство может создать и закрепить в обществе новые сильные образы, связанные с новым именем города. Власть, как правило, это хорошо понимает (вспомним известное высказывание В. И. Ленина: «...из всех искусств для нас важнейшим является кино...»).

Вместе с лингвистами и архитекторами литераторы, художники и режиссёры творят новые образы не только города в целом, но и отдельных пространств города, интерпретируют образы исторических мест. Например, образ Зимнего дворца благодаря гению Эйзенштейна для многих поколений будет связан не столько с Эрмитажем, сколько с Великой Октябрьской революцией – началом нового этапа истории России и мира.

Фаза становления. На этой фазе можно отследить реакцию общества на инновацию. Очень важным является готовность общества к восприятию

изменения. В ситуации готовности общества социально-психологическое привыкание к новому имени происходит быстрее: оно легче закрепляется в текущей общественной жизни. Но возможны и протестные настроения, неприятие нового геоконцепта. Петербургский писатель К. К. Вагинов в романе «Козлиная песнь» отражает отношение части жителей города в 1920-е гг. к его переименованию в Ленинград: «Теперь нет Петербурга. Есть Ленинград, но Ленинград нас не касается...»¹.

На фазе становления внешнее публичное пространство осваивается обществом, и прежде чуждый для общества геоконцепт становится «своим» топонимом – начинает формироваться новая идентичность.

Фаза зрелости. Переход в фазу зрелости может происходить постепенно, но может быть и ускорен в результате исторически значимого события, общественного потрясения, связанного уже с новым именем. Подобные события выступают в качестве триггера нового состояния общества. Важными индикаторами этого состояния являются продукты культурно-языкового общественного творчества, связанные с обыгрыванием нового топонима и нового имени горожан – краткие топонимические формы (пример, Калининград – Кёниг), анекдоты, новые устные истории, граффити, публичная реклама. Все эти культурно-языковые маркеры свидетельствуют о формировании новой идентичности и связанного с ней нового состояния городского ландшафта.

¹ Вагинов К. К. Козлиная песнь: Романы. М.: Современник, 1991. С. 13.

Однако к концу фазы общество может «устать» от уже привычного имени. К примеру, сообщество ленинградцев в конце 1980-х гг. было уже внутренне подготовлено к переименованию и запуску нового ландшафтно-ономастического цикла, связанного с возвращением исторического имени.

Таким образом, полный ландшафтно-ономастический цикл включает в себя 4 основных фазы: зарождение, оформление, становление и общественную зрелость. Но цикл может оказаться и незавершённым, если до его окончания возникнет новая культурная инновация, как это произошло с Петроградом или казахстанской Астаной.

Анализ случая: ландшафтно-ономастические циклы города трёх переименований

Санкт-Петербург как будто специально придуман в качестве яркого и всем известного примера для иллюстрации темы переименований. Действительно, с одной стороны, го-

род очень хорошо обеспечен исследовательским материалом, а с другой, – его трижды переименовывали. В итоге городской ландшафт испытал 2 полных цикла переименований и 1 – неполный; ныне развёртывается новый ландшафтно-ономастический цикл: на наших глазах формируется новая петербургская идентичность, новый петербургский свёрхтекст и новое состояние городского ландшафта (рис. 2).

Что общего в ситуации первых двух переименований города – из Петербурга в Петроград и из Петрограда в Ленинград? В обоих случаях можно говорить о широкой поддержке инициатив по переименованию городским сообществом, с одной стороны, и их неприятие интеллигенцией, с другой.

Против нового имени – Петрограда – выступали многие представители творческой интеллигенции: известный юрист А. Кони, З. Гиппиус, искусствовед Н. Врангель; резко высказался К. Сомов: «Поражение наших войск,

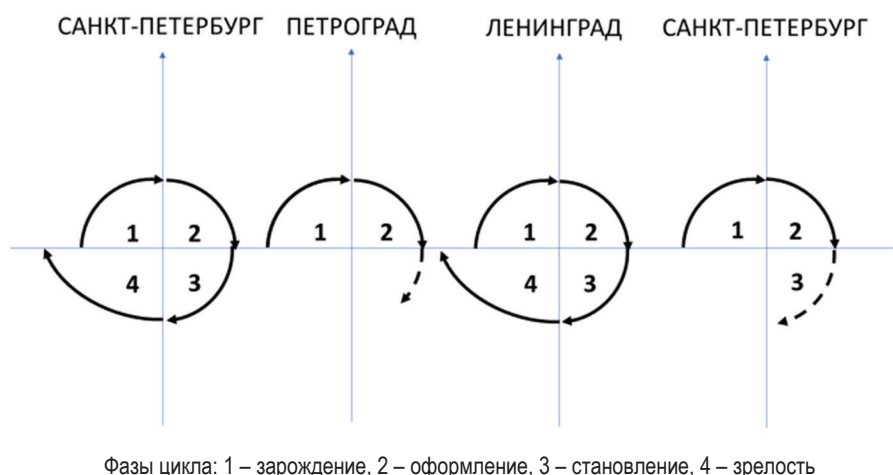

Рис. 2. Ландшафтно-ономастические циклы Санкт-Петербурга / Landscape and onomastic cycles of St. Petersburg

Источник: составлено автором

уничтожено два корпуса, убит Самсонов. Позорное переименование Петербурга в Петроград!». Эсхатологические знаки увидел в переименовании А. Бенуа: «Петербург или Петроград – это вовсе не шутки, а это вся история России, все её будущее, весь её исторический смысл. Свободная творческая воля или рабская покорность, движение вперёд, вширь, в мир или замкнутость китайской стеной, вселенность или местность, “столичность” или “провинциализм”»¹. Геоконцепт дореволюционного Петрограда в своём творчестве успел «поймать» К. Чуковский: его знаменитый Крокодил вышагивает уже по улицам Петрограда.

Последующие за пророчеством Бенуа революционные события показали, что геоконцепт Петрограда не столько отрицает прежние идеи города, сколько несёт на себе новые социальные идеи. Но Петроград оказался скоротечным культурно-географическим продуктом, геоэфмером. К тому же 10 лет – небольшой срок для формирования новой городской идентичности.

Но память об этом незавершённом ландшафтно-ономастическом цикле сохраняется не только в революционных текстах и лозунгах типа «Красный Петроград – колыбель пролетарской революции». После переименования Петербурга в Петроград в 1914 г. также были переименованы и старейший исторический рай-

он города Петербургская сторона, и Петербургский остров, расположенный на правом берегу Невы, а в 1917 г. был образован Петроградский административный район.

За последующее столетие все эти культурные новоделы (Петроградская сторона, Петроградский остров и Петроградский район) не только сохранились в советское время, но укоренились и стали неотъемлемой частью культурного ландшафта города. Для нашей темы важно, что эти осязаемыми ландшафтные свидетельства представляют собой «родимые пятна» Петрограда.

Несмотря на отрицательное мнение самого Ленина, который предчувствовал возможность такого переименования, решение о переименовании в Ленинград было принято за несколько дней. В. И. Ленин умер 21 января 1924 г., а 26 января Петроградский совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов написал петицию о переименовании города «по просьбам скорбящих трудящихся», и уже через 3 дня М. И. Калинин, председатель ЦИК СССР, подписал соответствующее постановление, и город стал Ленинградом².

Новой власти нужна была новая – идеологическая – столица. С помощью геоконцепта «Ленинград» город остался не просто второй столицей, а стал городом-знаменем новой страны. Явственно ощущается идеологическая переключка с городом Петра:

¹ Лурье Л. Переименование Петербурга в 1914 году: роковая смена имени // Справочник. Санкт-Петербург: [сайт]. URL: <https://spb.spravker.ru/news/pereimenovanie-peterburga-v-1914-godu-rokovaya-smena-imeni.htm> (дата обращения 15.12.2022).

² Борисенко Д. Питербурх, Петрополь и Чертоград. Почему сменялись названия города и откуда взялись его самые известные прозвища // Arzamas: [сайт]. URL: <https://arzamas.academy/materials/633> (дата обращения: 15.12.2022).

Петербург – реальная и идеологическая столица новой имперской России, а Ленинград – идеологическая столица новой советской России. Не случайно после смерти вождя революции, когда несколько городов стремились получить имя Ленина, новая власть быстро пресекла эти попытки. Имя Ленина должен носить, прежде всего, идеологический центр страны.

В год второго переименования случилась природная катастрофа – второе по масштабам наводнение в городской истории; некоторые современники увидели в этом эсхатологические мотивы. Д. Борисенко отмечает, что многие петербуржцы долгие годы продолжали игнорировать новое название. Так, Д. Шостакович шутил, что теперь живет в Санкт-Ленинбурге. В мемуарах Ф. Шаляпина приводится характерный анекдот о Д. Бедном: «Когда Петроград переименовали в Ленинград, т. е. когда именем Ленина окрестили творение Петра Великого, Демьян Бедный потребовал переименовать произведения великого русского поэта Пушкина в произведения Демьяна Бедного»¹.

В 1930-е гг. не проводилось массовых социологических опросов и трудно судить, как формировалась идентичность ленинградца в довоенные годы, но решающее влияние Великой Отечественной войны и связанной с ней Ленинградской блокады на её становление не подлежит сомнению. О. Берггольц так написала о блокаде:

*«Но то же, то же, что со мной,
со всеми сделала блокада.
И для тебя слились в одно
и я, и горе Ленинграда»*².

Нечеловеческие страдания жителей и стойкость их духа проявилась не только в воле к победе во время Ленинградской блокады, но и в творческих озарениях гениев национального искусства. Трудно недооценить их вклад в общее дело: «Ленинградская симфония» Д. Шостаковича, «Ленинградская поэма» О. Берггольц, многие другие ленинградские произведения искусства способствовали созданию новой и очень устойчивой идентичности – ленинградской. И ещё одно свидетельство поэтессы:

*«Но, не волнуясь, не боясь,
гляжу в глаза грядущим схваткам:
ведь ты со мной, страна моя,
и я не даром — ленинградка»*³.

Таким образом, в 1940-е гг. жители города окончательно стали ленинградцами. Об этом же свидетельствует один из известных уроженцев Северной Венеции поэт А. Городницкий: «Слово “Ленинград” было для меня третьим после “мама” и “папа”. Про дедушку Ленина я узнал значительно позднее и в сердце своём эти слова не связываю» [1].

В 1991 г. случилось новое переименование. Мнение городского сообщества и властей на этот раз разделились. В городе проходили многотысячные демонстрации сторонников и про-

¹ Борисенко Д. Питербурх, Петрополь и Чертоград. Почему сменялись названия города и откуда взялись его самые известные прозвища // Arzamas: [сайт]. URL: <https://arzamas.academy/materials/633> (дата обращения: 15.12.2022).

² Берггольц О. Ф. Ленинградская поэма // РуСтих: [сайт]. URL: <https://rustih.ru/olga-berggolc-leningradskaya-poema/> (дата обращения: 15.12.2022).

³ Там же.

тивников переименования. Против выступали партийные власти, многие писатели, жители города. За ратовал новый мэр А. Собчак, заявивший, что хочет быть мэром Петербурга, а не Ленинграда. Переименование поддержала православная церковь. Из деятелей искусства «за» выступили Д. Гранин, А. Солженицын, И. Бродский¹. Бродский написал стихи:

*«Хочу, чтоб дали Бога ради,
Как в шапку брошенную медь,
Родившемуся в Ленинграде
В Санкт-Петербурге умереть!»*

В итоге 54% участников опроса высказались за возвращение городу имени Петра, и на этом основании Президиум Верховного Совета РСФСР издал указ о возвращении городу имени Санкт-Петербург².

В 2006 г., спустя 13 лет после переименования в городе был проведён опрос по проблеме городской идентичности. В нём участвовали 2400 жителей. В результате выяснилось, что большая часть опрошенных (36%) всё ещё считала себя ленинградцами, 32,4% – петербуржцами, а 21% – и теми, и другими [2].

Следовало ожидать, что в первую группу входили преимущественно представители старшего возраста, а во вторую – среднего и молодого; показательно, что среди возрастной группы 18–24 лет 71% идентифицировали

себя в качестве петербуржцев. Это значит, что молодые люди, не жившие в Ленинграде, сразу принимают и «новое» имя, и петербургскую идентичность, хотя пока и не очень содержательно насыщенную. Возможно, если бы опрос о переименовании города провели бы в 2006 г., а не в 1991 г., результаты могли бы быть другими...

Понятно, что в содержательном плане у старого нового геоконцепта «Петербург» среди петербуржцев (а это в основном молодые люди) не сформировалось нового культурного бэкграунда и нового петербургского сверхтекста. По данным опроса, носители «новой» петербургской идентичности считали, что новый Петербург должен стать носителем традиций старого; но каких традиций? Что взять из старого? Не выявилось и качественно нового бренда города: нельзя же считать таковым «Бандитский Петербург».

Ленинградский сверхтекст, который убедительно демонстрируют носители ленинградской идентичности, включает в себя такие компоненты, как Октябрьская революция 1917 г., связь города с памятью и именем Ленина, традиции петроградского пролетариата, блокаду Ленинграда [2]. Возможно, это одна из причин устойчивости ленинградской идентичности. Другая причина его устойчивости – созданные советской литературой и кинематографом мощные революционные и блокадные образы Ленинграда.

С другой стороны, хорошо осознаётся тенденция постепенного размытия ленинградской идентичности. При этом очевидно, что геоконцепт «Ленинград» сохраняется в историко-событийных ситуациях (Ленинград – город-герой), в географических на-

¹ Иванова Л. Имя города // Новое время. 2016. № 28.

² Борисенко Д. Питербурх, Петрополь и Чертоград. Почему сменялись названия города и откуда взялись его самые известные прозвища // Arzamas: [сайт]. URL: <https://arzamas.academy/materials/633> (дата обращения: 15.12.2022).

званиях, к примеру, Ленинградская (!) область, в других материальных и нематериальных проявлениях культурного ландшафта города.

Подводя итоги, отметим, что ленинградский ландшафтно-ономастический цикл, в отличие от петроградского, оказался полным: он успел сформировать устойчивую ленинградскую идентичность и хорошо читается в культурном ландшафте города.

Заключение

Итак, переименование географических объектов как широко распространенный современный пространственно-временной феномен представляет собой актуальную междисциплинарную проблему.

В рамках теоретических представлений о концептуализации географического пространства предлагается модель ландшафтно-ономастического цикла, описывающая движение культурной инновации от начала до её завершения. В теоретико-методологическом контексте модель демонстрирует соотношение 2 исследовательских объектов – геоконцепта, будущего топонима, существующего на первых двух фазах продвижения инновации, и топонима, оформляющегося совместно с но-

вой идентичностью во второй половине ландшафтно-ономастического цикла.

Полный ландшафтно-ономастический цикл включает в себя 4 основных составляющих: зарождение, оформление, становление и зрелость. Но цикл может оказаться и незавершённым, если до его окончания возникнет новая культурная инновация.

Ландшафтно-ономастический цикл представляет собой идеальную модель взаимодействия государства и общества по поводу переименования места. Реальные ситуации, как показало рассмотрение ландшафтно-ономастических циклов Санкт-Петербурга, сложнее и запутаннее. Но для понимания механизмов переименования без модели не обойтись.

Проявления прошлых ландшафтно-ономастических циклов устойчиво сохраняются в ландшафте города в его топонимической и образной системах, в материальных проявлениях, архитектуре, городской планировке, городской истории, городских праздниках. Городской культурный ландшафт является важным «свидетелем» и активным «участником» ономастических преобразований.

Статья поступила в редакцию 16.04.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Городницкий А. Ленинградец – это национальность // Курьер. 2002. № 32.
2. Дунаевская Д., Смирнов А. «Петербургцы» и «ленинградцы» в культурном пространстве города // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью Петербурга. 2005. № 2. С. 26–29.
3. Калуцков В. Н. Концептуализация географического пространства: ономастические аспекты // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 57–69.
4. Калуцков В. Н. О концептуализации географического пространства России и Ближнего Зарубежья (по данным о переименованиях географических объектов) // Известия РАН. Серия географическая. 2021. № 6. С. 924–935.
5. Серто М. де. Изобретение повседневности / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб: изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.

6. Rose-Redwood R., Alderman D., Azaryahu M. Geographies of toponymic inscription: new directions in critical place-name studies // *Progress in Human Geography*. 2010. Vol. 34. № 4. P. 453–470.
7. Šakaja L., Stanić S. Other(ing), self(portraying), negotiating: the spatial codification of values in Zagreb's city-text // *Cultural Geographies*. 2011. № 18. P. 495–516.

REFERENCES

1. Gorodnitsky A. [Leningrader is a nationality]. In: *Kur'er* [Courier], 2002, no. 32.
2. Dunaevskaya D., Smirnov A. ["Petersburgers" and "Leningraders" in the cultural space of the city]. In: *Teleskop: nablyudeniya za povsednevnoi zhizn'yu Peterburga* [Telescope: observations of the everyday life of St. Petersburg], 2005, no. 2, pp. 26–29.
3. Kalutskov V. N. [Conceptualization of geographical space: onomastic aspects]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Bulletin of the Moscow University. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication], 2020, no. 1, pp. 57–69.
4. Kalutskov V. N. [On the conceptualization of the geographical space of Russia and the Near Abroad (according to the data on the renaming of geographical objects)]. In: *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Izvestiya RAN. Geographic series], 2021, no. 6, pp. 924–935.
5. Certeau M. de *L'invention du quotidien* (Rus. ed.: Kalugin D., Movnina N. *Izobreteniya povsednevnosti*. St. Petersburg, Izd-vo Yevropeyskogo universiteta v St. Peterburge, 2013. 330 p.)
6. Rose-Redwood R., Alderman D., Azaryahu M. Geographies of toponymic inscription: new directions in critical place-name studies. In: *Progress in Human Geography*, 2010, vol. 34, no. 4, pp. 453–470.
7. Šakaja L., Stanić S. Other (ing), self (portraying), negotiating: the spatial codification of values in Zagreb's city-text. In: *Cultural Geographies*, 2011, no. 18, pp. 495–516.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Калуцков Владимир Николаевич – доктор географических наук, профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова;
e-mail: v.kalutskov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir N. Kalutskov – Dr. Sci. (Geography), Prof., Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: v.kalutskov@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Калуцков В. Н. «Как город назовёшь...»: от смены имени к изменению городского ландшафта (на материале г. Санкт-Петербурга) // Географическая среда и живые системы. 2023. № 2. С. 68–80.

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-68-80

FOR CITATION

Kalutskov V. N. "What will you call a city...": from changing the name to changing the urban landscape (based on the material of St. Petersburg). In: *Geographical Environment and Living Systems*, 2023, no. 2, pp. 68–80.

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-68-80

УДК 911.53, 911.37

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-81-100

ГОРОДСКОЙ ЛАНДШАФТ: ФУНКЦИЯ И ИДЕЯ

Исаченко Т. Е., Исаченко Г. А.

*Санкт-Петербургский государственный университет, Институт наук о Земле
199178, г. Санкт-Петербург, 10 линия, д. 33/35, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Анализ соотношения функциональной и идейной составляющих в формировании и развитии городского ландшафта.

Процедура и методы. Использовались ландшафтно-культурологический (изучение ассоциативности городского ландшафта, его осмысление как арены жизни и деятельности создателей культуры и появления тех или иных культурных феноменов) и ландшафтно-динамический (городские ландшафты рассматриваются в совокупности более устойчивых составляющих – городских местоположений и более изменчивых составляющих – состояний городских ландшафтов) подходы.

Результаты. На примерах различных городов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Норильска, Йошкар-Олы и др.) и других стран (Рима, Парижа, Хельсинки, Скопье и др.) показано, как идея предопределяет структуру городской среды, а смена идей формирует палимпсест городского пространства; как идеи, положенные в основу формирования городов, влияют на функции, выполняемые городом, и наоборот. Рассмотрены основные факторы формирования городских ландшафтов, которые оказывают влияние на соотношение роли функции и идеи в пространстве города. Роль идеи (концепта) особенно значима в формировании ландшафтов столиц государств в переломные моменты истории. Показано, что воплощение таких идей средствами градостроительства, архитектуры, монументальной скульптуры нередко приводит к радикальным изменениям облика крупнейших городов, особенно в их центральных частях. Нередко идеи, носителями которых обычно выступают власти, воздействуют на формирование нестоличных городов, особенно административных центров. Центры городов, которые в наибольшей степени несут отпечаток господствующей идеи или идеологии, могут в течение времени смещаться в пространстве города. В истории любого города взаимоотношение идеи и функции – сложный процесс, в ходе которого соотношение их воздействия на формирование ландшафта города может неоднократно изменяться.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты вносят вклад в изучение закономерностей формирования и развития городских ландшафтов в связи с социально-политическими процессами в соответствующих странах. Применение результатов возможно в сфере ландшафтного планирования городов и градостроительного проектирования.

Ключевые слова: городской ландшафт, идея, культурный ландшафт, ландшафтно-динамический подход, функция

URBAN LANDSCAPE: FUNCTION AND IDEA

T. Isachenko, G. Isachenko

*Saint Petersburg State University, Institute of Earth Sciences
10 liniya 33/35, St. Petersburg 199178, Russian Federation*

Abstract

Aim. We present an analysis of the correlation of functional and ideological components in the formation and development of the urban landscape.

Methodology. Use is made of the landscape-cultural approach (the study of the associativity of the urban landscape, its understanding as the arena of life and activity of the creators of culture and the appearance of certain cultural phenomena) and landscape-dynamic approach (urban landscapes are considered in the aggregate of more stable components and more variable components, i.e., urban sites and the states of urban landscapes, respectively).

Results. Examples of various cities in Russia (Moscow, St. Petersburg, Norilsk, Yoshkar-Ola, etc.) and other countries (Rome, Paris, Helsinki, Skopje, etc.) show (i) how the idea determines the structure of the urban environment, and the change of ideas forms the palimpsest of urban space, and (ii) how the ideas underlying the formation of cities affect the functions performed by the city, and vice versa. The main factors of the formation of urban landscapes, which influence the ratio of the role of function and idea in the space of the city, are considered. The role of the idea (concept) is especially significant in shaping the landscapes of the capitals of states at crucial moments in history. It is shown that the implementation of such ideas by means of urban planning, architecture, monumental sculpture often leads to radical changes in the appearance of the largest cities, especially in their central parts. Quite often, ideas, which are usually carried by the authorities, influence the formation of non-metropolitan cities, especially administrative centers. The centers of cities that bear the imprint of the dominant idea or ideology to the greatest extent may shift in the space of the city over time. In the history of any city, the relationship between an idea and a function is a complex process, during which the ratio of their impact on the formation of the landscape of the city can repeatedly change.

Research implications. The obtained results contribute to the study of patterns of formation and development of urban landscapes in connection with socio-political processes in the respective countries. Application of the results is possible in the field of urban landscape planning.

Keywords: urban landscape, idea, cultural landscape, landscape-dynamic approach, function

Введение

Город – сложнейшее природно-социальное явление. Город занимает конкретную территорию, освоение и развитие которой обусловлено природными особенностями, экономико-географическим положением и социально-политической ситуацией. В то же время в городе воплощаются представления общества о надёжном и комфортном месте обитания.

Разнообразие подходов к изучению городов огромно. Например, город рассматривают как живой организм со своей анатомией и физиологией (обликом, строением, бытом, функционированием), психологией (сообществами горожан и отношениями между ними) и даже душой, под которой подразумевается культура в её различных проявлениях [2]. Как любой организм, город проходит через рождение, формиро-

вание, рост, старение – вплоть до прекращения своего существования. Рост городов может быть экстенсивным (застройка новых территорий, формирование приоритетных направлений застройки) и интенсивным (перестройка уже застроенных территорий).

Большое распространение получил подход к изучению города как особого культурного ландшафта [1; 3; 5; 8; 9; 10; 11, 14; 15; 16]. Среди важнейших свойств этого культурного ландшафта можно выделить:

- целостность – определяется целостностью вмещающего природного комплекса, а также функциями города и заложенной в него идеей;

- дискретность – преобладание резких границ над постепенными переходами);

- ректангулярность – преобладание прямых линий и углов;

- контрастность – в том числе выражаемая в многополярности;

- центричность и полицентричность.

С одной стороны, города – «заложники» функции: любой город строится как место проживания значительной группы людей, обеспечивающее возможность удовлетворения их разнообразных потребностей. С другой стороны, города, при некоей универсальности городской жизни и подходов к городской застройке в разных странах и регионах, становятся отражением идеи и/или идеологии, которую транслирует общество. С третьей стороны, законы роста и развития городов, выполнение ими заданных функций нивелируют первоначальную идею, превращая даже самые «умышленные» города в живые территории, развитие которых идёт подчас в абсо-

лютно ином, не связанном с первоначальной идеей, направлением.

Цель данного исследования – проанализировать соотношение функциональной и идейной составляющих в формировании и развитии городского ландшафта. На примерах различных городов России и других стран показано, как идея предопределяет структуру городской среды, а смена идей формирует палимпсест городского пространства; как идеи, положенные в основу формирования городов, влияют на функции, выполняемые городом, и наоборот.

Существующие подходы к изучению городских ландшафтов можно свести в следующие основные группы, различающиеся по своей методологии и, соответственно, участию представителей тех или иных научных дисциплин:

1. *традиционный физико-географический подход* (природно-ландшафтный): изучаются природные компоненты ландшафта в городах (в той степени, в которой они трансформированы человеком); все остальные элементы городской среды по умолчанию рассматриваются как находящиеся «вне ландшафта»;

2. *ландшафтно-архитектурный подход*: город анализируется как архитектурно-планировочное произведение, в котором ландшафт создаётся, прежде всего, средствами архитектуры; архитектура либо подчёркивает компоненты и элементы природного ландшафта, либо «отрицает» их;

3. *ландшафтно-морфологический* («ландшафтно-геометрический») подход: городской ландшафт рассматривается с точки зрения форм, создаваемых архитектурными сооружениями,

выступающими в качестве аналогов форм рельефа («рельефоидов»);

4. *ландшафтно-культурологический подход*: акцент делается на ассоциативности городского ландшафта, его осмыслении как арены жизни и деятельности создателей культуры и появления тех или иных культурных феноменов;

5. *ландшафтно-герменевтический подход*: изучение города как анализ текста (собрания текстов) и совокупности смыслов;

6. *ландшафтно-динамический подход*: городские ландшафты рассматриваются в совокупности более устойчивых составляющих (городских местоположений) и более изменчивых составляющих (состояний городских ландшафтов).

В городах (особенно крупных) выделяются:

1. *местоположения первого уровня*, образуемые природными формами рельефа и естественно залегающими и/или насыпными грунтами (без застройки);

2. *местоположения второго уровня*, с наложением на естественную (или насыпанную, намытую) поверхность каменной, преимущественно многоэтажной застройкой, высоты которой сопоставимы с высотами естественных форм рельефа либо превышают их [6]. В качестве смены состояний городских ландшафтов рассматриваются изменения характера использования капитальных построек при сохранении планировочной структуры («городской матрицы») и внешнего вида большинства зданий.

В нашем исследовании использовались преимущественно ландшафтно-культурологический и ландшафтно-динамический подходы.

Анализ соотношения функциональной и идейной составляющих в формировании и развитии городского ландшафта

Рассмотрим основные факторы формирования городских ландшафтов, которые оказывают влияние на соотношение роли функции и идеи в пространстве города (рис. 1).

Детерминирующее влияние территориальных условий и ресурсов для реализации функции города обусловлено:

1. структурой («каркасом») ландшафтных местоположений первого уровня их трансформацией и влиянием на формирование местоположений второго уровня;

2. экономико-географическим положением города – его местом в системе транспортных (торговых) путей, расположением по отношению к источникам ресурсов для производства и т. п. При формировании идейной составляющей города роль территориальных условий и ресурсов менее значима.

Планомерное развитие городов. Представления об идеальной планировке города возникли ещё в античности; поиски в этом направлении ведутся на протяжении всего периода существования городов. В России «образцовую застройку» городов начали разрабатывать и реализовать во второй половине XVIII в. Роль планирования особенно усилилась в индустриальную эпоху. В городах с превалированием какой-либо одной функции (особенно промышленной) эта функция в той или иной степени подчиняет себе планировочную матрицу; в планировании рационализм преобладает над эстетическими соображениями. При доминировании идеи в формировании

Рис. 1/ Fig. 1. Соотношение идеи и функции в формировании городского ландшафта/
Correlation between idea and function in shaping the urban landscape

Источник: составлено авторами

городских ландшафтов роль планирования также велика, но рационализм в этом случае подчиняется идейно-эстетическим соображениям.

Стихийное развитие городов обусловлено частной и корпоративной собственностью на землю, возможностью нерегламентированного строительства, эстетическими вкусами заказчиков и застройщиков. Стихийное развитие в основном определяло эволюцию городов в периоды до появления генеральных планов, когда город разрастался «вширь» и/или заполнялись пустоты в застройке, в соответствии со складывающейся матрицей – основными планировочными осями. Последние также формировались в основном стихийно, как правило, вдоль ведущих из города транспортных путей.

При доминировании функционального начала в формировании городских ландшафтов их развитие определяется также следующими факторами:

– *появление новых или смена прежних социально-экономических функций* (строительство крупных промышленных предприятий, коммуникаций, добыча и переработка минерального сырья и т. п.) задаёт импульс развитию всего города или его значительной части, подчиняет себе планировочную матрицу города. Такую трансформацию претерпел, например, уездный г. Череповец после сооружения здесь крупнейшего предприятия чёрной металлургии «Северсталь» и химических производств в послевоенные годы. Немалое число городов возникло в СССР, начиная с периода первых

пятилеток, «на пустом месте» как необходимое дополнение к функции – Магнитогорск, Комсомольск-на-Амуре и др.

– *природные катастрофы*: землетрясения, извержения вулканов, цунами, наводнения; сюда же условно можно отнести пожары, после которых города часто отстраивались заново. Изменение городских ландшафтов в ходе восстановления частично сохраняет старую планировку и создаёт новую. Наиболее известные примеры радикального изменения городов после катастрофических землетрясений: Ашхабад (1948 г.), Скопье (Югославия) (1963 г.), Ташкент (1966 г.);

– *войны, сопровождавшиеся разрушением городов*: по последствиям для городских ландшафтов во многом аналогичны природным катастрофам (бомбардировки Ковентри в Великобритании в 1940–1942 гг., атомные бомбардировки городов Хиросима и Нагасаки в Японии в 1945 г., разрушение Мариуполя в 2022 г.).

Появление идеи (концепта), которую должен воплощать город, играет особую роль в формировании городских ландшафтов. Как правило, идея формулируется властями при насаждении или смене господствующей идеологии (социального строя), государственной принадлежности, этноконфессионального состава населения; часто эти изменения происходят совместно.

Идея новой столицы Российской империи Санкт-Петербурга, заложенного в 1703 г. в малоподходящих для этого природных условиях – город-парадиз, ничуть не уступающий по представительности крупнейшим европейским столицам. Идея «новой Москвы» сталинского периода – город победив-

шего социализма, город-мечта, город притяжения для «всего прогрессивного человечества».

Константинополь, в течение столетий бывший столицей Византийской империи, в 1453 г. был взят войсками Мехмеда II, который сделал его Стамбулом – столицей Османской империи и превратил в мусульманский город, сильно изменивший свой облик при сохранении значительной части прежней планировки.

Идеи воплощаются преимущественно в столицах государств или крупных административных образований, особенно в новых столицах (Санкт-Петербург, Бразилиа, Скопье, Магас и др.). Идея реализуется через планировку, архитектуру общественных зданий, монументальную скульптуру, систему городских топонимов. Во многих случаях такие идеи-концепты основываются на представлениях об «идеальном городе», восходящих к античности или учениям утопистов. В городе при реализации идеи изменяется «каркас» местоположений преимущественно второго уровня.

Идея-концепт, как правило, воплощается не во всём городе (особенно если город достаточно крупный и имеет многовековую историю), а больше всего воздействует на его центральную часть.

В 1812 г. г. Гельсингфорс (совр. Хельсинки) с населением около 4 тыс. чел. по воле Александра I стал столицей Великого княжества Финляндского, за 3 года до этого присоединенного к Российской империи; выполнявший столичную функцию Або (совр. Турку) находился ближе к Швеции и имел слишком шведский облик. С этого времени началось

превращение маленького городка в идеальную столицу. Комитет по реконструкции города возглавил военный инженер Ю. А. Эренстрём, а на должность архитектора столицы назначен К. Л. Энгель, зарекомендовавший себя в Ревеле (совр. Таллин). Архитектурный ансамбль центра города, Сенатской площади, символизировал представления Александра I о

просвещённой монархии: справа – государственная власть (Сенат), слева – Просвещение (университет), в нижней части площади – торговые ряды (народ), а над всем – Бог (Кафедральный собор) (фото 1). В 1894 г. этот архитектурный ансамбль был уместно дополнен монументальным памятником Александру II, установленным в центре площади.

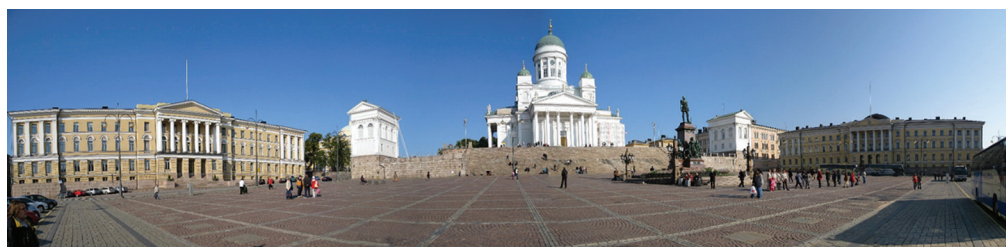

Фото 1 / Photo 1. Сенатская площадь в Хельсинки – визитная карточка образцовой монархии / Senate Square in Helsinki as a visiting card of an exemplary monarchy

Источник: Википедия: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Сенатская_площадь_%28Хельсинки%29 (дата обращения: 04.04.2023).

Трансформация идеи-концепта города во времени может происходить без смены локализации в пространстве, что чаще всего связано со значительными разрушениями городской среды. Один из ярчайших примеров – преобразование Рима, затеянное Б. Муссолини. Он стал первым диктатором XX в., решившим создать столицу новой империи, с новыми проспектами, монументальными зданиями и кварталами современного жилья. Масштабы его амбиций были беспрецедентны – ведь перестройке подвергся сам Вечный город. В 1920-е гг. были снесены целые кварталы средневековой застройки, возведённые на фундаментах заброшенных античных построек. Расчищенные остатки античных памятников (в т. ч. руины императорских форумов Цезаря, Августа,

Траяна и Нервы) должны были стать органичной частью современного города – «археологического мегаполиса», где архитектура напоминала бы о великом прошлом страны и вдохновляла бы на не менее славные деяния. Именно так возникла центральная ось нового Рима – улица Империи (ныне виа деи ФорИ Империади, «улица Императорских форумов»), соединившая рабочую резиденцию дуче (палаццо Венеция) с Колизеем. В 1932 г., год своего открытия, улица была символом преемственности Древнего Рима и новой Италии.

Почти одновременно с Муссолини воплощал свои градостроительные идеи другой диктатор – И. Сталин. Переход от идеологии «православие – самодержавие – народность» к коммунистическим идеалам привёл к

массовому уничтожению после 1917 г. (особенно в 1930-х гг.) православных храмов в российских городах, многие из которых были выдающимися архитектурными доминантами, замыкавшими на себя планировочные оси. Наибольшим преобразованиям подверглась, естественно, столица СССР, что нашло отражение в понятии «сталинская Москва». В столице «первого в мире государства рабочих и крестьян» было важно придать иное содержание сакральным местам. На месте храма Христа Спасителя – одного из символов имперской идеологии – сначала планировали построить Дом Советов, который с увенчивающей его статуей В. Ленина должен был иметь высоту 415 м (фото 2). Однако реализация столь фантастического по тем временам проекта не состоялась, и на

освободившемся месте был сооружён открытый бассейн «Москва».

Гораздо более удачным стала трансформация другого сакрального локуса Москвы – Воробьёвых гор, где в 1949–1956 гг. было сооружено здание Московского университета, ставшее одной из семи «сталинских высоток» – важнейших символов социалистического парадиза.

Коренная перестройка другой мировой столицы – Парижа, проведённая во второй половине XIX в. под руководством барона Ж. Э. Османа, не имела явно выраженной идеологической основы, но была продиктована функциональными нуждами: улучшением инфраструктуры и обеспечением обороны. Получив неограниченные полномочия от Наполеона III, Осман, назначенный в 1853 г. префектом

А. Храм Христа Спасителя,
арх. К. А. Тон. Построен в 1839–1883 гг.
Разрушен в 1931 г. Воссоздан в 1990-х гг.

Б. Проект Дворца Советов,
арх. Б. Иофан, В. Г. Гельфрейх, В. А. Щуко

Фото 2 / Photo 2. Трансформация сакральных мест Москвы / Transformation of sacred places in Moscow

Источник: А – Соборы.ру: [сайт]. URL: <https://sobory.ru/photo/228846> (дата обращения: 06.05.2023);

Б – Википедия: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дворец_Советов (дата обращения: 06.05.2023)

департамента Сена, практически пере-кроил уличную сеть Парижа, разрушив большую часть старого (по сути дела, средневекового) города для создания осей, пронизывающих столицу и открывающих перспективы на многие архитектурные доминанты. Классический облик центра Парижа сложился именно благодаря деятельности Османа, а градостроительные работы под его руководством вошли в историю под именем османизации.

Во многих случаях трансформация основной идеи города во времени сопровождается сменой её локализации в пространстве, что означает, по сути, перемещение городского центра либо появление проектов такого перемещения. Лучшей иллюстрацией этому служит Санкт-Петербург – город, четырежды менявший своё имя. «Меняющий имя – меняет судьбу» –

гласит восточная мудрость. Вслед за сменой имени изменялся подход к созданию идеального города – парадиза, а также его локализация (рис. 2).

Концепция парадиза (рая на земле) для новой столицы Российского государства появляется в петровское время сразу после основания города. Однако её воплощение займёт весь XVIII в., и лишь архитектору К. И. Росси удастся её реализовать, превратив центр города в череду взаимосвязанных ансамблей (фото 3 А).

В начале XX в. возникла потребность «стряхнуть пыль времени» и обновить идею парадиза. Классический центр города не перестраивается, но на о. Голодай (ныне о. Декабристов) проектируется «Новый Петербург» (фото 3 Б). Проект начинает реализовываться в 1912–1917 гг., однако последующие события помешали его полному воплощению.

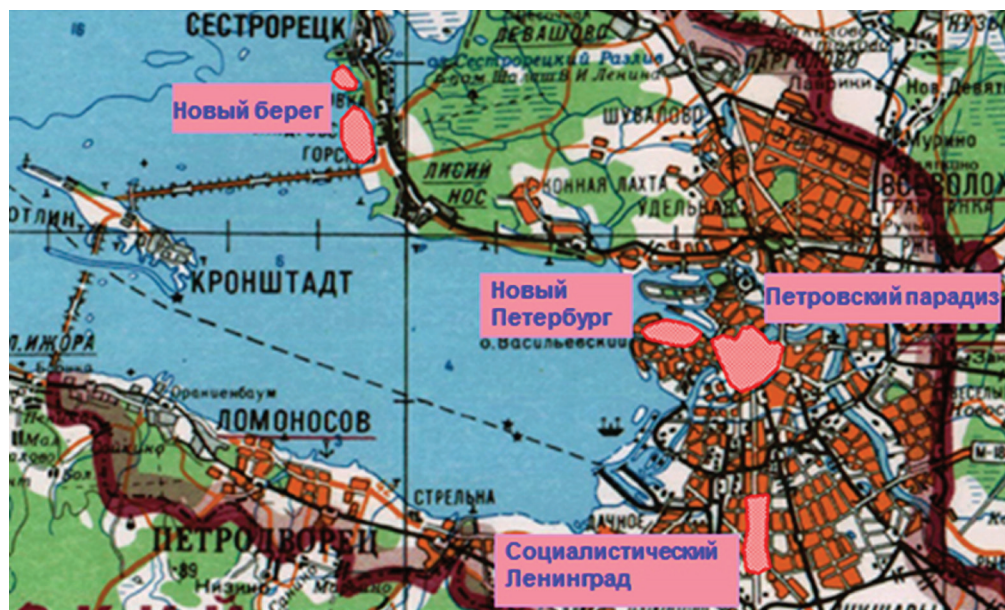

Рис. 2 / Fig. 2. Локализация идеи «парадиза» в пространстве Санкт-Петербурга / Localization of the idea of “paradise” in the space of St. Petersburg

Источник: составлено авторами

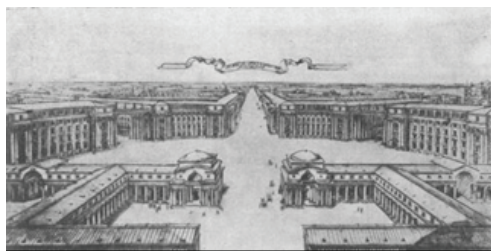
Смена господствующей идеологии и очередная смена имени города потребовали создания социалистического Ленинграда, к тому времени потерявшего столичные функции. Новый центр города предполагалось создать на его южной окраине, у Средней Рогатки, почти среди чистых полей (фото 3 В).

К 1939 г. там успели возвести монументальный Дом Советов (ныне используется как офисное здание на Московской пл.); дальнейшему осуществлению проекта помешала война.

Идея парадиза была доведена почти до полного абсурда в постсоветском Санкт-Петербурге – в проекте «Новый

А. Ансамблевая застройка XVIII–XIX вв. в центре Санкт-Петербурга

Б. «Новый Петербург», рис. И. А. Фомина, 1912 г. (частично реализованный проект)

В. «Новый центр социалистического Ленинграда» у Средней Рогатки (Московская площадь), арх. Н. А. Троцкий (частично реализованный проект)

Г. «Новый берег» – визуализация проекта застройки намывных территорий в Невской губе Финского залива, 2018 г. (проект не реализован)

Фото 3 / Photo 3. Трансформация идеи идеального города: Санкт-Петербург – Петроград – Ленинград – Санкт-Петербург / Transformation of the idea of an ideal city: St. Petersburg – Petrograd – Leningrad – St. Petersburg

Источник: А – Подземный Эксперт: [сайт]. URL: <https://undergroundexpert.info/issledovaniya-i-tehnologii/nauchnye-stati/upravleniya-razvitiem-infrastruktury/> (дата обращения: 06.05.2023); Б – Википедия: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Новый_Петербург (дата обращения: 06.05.2023); В – Wikimedia Commons: [сайт]. URL: <https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=30811599> (дата обращения: 06.05.2023); Г – Novostroy: [сайт]. URL: <https://clck.ru/358xQY> (дата обращения: 06.05.2023)

берег», который предполагалось разместить на территориях будущих намывов в Финском заливе, южнее г. Сестрорецк (фото 3 Г). Однако реализация этого проекта (включая намыв территорий) после 2022 г. крайне маловероятна.

Идея города помимо её материального воплощения реализуется и через нематериальную составляющую городских ландшафтов – топонимику. Её изменения вполне сопоставимы с перестройкой зданий и кварталов. Например, прогулка по центру Ленинграда в 1940 г. описывалась так: встречаемся на пересечении улицы 3-го Июля и проспекта 25-го Октября, пройдем к площади Урицкого, повернем к площади имени Воровского и подумаем, как двинуться дальше: по улице Дзержинского или проспекту Майорова. Тот же самый маршрут в 1998 г. (или в 1913 г.): встречаемся на пересечении Садовой улицы и Невского проспекта, пройдем к Дворцовой

площади, повернем к Исаакиевской площади и подумаем, как двинуться дальше: по Гороховой улице или Вознесенскому проспекту.

Наиболее ярко трансформация идеи и, соответственно, планировки города проявляется при одновременной смене идеологии и статуса города. Это произошло, в частности, в г. Скопье – столице независимой бывшей югославской Республики Македония (с 2019 г. – Республика Северная Македония).

Скопье основан как римская колония в I в. н.э., входил в состав Византийской империи, недолгое время был столицей Болгарского царства и неоднократно присоединялся к Сербии. В течение 520 лет (1392–1912) был провинциальным центром Османской империи и приобрел типичный «турецкий» облик. Этот ландшафт в основных чертах сохранялся, когда город был в составе Сербии и Королевства Югославии (фото 4).

Фото 4/ Photo 4. Скопье. Вид во втором десятилетии XX в. Почтовая открытка/ Skopje. View in the second decade of the XX century. Post card

Источник: Государственный архив Республики Северная Македония

С 1946 г. Скопье становится столицей Республики Македония в составе провозгласившей строительство социализма Югославии. Трансформация города в «социалистический» была стимулирована катастрофическим землетрясением 1963 г. После землетрясения, разрушившего большую часть застройки старого Скопье, возведён практически новый город по проекту японского архитектора Кэндзо Тангэ.

С 1991 г. Скопье – столица независимого государства, название которого во многом породило идею программы «Скопье – 2014», принятой правительством в 2010 г. Программой предусматривалось строительство памятников историческим личностям, фонтанов, скульптур, музеев и административных зданий в центре столицы. Официальная цель проекта –

повышение туристической привлекательности города, однако в нём явно просматривается идея представить современную Македонию как наследие империи Александра Македонского и Болгарского царства.

По проекту предполагалось построить 20 зданий и более 40 памятников, большую часть из них – вблизи набережной р. Вардар, которая разделяет город на «православную» и «мусульманскую» части; в последней проживают в основном албанцы. Среди наиболее заметных сооружений, построенных после 2010 г., – 25-метровый памятник «Воин на коне» (по умолчанию – Александр Македонский), окружённый мраморным фонтаном со статуями львов, на площади Македония (фото 5), 28-метровый памятник Филиппу II Македонскому на

Фото 5 / Photo 5. Скопье, памятник «Воин на коне» (Александр Македонский) / Skopje, monument “Warrior on a horseback” (Alexander the Great).

Источник: фото Т. Е. Исаченко, 2013 г.

площади Воина, триумфальная арка «Македония», новые пешеходные мосты Цивилизаций и Искусств через р. Вардар с многочисленными статуями святых на первом и деятелей культуры на втором (фото 6), здания Национального театра, Национальной оперы и балета, нескольких музеев, 3 здания-ресторана в виде кораблей на р. Вардар. Воздвигнуты памятники Самуилу – царю Болгарии в 980–1014 гг., императору Византии Юстиниану I, святым Кириллу и Мефодию, святым Клименту и Науму и множество других памятников и статуй у мостов, площадей, в парках и на зданиях.

Облик центра современного Скопье – «п-ного Рима», изобилующего тяжеловесными псевдоклассическими зданиями и мегаломанскими статуями, не мог не подвергнуться критике. Негативные оценки вызвали несо-

ответствие истории (попытки материализовать исторические претензии на Александра Македонского, который не имел никакого отношения к территории сегодняшней Северной Македонии и её албано-славянскому населению), непомерные для экономики страны финансовые затраты (по разным оценкам, от 200 до 500 млн евро) и, конечно, эстетическая сторона проекта. Деятели культуры Северной Македонии при обсуждении реализации проекта «Скопье – 2014» высказывают, в частности, такие оценки, как «энциклопедия китча» и «политическая шизофрения». Очень неравнодушно новый имидж столицы Северной Македонии восприняли в Греции и Болгарии.

Как было показано выше, роль идей-концептов наиболее сильно влияет на городские ландшафты столиц, а носителем идеи чаще всего выступают

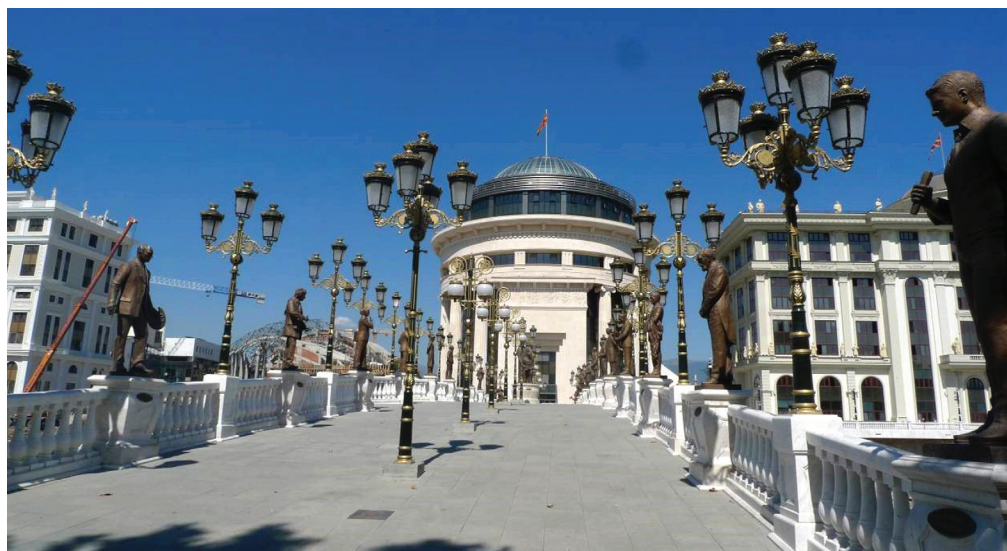

Фото 6 / Photo 6. Скопье. Мост Искусств через р. Вардар и здание прокуратуры Македонии / Skopje. Bridge of Arts across the river Vardar and the building of the Prosecutor's Office of Macedonia.

Источник: фото Т. Е. Исаченко, 2013 г.

власти, в т. ч. первые лица государств. Но градостроительные идеи могут осеять и власти более низкого иерархического уровня, а реализация их идей отражается на облике управляемых ими городов не менее ощутимо, чем в столицах. Примером служат столицы национальных республик Европейской России – Казань, Йошкар-Ола, Саранск и Элиста, центральные части которых сильно изменились в 1990–2010-х гг. при ведущей роли президентов республик Татарстан (М. Шаймиева), Марий-Эл (Л. Маркелова), Мордовии (Н. Меркушкина), Калмыкии (К. Илюмжинова).

В современных городских ландшафтах центров названных республиканских столиц проявляются не только акцентирование национальных традиций и конфессионального состава жителей республик (особо выраженное в Казани и Элисте), но и источники

архитектурных заимствований и подражаний, финансовые возможности, а также эстетические представления и вкусы названных первых лиц, обусловленные их происхождением, образованием, характером деятельности и т. п.

Так, центр Саранска конца XX – начала XXI в. формировался с явной «оглядкой» на Москву, что в наибольшей степени демонстрирует главный корпус Мордовского университета имени Н. П. Огарёва (фото 7).

Наибольший вклад первого лица республики в облик её столицы проявился в Йошкар-Оле, идею застройки центра которой можно условно обозначить как «встреча миров». Берега р. Малая Кокшага и прилегающие к ним кварталы – богатая коллекция архитектурных цитат: из собора Василия Блаженного в Москве и храма Спаса на Крови в Санкт-Петербурге, Спасской башни Московского Кремля и башни

Фото 7 / Photo 7. Саранск. Главный корпус Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева / Saransk. The main building of the N. Ogaryov Mordovian State University

Источник: фото Г. А. Исаченко, 2023 г.

Фото 8 / Photo 8. Йошкар-Ола. Набережная Брюгге (р. Малая Кокшага) / Yoshkar-Ola. Embankment of Bruges (Malaya Kokshaga River)

Источник: фото Г. А. Исаченко, 2023 г.

Сююмбике в Казанском кремле, жилой застройки фламандского города (набережная Брюгге (фото 8)) и собравшего все стили замка Шереметевых в пос. Юрино на Волге (Марий-Эл). Этот архитектурный коктейль сопровождается изобилием скульптуры, персонажи которой – от Рембрандта до Н. В. Гоголя и от императрицы Елизаветы до актрисы Грейс Келли и князя Монако Ренье III. Особо акцентирован памятник Лоренцо Медичи «Великолепному», инициалы которого, как давно было подмечено, совпадают с инициалами бывшего президента Марий-Эл.

Пример взаимовлияния функции и идеи – Норильск, самый северный город мира с населением более 150 тыс. чел., никогда не бывший крупным административным центром. Город возник как воплощение функции в чистом виде: в 1935 г. силами заключённых Норильлага началось строительство

Норильского горно-металлургического комбината им. А. П. Завенягина, с целью разработки месторождений никеля и меди. Посёлок Норильск, проектирование которого началось в 1940-х гг., в 1953 г. получил статус города. Вплоть до 1956 г. Норильск был городом-заводом и городом-лагерем, значительную часть жителей и «трудо-вой силы» которого составляли заключённые.

В связи с изменениями в стране после XX съезда КПСС в развитие Норильска встраивается идея «города-мечты за Полярным кругом» [12]. В 1956 г. проведён комсомольский набор строителей города. Началась реализация генерального плана застройки Норильска, разработанного в основном ленинградскими архитекторами. Для них именно Петербург-Ленинград был образцом пространственной организации города, его связи с природным ландшафтом, лишённым значительных

перепадов высот. Оптимальным решением стала лучевая планировка города и ориентация планировочной структуры на водные объекты (фото 9).

Крупнейшие магистрали и площади Норильска – явная реминисценция таких районов «сталинской застройки» Ленинграда, как Московский проспект и проспект Стачек (фото 10).

Норильск, вопреки экстремальным природным условиям (средняя температура воздуха в январе -27°C , абсолютный минимум -52°C), позиционировался как город-курорт и даже как город-сад. В 1970–1980-е гг. в окрестностях города были построены многочисленные рекреационные комплексы предприятий и организаций; озеро в центре города использовалось как

пляжный водоём. В Норильске 1970-х гг. бытовал лозунг: «В коммунизм через туризм» [7].

Воздействие идеи «города-мечты», базировавшейся не столько на «северных» зарплатах и надбавках, сколько на энтузиазме первых строителей и жителей города, приехавших в Норильск добровольно, ощущалось вплоть до конца существования СССР. В постсоветский период развитие и жизнь города постепенно свелось к функции обслуживания нескольких металлургических комбинатов, владельцы которых не слишком озабочены судьбой города. С 1990-х гг. Норильск вместе с Москвой и Санкт-Петербургом возглавлял список самых неблагоприятных городов по выбросам загрязня-

Фото 9 / Photo 9. Генеральный план Норильска, 1940–1943 гг. Перспективный рисунок В. С. Непокойчицкого / General plan of Norilsk, 1940–1943. Perspective drawing by V. S. Nepokoichitsky

Источник: [13]

Фото 10 / Photo 10. Норильск. Гвардейская площадь и Ленинский проспект / Norilsk. Gvardeyskaya Square and Leninsky Prospekt.

Источник: Сноб: [сайт]. URL: <https://clck.ru/358xVr> (дата обращения: 06.04.2023).

ющих веществ в атмосферу. С 2006 г. численность населения города устойчиво снижается. Состояние жилого фонда и инфраструктуры оставляет желать лучшего; на домах в центре города заметны трещины. Работает программа переселения граждан, проживающих в городском округе Норильска в районы с благоприятными природно-климатическими условиями на территории Российской Федерации.

Нельзя не отметить, что и некоторым малым городам в качестве стимула для развития и привлечения туристов порой придаётся некий идейный посыл, в современной интерпретации – формируется бренд города [4]; при этом отнюдь не всегда инициатива принадлежит местной власти. Наиболее известные примеры: Великий Устюг

(Вологодская обл.) – «Столица Деда Мороза», его аналог Рованиemi в Финляндии, Козьмодемьянск (Марий-Эл) – «Нью-Васюки», Камышин (Волгоградская обл.) – «Арбузная столица» и др. Как правило, в этом случае идея не столько влияет на планировку и застройку города, сколько на переосмысление и изменение использования существующих построек, а также появление декоративной скульптуры. С позиции ландшафтно-динамического подхода при реализации брендов изменяются не местоположения, а состояния городских ландшафтов.

Заключение

В ландшафтах любого крупного города можно обнаружить сочетание функции, стихийного развития и идеи.

Идеи воплощаются преимущественно в столицах государств или крупных административных образований, особенно в новых столицах. Носителем идеи чаще всего выступают власти, в том числе первые лица государств. Идея реализуется через планировку, архитектуру общественных зданий, монументальную скульптуру, систему городских топонимов.

На примере Москвы, Санкт-Петербурга, Хельсинки, Рима, Скопье показано, что воплощение идей средствами градостроительства, архитектуры, монументальной скульптуры приводит к радикальным изменениям облика столичных городов, особенно в их центральных частях. В то же время воплощение любой градостроительной идеи не может не учитывать требований функционирования города как особого культурного ландшафта. Примером доминирования функциональных запросов над идейными соображениями служит радикальная реконструкция Парижа во второй половине XIX в.

Нередко идеи, носителями которых обычно выступают власти, воздействуют на формирование городов более низкого иерархического уровня, нежели столицы государств. В этом отношении показательны столицы национальных республик Европейской России – Казань, Йошкар-Ола, Саранск, Элиста.

На примере Санкт-Петербурга рассмотрено, как центры городов, которые в наибольшей степени носят отпечаток господствующей идеи или идеологии, могут с течением времени смещаться в пространстве города.

В истории любого города соотношение воздействия идеи и функциональных нужд на формирование городского ландшафта может неоднократно изменяться. Взаимовлияние функции и идеи рассмотрено в Норильске – самом северном городе мира с населением более 150 тыс. чел., никогда не бывшим крупным административным центром.

Статья поступила в редакцию 10.03.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Алисов Д. А. Культурный ландшафт города: концепция, структура, индикаторы // Культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практики): материалы симпозиума / под ред. Д. А. Алисова, О. В. Петренко. Омск: Сибирский филиал Института Наследия, 2020. С. 7–17.
2. Анциферов Н. П. Город как объект экскурсионного изучения // Краеведение. 1926. № 2. С. 167–181.
3. Веденин Ю. А. Культурно-ландшафтное пространство Москвы: проблемы охраны и развития // Наследие и современность. 2018. № 4. С. 44–58.
4. Визгалов Д. В. Брендинг города. М.: Фонд «Институт экономики города», 2011. 160 с.
5. Ерышева Е. А. Динамика культурного ландшафта исторического города // Вестник инженерной школы ДВФУ. 2022. № 3. С. 103–116.
6. Исаченко Г. А. Опыт интерпретации изменений культурного ландшафта с позиций динамического ландшафтоведения // Известия РАН. Серия географическая. 2017. № 1. С. 20–34.
7. Исаченко Т. Е., Севастьянов Д. В., Гук Е. Н. Становление и развитие рекреационного природопользования в Норильском регионе // География и природные ресурсы. 2015. № 2. С. 140–148.

8. Калуцков В. Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый Хронограф, 2008. 320 с.
9. Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. М.: Институт наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.
10. Культурные ландшафты постсоветского города: особенности формирования и трансформации: сборник научных трудов / под ред. Д. А. Алисова, И. А. Селезневой. М.–Омск: Институт Наследия, 2021. 170 с.
11. Культурные ландшафты советского города: сибирские города позднего социализма / Д. А. Алисов, О. В. Гефнер, Т. Н. Золотова, Н. Ф. Хилько. М.: Институт Наследия, 2019. 98 с.
12. Севастьянов Д. В., Исаченко Т. Е., Гук Е. Н. Норильский регион: от природной специфики к практике освоения // Вестник СПбГУ. Серия 7. 2014. Вып. 3. С. 83–95.
13. Слабуха А. В. Норильск был задуман как система ансамблей // Архитектурный вестник. 2007. № 6. С. 86–91.
14. Cities and Cultural Landscapes: Recognition, Celebration, Preservation and Experience / ed. by G. Bailey, F. Defilippis, A. Korjenic, A. Čaušević. Cambridge Scholars Publishing, 2020. 380 p.
15. Mitchell D. Cultural landscapes: The dialectical landscape: Recent landscape research in human geography // Progress in human geography. 2002. Vol. 26. P. 381–389.
16. Taylor K. Cities as Cultural landscapes // Reconnecting the City: The Historic Urban Landscape Approach and the Future of Urban Heritage / ed. by F. Bandarin, R. Van Oers). Chichester: Wiley-Blackwell, 2015. P. 179–202.

REFERENCES

1. Alisov D. A. [Cultural landscape of the city: concept, structure, indicators]. In: Alisov D. A., Petrenko O. V. *Kulturnye landshafty gorodov Sibiri (aksiologiya, istoriya, praktika)* [Cultural landscapes of Siberian cities (axiology, history, practices)]. Omsk, Sibirskiy filial Instituta Naslediya Publ., 2020, pp. 7–17.
2. Antsiferov N. P. [City as an object of excursion study]. In: *Kraevedenie* [Regional Studies], 1926, no. 2, pp. 167–181.
3. Vedenin Yu. A. [Cultural and landscape space of Moscow: problems of protection and development]. In: *Nasledie i sovremennost'* [Heritage and modernity], 2018, no. 4, pp. 44–58.
4. Vizgalov D. V. *Brending goroda* [City branding]. Moscow, Fond "Institut ekonomiki goroda" Publ., 2011. 160 p.
5. Erysheva E. A. [Dynamics of the cultural landscape of a historical city]. In: *Vestnik inzhenernoi shkoly DVFU* [Bulletin of the FEFU Engineering School], 2022, no. 3, pp. 103–116.
6. Isachenko G. A. [Interpretation of changes in the cultural landscape from the standpoint of dynamic landscape science]. In: *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Izvestiya RAN. Geographic series], 2017, no. 1, pp. 20–34.
7. Isachenko T. E., Sevastyanov D. V., Guk E. N. [Formation and development of recreational environmental management in the Norilsk region]. In: *Geografiya i prirodnye resursy* [Geography and natural resources], 2015, no. 2, pp. 140–148.
8. Kalutskov V. N. *Landshaft v kulturnoi geografii* [Landscape in cultural geography]. Moscow, Novyy Khronograf Publ., 2008. 320 p.
9. Vedenina Yu. A., Kuleshova M. E., eds. *Kulturnyi landshaft kak ob'ekt naslediya* [Cultural landscape as an object of heritage]. Moscow, Institut naslediya Publ, St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2004. 620 p.
10. Alisova D. A., Selezneva I. A., eds. *Kulturnye landshafty postsovetskogo goroda: osobennosti formirovaniya i transformatsii* [Cultural landscapes of the post-Soviet city: features of formation and transformation]. Moscow – Omsk, Institut Naslediya Publ., 2021. 170 p.

11. Alisov D. A., Gefner O. V., Zolotova T. N., Khilko N. F. *Kulturnye landshafty sovetskogo goroda: sibirskie goroda pozdnego sotsializma* [Cultural landscapes of the Soviet city: Siberian cities of late socialism]. Moscow, Institut Naslediya Publ., 2019. 98 p.
12. Sevastyanov D. V., Isachenko T. E., Guk E. N. [Norilsk region: from natural specifics to development practice]. In: *Vestnik SPbGU. Seriya 7* [Bulletin of St. Petersburg State University. Series 7], 2014, iss. 3, pp. 83–95.
13. Slabukha A. V. [Norilsk was conceived as a system of ensembles]. In: *Arkhitekturnyi vestnik* [Architectural Bulletin], 2007, no. 6, pp. 86–91.
14. Bailey G., Defilippis F., Korjenic A., Čaušević A., eds. *Cities and Cultural Landscapes: Recognition, Celebration, Preservation and Experience*. Cambridge Scholars Publishing, 2020. 380 p.
15. Mitchell D. Cultural landscapes: The dialectical landscape: Recent landscape research in human geography. In: *Progress in human geography*, 2002, vol. 26, pp. 381–389.
16. Taylor K. Cities as Cultural landscapes. In: Bandarin F., Oers R. Van, eds. *Reconnecting the City: The Historic Urban Landscape Approach and the Future of Urban Heritage*. Chichester, Wiley-Blackwell, 2015, pp. 179–202.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Исаченко Татьяна Евгеньевна – кандидат географических наук, доцент кафедры страноведения и международного туризма Института наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет;
e-mail: tatiana.isachenko@gmail.com

Исаченко Григорий Анатольевич – кандидат географических наук, доцент кафедры физической географии и ландшафтного планирования Института наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет;
e-mail: greg.isachenko@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatiana E. Isachenko – Cand. Sci. (Geography), Assoc. Prof., Department of Regional Studies and International Tourism, Institute of Earth Sciences, Saint Petersburg State University;
e-mail: tatiana.isachenko@gmail.com

Grigory A. Isachenko – Cand. Sci. (Geography), Assoc. Prof., Department of Physical Geography and Landscape Planning, Institute of Earth Sciences, Saint Petersburg State University;
e-mail: greg.isachenko@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Исаченко Т. Е. Исаченко Г. А. Городской ландшафт: функция и идея // Географическая среда и живые системы. 2023. № 2. С. 81–100.
DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-81-100

FOR CITATION

Isachenko T. E., Isachenko G. A. Urban landscape: function and idea. In: *Geographical Environment and Living Systems*, 2023, no. 2, pp. 81–100.
DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-81-100

УДК 911.3

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-101-112

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ВОООБРАЖАЕМОЙ СТОЛИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЛИХОСЛАВЛЯ И ОЛОНЦА)

Окунев И. Ю., Остапенко Г. И.

*Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел Российской Федерации
119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить особенности проявления этнического фактора воображаемой столичности в культурном ландшафте на примере Лихославля и Олонца.

Процедура и методы. Проведены полевая политико-географическая экспедиция, глубокие полуструктурированные и неструктурированные интервью, нарративный анализ. В фокусе исследования были всесторонне рассмотрены нарративы о воображаемой символической столице в разрезе реализации упорядочивания индивидуального опыта в соответствии с исторической цепью событий или её восприятием.

Результаты. В ходе полевых исследований в г. Лихославль и в прилегающих сёлах (Чашково, Толмачи), а также в г. Олонец были проведены 20 глубоких интервью для осуществления нарративного анализа. В данной работе проанализированные данные представлены в обобщённом виде. Исходя из результатов анализа интервью, видно, что столичность респондентами воспринимается как незавершённый (незавершаемый) нарратив, относительно которого создаётся репрезентация. В нашем случае воображаемый столичный нарратив существует как открытый для множества воспринимающих, открытый вовне.

Теоретическая и/или практическая значимость. В условиях малых городов рассмотрено применение культурных и социально-политических практик по наделению пространства (культурного ландшафта) смыслами воображаемой столичности. Обнаружено наличие функциональных отношений существующего нарратива о воображаемой столичности в Лихославле и Олонце с практиками «этапов генерации». Определена специфика воображаемого столичного позиционирования рассредоточенного субэтнуса карел (Лихославль) с позиции локальных нарративов Лихославля и типичного случая расселения карел (Олонец). Воображаемая столичность Лихославля и Олонца не инертна, а мобильна, перемещается в символическом контексте пространственной субъектности. Изучение функционирования нарратива воображаемой столичности субэтнических групп карел открывает новое исследовательское поле изучения культурного ландшафта и социально-политических отношений на региональном и субрегиональном уровне, обладающее потенциалом для дальнейших исследований.

Ключевые слова: карелы, культурный ландшафт, Лихославль, нарративы, Олонец, пространство, столичность

CULTURAL LANDSCAPE OF IMAGINED CAPITALNESS (CASES OF LIKHOSLAVL AND OLONETS)

I. Okunev, G. Ostapenko

MGIMO University

prosp. Vernadskogo 76, Moscow 119454, Russian Federation

Abstract

Aim. We identify the features of the manifestation of the ethnic factor of the imagined capital city in the cultural landscape on the example of Likhoslavl and Olonets.

Methodology. Use is made of field political-geographic expedition, in-depth semi-structured and unstructured interviews, and narrative analysis. The focus of the study is a comprehensive examination of the narrative about the imagined symbolic capital in the context of the ordering of individual experience in accordance with the chain of events or its perception.

Results. In the course of field research in the city of Likhoslavl, in the villages of Chashkovo and Tolmachi, and in the city of Olonets, a total of 20 in-depth interviews were collected for narrative analysis. In this work, the analyzed data are presented in a generalized form. Based on the results of the interview analysis, it is possible to conclude that the respondents perceive the “capital” area as an unfinished (incomplete) narrative, in relation to which a representation is created. In our case, the imagined capitalness’ narrative exists as open to a multitude of perceivers, open to the outside.

Research implications. In the conditions of small towns, the application of cultural and socio-political practices to endow the space (cultural landscape) with the meanings of an imagined capital area is considered. The presence of functional relations of the existing narrative about the imagined capital city in Likhoslavl and Olonets with the practices of “generation stages” is revealed. The specificity of the imagined capital positioning of sub-ethnoses of Karelians is determined from the position of local narratives for the incidents of Likhoslavl and Olonets. The imaginary capital of Likhoslavl and Olonets is not inert, but mobile, moving in the symbolic context of spatial subjectivity.

The study of the functioning of the narrative of the imagined capital city of sub-ethnoses of the Karelians opens up a new research field for studying the cultural landscape and socio-political relations at the regional and sub-regional level, which has the potential for further research.

Keywords: Karelians, cultural landscape, Likhoslavl, narratives, Olonets, space, capitalness

Введение

Понятие культурного ландшафта за последнее время не раз попадало в фокус исследований разных областей знаний. Изучается и осмысливается культурный ландшафт в различных интерпретациях. Интересно рассмотреть особый семиотический компонент культурного ландшафта в разрезе воображаемой столичности на примере г. Лихославля и г. Олонца.

Культурный ландшафт (в трактовке концепции К. Зауэра) имеет пространственное измерение в том понимании, что является проекцией на географическую локацию (пространство) накопленной эволюции культур, бытующих в данной локации [7]. В развитие данной идеи можно сказать, что «проекция» взаимодействует не только с породившим её этно-культурным опытом. Культурный ландшафт – про-

дукт переработки географической среды деятельностью человека в контексте симбиоза природных и культурных характеристик ареала.

По мнению В. Л. Каганского, общность набора аспектов рассмотрения ландшафтов важна, но разные аспекты обладают различным потенциалом [2]. Так, антропогенное воздействие является фактором, в наибольшей степени формирующим культурный ландшафт, а, в свою очередь, его важнейшим элементом является особый семиотический компонент, включающий в себя образы и символы ландшафта.

Культурный ландшафт может пониматься как ландшафт, модулируемый передаваемыми от поколения к поколению накопленным опытом, общеразделяемыми ценностями и интеллектуальным потенциалом. По К. Зауэру, ключ к пониманию содержания культурного ландшафта – ценности человека-обитателя. Люди, проживающие на территории ареала, являются его частью, живут в нём, модифицируют его, но при этом ограничены его ресурсами и возможностями [7, с. 117].

Ярким примером такого понимания взаимовоздействия на культурный ландшафт обитателей ареала и влияния ландшафта/ареала на жителей могут послужить случаи воображаемой столичности г. Лихославля и г. Олонца.

Нарративы в столицеведении

Казусы городов Лихославль (Тверская область) и Олонец (Республика Карелия) будут рассмотрены как примеры воображаемой (символической) столичности по определению данного явления, а именно ситуации возникновения в дискурсе поселения идеи и, впоследствии, целого нарратива о

столичности данного места при отсутствии государственности.

Иными словами, безгосударственные территориальные сообщества, не имеющие прав на «реальную» столицу, создают особый нарратив о столичности места вне необходимости и наличия актуальной (фактической) государственности.

Предшествующие исследования воображаемой (символической) столичности [9] практически не затрагивали этническую составляющую: учёные преимущественно сосредоточивались на собственно пространственном проявлении такой столичности. Здесь, говоря об этнической составляющей, мы подразумеваем дополнительный критерий для сплочения территориального сообщества на основании этнической солидарности маркеров этничности (в терминах этнополитолога П. Осколкова) в вопросе формирования столичного нарратива.

План данного исследования был составлен таким образом, чтобы учесть посредством качественных методов новые тенденции в исследовании символической столичности [5], а для выявления особенностей проявления этнического фактора воображаемой столичности был применён в качестве метода исследования нарративный анализ. Материалы для него были получены благодаря глубинным полуструктурированным и неструктурированным интервью, проведённым в ходе 2 полевых политико-географических экспедиций.

Нарративный анализ в качестве метода исследования заимствован из социальных наук. По одной из характеристик, данных М. Паттерсон и К. Монро, нарратив «отсылает к спосо-

бам, которыми мы конструируем разрозненные факты в наших собственных мирах и сплетаем их когнитивно воедино, чтобы придать смысл нашей реальности» [10, р. 315]. Они же характеризуют нарратив как наиболее распространённую и влиятельную форму дискурса, занятую в человеческой коммуникации [10, р. 316].

Широкая трактовка концепта «нарратив» объясняет его применимость к большому кругу явлений и проблем, исследовательских областей [13], в которых, помимо прочего, можно выделить, как минимум, социальную (социологическую), психологическую, историческую, геополитическую семиотическую перспективу (речь идёт об устном или письменном вариантах рассказа информанта).

В этом смысле нарративный анализ полезен тем, что, в отличие от дискурсивного, позволяет анализировать воспринятый информантом дискурс с учётом перцепции [5, с. 46].

Рассматривая «этническое» (проявление этничности) как сущностно социально значимую, но персональную характеристику, а также в соответствии с методами исследования символической столичности на данном масштабе (малые города) [5], мы избрали метод именно нарративного анализа, посредством которого можно оценить влияние фактора этничности на персональное видение столичности каждого конкретного информанта.

Паттерсон и Монро выделяют несколько свойств нарратива. Наиболее важным для нашей работы представляется нарратив, требующий «авторства», имеет в центре внимания актора, выражающего собственную позицию,

сопровождаемую описанием личного видения контекста событий.

Методологически зафиксируем тот факт, что мы используем 2 понимания «нарратива» в контексте данной работы:

1. нарратив как личный рассказ от первого лица [13];

2. коллективная «история»¹ символической столичности.

В данной работе такие трактовки нарратива позволяют сфокусироваться на всех смыслах, которые могут быть важны для респондентов: индивидуальные, персональные, равно как и традиционных, и этнически окрашенных.

Размышляя о столицах, а точнее, воображая (*imagine*) их, мы часто представляем их как достаточно крупный город, выделяющийся по своим характеристикам среди всех других (например, Москва). Или как своеобразный локус власти (например, Вашингтон).

В обыденной речи мы часто говорим и о региональных столицах. Чтобы выделить символическую столичность, дадим ей однозначное определение. Символическая (или воображаемая) столичность – нарратив об обладании столичным статусом локации (населённого пункта), не имеющего актуальной столичности. Под актуальной столичностью мы понимаем статус столицы государства как характеристику государственности.

Формальное и наиболее общее определение дано В. Россманом – «место размещения государственных органов» [8]. И хотя оно тоже является довольно проблематичным (ЮАР – пример мультистоличности). В то же время довольно сложно определить

¹ Коллективно распределённая или коллективно разделяемая история.

столицы с большим количеством уточнений. Даже говорить о столичном городе (именно городе) не всегда уместно. Самый крупный город, самая большая агломерация, транспортный хаб, центральное (географическое) положение в политике. На все эти критерии найдётся контрпример в генеральной совокупности столиц мира.

Однако один из не вполне очевидных пространственных механизмов отчасти помогает определять столицу. Так, мы можем сказать, что центр-периферийные отношения могут характеризовать локацию как столицу. Это не детерминированный механизм, а лишь обуславливающий, по логике П. Видаль де ла Блаша. Центр-периферийные отношения формируют, главным образом, нарратив о столице, т. к. происходит де-факто «учреждение периферии» территории или ареала, принципиально отличающегося и совершенно отличающегося («внутренний другой» и «свой/чужой»).

В понимании Ю. Лотмана, пространственная организация является одним из универсальных средств построения любых культурных моделей. Семиотика культуры, пространство, пространственный язык и принцип пространственной организации – основа формирования целостной смысловой сферы культуры, культурного ландшафта. Лотмановская логика описания построения культуры начинается с изучения отношений между физическим или онтологическим окружающей среды и семиотического или познаваемого пространства, где физические объекты семиотизируются (символизируются, инкорпорируются в устойчивые образы).

Метафорическое применение пространства предполагает, что важность онтологической реальности редуцирована в пользу семиотической реальности. Семиотическое пространство и семиотизированная реальность сливаются в языковые (текстовые) феномены, образующие дискурсивную ткань культуры, культурного ландшафта [11].

Анти Рандвиер отмечает, что пространственные структуры в культуросемиотике Лотмана часто представлены в виде бинарных оппозиций: «внутри-снаружи», «справа-слева», «верх-низ», «ближний-дальний», «центр-периферия», «свой-чужой» и т. д. Поскольку пространственное моделирование касается не только физического пространства, но и семиотической сущности, то оно влечёт за собой такие принципы, как «статико-динамический», «дискретно-непрерывный», «открыто-закрыто», «однородно-неоднородно», «разграничено-немаркировано». Перцептивное и когнитивное сливаются воедино в культурно влияющем процессе моделирования осмысленной пространственной среды – культурного ландшафта [11].

Это, пожалуй, главный инструмент генерации воображаемой (символической) столичности. На фундаменте местного нарратива об исключительности, который в той или иной форме проявляется везде, рождается некоторая идея (причём необязательно «сверху»), способная не вызвать повсеместного «скептицизма». Поэтому важен «фундамент», который будет проецировать локальное пространственное содержание во вне.

Технически такая «символическая» идея зачастую не является самобыт-

ной, в отличие от фундамента, а заимствуется. Чаще всего у актуальных (реальных) столиц. Символические аспекты реальной столичности (государственность, общественные пространства, архитектура, монументы и памятники регионального/локального значения, региональные (аллюзия к «национальным» героям) инкорпорируются на местной почве в городской/локальный нарратив. Данный процесс мы называем этапами генерации нарратива: обнаружение, заимствование, генерация и воспроизводство нарратива о столичности – стадии, которые проходит пространственная идея прежде, чем стать краеугольным камнем воображаемой символической столичности.

Во многом этот процесс действительно воображаемый. Первая столица Руси (так называют Старую Ладогу) в настоящий момент не имеет ни политических, ни формальных оснований быть столицей РФ, но идея, а, через некоторое время и нарратив, о символической воображаемой столичности формируется.

Поэтому этот феномен очень сильно зависит от пространственного воображения, также задействованного в формировании культурного ландшафта.

Анализ столичных нарративов

В контексте рассматриваемых случаев в основе лежит культурно-этнический фактор – карельский субэтнос в Карелии (Олонец) и карельский (тверской) субэтнос (Лихославль).

Олонец – первая столица карелов. Крепость, потерявшая своё былое значение после строительства Петрозаводска. Следует отметить, что Олонец – самое древнее в Карелии

название из встречающихся в письменных памятниках (первое упоминание – в 1137 г. в «Уставной грамоте» новгородского князя Святослава Ольговича). Топоним употреблён в форме «Олоньсь». Как и другие географические названия древнего происхождения, Олонец с трудом поддаётся расшифровке. Наиболее вероятным представляется вариант происхождения от вепсского «низкое место, низменность» через цепь фонетических переходов. Географическое положение Олонца свидетельствует в пользу этой гипотезы [3, с. 70–71].

Лихославль, столица Тверской Карелии, – город, образованный в 1915 г. слиянием нескольких деревень и станционного посёлка (Лихославль, Осташково) на главном ходе ныне Октябрьской железной дороги. Случай Лихославля уникален сосредоточением большой доли малочисленного субэтноса¹ карелов (тверские карелы).

Казус Олонца, центра Олонецкого национального района, уникален тем, что в городе и районе сосредоточена большая доля субэтнической языковой группы карелов-ливвиков (одного из крупных субэтносов карелов, кроме людиков, составляющих в единстве карельский этнос).

В обоих случаях «столичное» позиционирование происходит посредством отсылки к представителям соответствующего субэтноса. Так возникает нарратив о Тверской Карелии (сосредоточенной, главным образом, на территории Лихославльского муниципального округа) и частной его составляющей «Лихославль – столица

¹ Также будем использовать термин «субэтническая группа» по отношению к тверским карелам.

Тверской Карелии», а также нарратив об Олонце (воображаемой, «первой» столице карел) – городе, в котором карелы составляют большинство населения и самом населённом представителями карельского субэтнуса районе Республики Карелия.

По нашему мнению, такое отождествление «нестоличного» по противоречию с самой широкой (объёмной) дефиницией столицы, по Россману [4, с. 74; 8, с. 35], со «столичным» создаёт специфический социально-политический ландшафт: обретение или выявление столичности через призму акцентирования на наиболее исключительных, уникальных пространственных характеристиках культурного ландшафта в той или иной локации.

В Лихославле и Олонце по-разному реализуются национальные политико-географическая практики в разрезе пространственного восприятия локации, развития территории и основных принципов функционирования сформировавшегося культурного ландшафта на почве карельских национальных нарративов.

Любое исследование российских столиц без актуальной государственности базируется на рассмотрении основных архетипов символизма этих столиц: первой (бывшей) столицы; столицы, ныне не существующей политики; столицы выдуманного (виртуального) государства [9]. К этим примерам можно отнести рассматриваемые архетипы воображаемых столиц небольших этнических сообществ – Лихославль и Олонец.

Однако при имеющемся опыте изучения столичного символизма отдельных малых городов и относительной прозрачности путей номинации вооб-

ражаемых (символических) столиц на уровне дискурса, мы не можем вести речь об открытии механизма перерастания нарратива в дискурс. Во многом этот процесс затрагивает «воображаемый» (символический) аналог идеи о воплощении в подобных столицах «идеализированных образов нации (народности) и национальной истории» и способов «представления нации (народности) себе и окружающему миру» [8, с. 35–36].

При политико-географическом измерении столичности в разрезе рассмотрения культурного ландшафта мы обращаем внимание на пространственную природу символизма (воображаемости) образов такой столичности [6]. Однако не каждый нарратив претендующего на воображаемую символическую столичность города может быть трансформирован в полноценно «столичный». Нарратив должен последовательно пройти «этапы генерации». Это последовательные стадии его развития: обнаружение, заимствование, генерация и воспроизводство. Обнаружение предполагает поиск аналогичного локальному столичного содержания на примере других столиц. Заимствование означает поиск формата реализации подобного содержания для последующего развития. Генерация характеризует процесс формирования собственного символического контента на основе опыта предыдущих этапов. На этапе воспроизводства сформированный ранее нарратив поддерживается и совершенствуется посредством не меняющих принципиально содержание уточнений.

Обозначенные выше стадии «этапов генерации» описывают процесс становления коллективного narra-

тива о воображаемой (символической) столичности, который является продуктом многократной рефлексии множества различных частных интерпретаций пространства, пространственных связей и отношений – индивидуальных нарративов.

В ходе экспедиций в рамках проведённого исследования оценивался культурный ландшафт воображаемой столичности Лихославля и Олонца для их жителей. По результатам анализа индивидуальной рефлексии информантов на тему позиционирования Лихославля и Олонца в процессе интервью, представилось возможным сделать выводы о значимости нарративов о воображаемой символической столичности Лихославля как столицы Тверской Карелии и о воображаемой столичности Олонца как первой и культурной столицы карел (первая столица карел, столица Русской Карелии, ранняя столица Карелии и забытая столица карел). Символический аспект столичного позиционирования был разведён на образную и пространственную составляющие.

В обоих случаях присутствует двойственность пространственного потенциала. «Лихославль – столица Тверской Карелии» и «Олонец – первая и культурная столица карел» используют в названии отсылки и к «автохтонной» географии (Тверская область, Карелия), и к этносу (карелы). Этот факт характеризует уникальные локальные и сетевые межрегиональные пространственные отношения, на которые претендуют воображаемые «столицы» – собирательный образ всех карелов, проживающих в Тверской области и Олонецком районе, но не находящихся в отрыве от исторической

родины. В обоих случаях воображаемая столичность как Лихославля, так и Олонца хотя и предполагает собирательный карельский образ, но носит «внецентральный» характер [6].

Имеет место фактическая дифференциация столичных функций (многостоличность). В отношении Лихославля происходит символическое объединение культурно-языкового аспекта (Толмачи), административного (Тверь) и смыслообразующего (Лихославль) в центр под ведущим началом последнего. В отношении Олонца как первой ранней столицы происходит сакрализация культурных кодов карел как национального ядра карельского субэтноса. Сформированная территориальная идентичность по-прежнему слабо связывает карелов непосредственно с Лихославлем, в то время как зарождающаяся пространственная идентичность карелов больше ассоциирует их с Тверью, Петрозаводском или Олонцом [4, с. 40–41]. В этих обстоятельствах столица Тверской Карелии – Лихославль как столица сообщества, в отличие от других примеров воображаемой символической столичности, «не стационарна», а «мобильна», перемещается в символическом контексте пространственной субъектности [6].

По нашему мнению, воображаемая «машинерия» образных символических столиц по своему функционалу максимально приближается к принципам функционирования реальных столиц благодаря символическим аналогам процессов нацистроительства. Идея о столичности, пусть и воображаемой, призвана консолидировать локальное сообщество вокруг продуцирования общей идентичности

культурного ландшафта, даже с редуцированной пространственной компонентой [8, с. 73–75].

Образный потенциал идей «Лихославль – столица Тверской Карелии» и «Олонец – первая и культурная столица Карелии» базируется на культуре и истории тверских карел. В самом названии прослеживается попытка зафиксировать эту констелляцию уникального культурного ландшафта с географическим положением в качестве метафоры, соответствующей городам [10].

Культурный ландшафт воображаемой столичности построен на отражении от восприятия периферии. Данное важно, т. к. при относительном удалении от «столичного» все локации условно усредняются по показателю имманентной самости (самоидентификация столичного, национального), внутренне присущей какой-то черты, выделяющих нас среди других. Периферия – также «наша», но отличается по совокупности свойств. Она нас конституирует, но в то же время десакрализована.

В случае воображаемой столичности культурный ландшафт основан не на том, что есть, а на том, чего нет. Продолжая исследования, мы обнаружили, что, помимо искусственной государственности, конституирующими могут стать и этнический, и языковой аспекты. Конструирование воображаемых столичных смыслов происходит либо как властная практика (как редуцируемые и конструируемые формы социального взаимодействия), практика самопрезентации и организации пространства [1], либо конструирование происходит на базе идеи интерпретации пространства, в т. ч. на уровне

языковых употреблений. Успешность такого конструирования зависит от аутентичности «столичных» характеристик места.

Заключение

Понятие столицы в русском языке с точки зрения ландшафта – вопрос деперсонафицированный и десакарализированный в обыденном рутинном употреблении и, пожалуй, здесь работают идеи «свой-чужой», «внутренний-другой» и «центр-периферия». Воображаемость (символичность) таких столиц заключается в т. ч. и в культурном коде населённого пункта.

В ходе интервью информанты уделяли внимание преимущественно культуре карел (значимые нематериальные образы), мероприятиям этнокультурной направленности, поддержке карельского языка.

В силу вектора развития г. Лихославля и г. Олонца, направленных на поддержку местных инициатив этнокультурных мероприятий, можно говорить о культурной самомотивации воображаемых столиц.

На основе материалов проведённых интервью можно заключить, что в настоящий момент как Лихославльский, так и Олонецкий столичные нарративы находятся только на стадии генерации в терминологии «этапов генерации». В обоих случаях усматривается запрос на реализацию идей о «центре» локации карельского субэтноса и функционального столичного позиционирования, сосредоточивающих в едином комплексе культурные и пространственные инструменты смыслообразования.

Можно зафиксировать, что содержание нарратива не вызывает от-

торжения у информантов благодаря аутентичности и органичности воображаемого столичного образа, которые будут способствовать дальнейшему его развитию.

По результатам работы перспективной представляется идея рассматривать

Лихославль и Олонец как воображаемую символическую распределённую столицу (в терминах А. Рапопорта [12]) в контексте культурного ландшафта карельского этноса.

Статья поступила в редакцию 18.03.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Вахштайн В. Социология повседневности: от «практики» к «фрейму» // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 69–75.
2. Каганский В. Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры. 2009. № 1. С. 62–70.
3. Керт Г. М., Мамонтова Н. Н. Загадки карельской топонимики. Петрозаводск: Карелия, 2007. 120 с.
4. Окунев И. Ю. Столицы в зеркале критической геополитики. М.: Аспект Пресс, 2020. 272 с.
5. Окунев И. Ю., Остапенко Г. И. Восприятие пространства в программе семиотики столиц // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2022. № 1. С. 43–61.
6. Остапенко Г. И. Позиционирование Лихославля как «столицы»: символический аспект // Тверские карелы: две культуры – одна родина: сб. док-дов научно-практ. конф. / под ред. М. Б. Камриковой, Е. А. Макаровой. Лихославль, 2022. С. 97–102.
7. Рагулина М. В. Классическая концепция культурного ландшафта Карла Зауэра: история и современность // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Науки о Земле. 2013. Т. 6. № 1. С. 174–182.
8. Россман В. Столицы: их многообразие, закономерности развития и перемещения. М.: Издательство Института Гайдара, 2013. 336 с.
9. Okunev I., Ostapenko G. Symbolism of Capital Cities: Field Research of Stateless Capitals // Territorio. 2020. № 94. P. 167–178.
10. Patterson M., Monroe K. R. Narrative in Political Science // Annual Review of Political Science. 1998. № 1. P. 315–331.
11. Randviir A. Space // The Companion to Juri Lotman. A Semiotic Theory of Culture / eds. by M. Tamm, P. Torop. London: Bloomsbury Academic, 2022. P. 200–210.
12. Rapoport A. On the Nature of Capitals and Their Physical Expression // Capital Cities: Perspectives Internationales / eds. By J. Taylor, J. G. Lengellé, C. Andrew. Ottawa: Carleton University Press, 1993. P. 31–67.
13. Riessman C. K. Analysis of Personal Narratives // Handbook of Interview Research. Context and Method / eds. by J. F. Gubrium, J. A. Holstein. London; Thousand Oaks, CA: Sage Publications. 2001. P. 695–710.

REFERENCES

1. Vakhstein V. [Sociology of everyday life: from “practice” to “frame”]. In: *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 2006, vol. 5, no. 1, pp. 69–75.
2. Kagansky V. L. [Cultural landscape: basic concepts in Russian geography]. In: *Observatoriya kultury* [Observatory of Culture], 2009, no. 1, pp. 62–70.
3. Kert G. M., Mamontova N. N. *Zagadki karel'skoi toponimiki* [Riddles of Karelian toponymy]. Petrozavodsk, Karelia Publ., 2007. 120 p.

4. Okunev I. Yu. *Stolitsy v zerkale kriticheskoi geopolitiki* [Capitals in the mirror of critical geopolitics]. Moscow, Aspect Press Publ., 2020. 272 p.
5. Okunev I. Yu., Ostapenko G. I. [Perception of space in the program of semiotics of the capitals]. In: *Chelovek: Obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty* [Man: Image and essence. Humanitarian aspects], 2022, no. 1, pp. 43–61.
6. Ostapenko G. I. [Positioning of Likhoslavl as a “capital”: a symbolic aspect]. In: Kamrikova M. B., Makarova E. A., eds. *Tverskie karely: dve kul'tury – odna rodina* [Tver Karelians: two cultures – one homeland]. Likhoslavl, 2022, pp. 97–102.
7. Ragulina M. V. [The classical concept of the cultural landscape of Karl Sauer: history and modernity]. In: *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Nauki o Zemle* [Bulletin of the Irkutsk State University. Series: Earth Sciences], 2013, vol. 6, no. 1, pp. 174–182.
8. Rossman V. *Stolitsy: ikh mnogoobrazie, okhvati razvitiya i peremeshcheniya* [Capitals: their diversity, patterns of development and displacement]. Moscow, Izdatelstvo Instituta Gaydara Publ., 2013. 336 p.
9. Okunev I., Ostapenko G. Symbolism of Capital Cities: Field Research of Stateless Capitals. In: *Territorio*, 2020, no. 94, pp. 167–178.
10. Patterson M., Monroe K. R. Narrative in Political Science. In: *Annual Review of Political Science*, 1998, no. 1, pp. 315–331.
11. Randviir A. Space. In: Tamm M., Torop P., eds. *The Companion to Juri Lotman. A Semiotic Theory of Culture*. London, Bloomsbury Academic, 2022, pp. 200–210.
12. Rapoport A. On the Nature of Capitals and Their Physical Expression. In: Taylor J., Lengellé J. G., Andrew C., eds. *Capital Cities: Perspectives Internationales*. Ottawa, Carleton University Press, 1993, pp. 31–67.
13. Riessman C. K. Analysis of Personal Narratives. In: Gubrium J. F., Holstein J. A., eds. *Handbook of Interview Research. Context and Method*. London, Thousand Oaks, CA, Sage Publications. 2001, pp. 695–710.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Окунев Игорь Юрьевич – кандидат политических наук, доцент, директор Центра пространственного анализа международных отношений Института международных исследований, МГИМО МИД Российской Федерации;
e-mail: iokunev@mgimo.ru

Остапенко Герман Игоревич – стажёр-исследователь Центра пространственного анализа международных отношений Института международных исследований, МГИМО МИД Российской Федерации;
e-mail: g.ostapenko@inno.mgimo.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Igor Yu. Okunev – Cand. Sci. (Politics), Director, Center for Spatial Analysis in International Relations, Institute for International Studies, MGIMO University;
e-mail: iokunev@mgimo.ru

German I. Ostapenko – Research Assistant, Center for Spatial Analysis in International Relations, Institute for International Studies, MGIMO University;
e-mail: g.ostapenko@inno.mgimo.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Окунев И. Ю., Остапенко Г. И. Культурный ландшафт воображаемой столичности (на примере Лихославля и Олонца) // Географическая среда и живые системы. 2023. № 2. С. 101–112.

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-101-112

FOR CITATION

Okunev I. Yu., Ostapenko G. I. Cultural landscape of imagined capitalness (cases of Likhoslavl and Olonets). In: *Geographical Environment and Living Systems*, 2023, no. 2, pp. 101–112.

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-101-112

УДК 32.019.52+911.375

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-113-137

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И МОНУМЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДОВ СЕВЕРО-ЗАПАДА РФ

Аксёнов К. Э.¹, Гресь Р. А.^{2,3}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
190034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, Российская Федерация

² Институт проблем региональной экономики Российской академии наук
190013, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, д. 38, Российская Федерация

³ Балтийский федеральный университет имени И. Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявление и концептуализация символического геополитического капитала территории, представленного в монументальном городском пространстве.

Процедура и методы. Рассмотрены 515 монументов, связанных с геополитической тематикой в 9 модельных городах СЗФО РФ. С помощью анализа иерархий встречаемости геополитических посвящений в монументах – «геополитических следов», оставленных монументами в модельных городах, – предпринята попытка сравнения значимости для городской символической политики факторов столичности, особого геополитического положения, опыта иностранного контроля или смены суверенитета.

Результаты. Обнаружено, что специфика тематик и параметры представленности геополитических символов коррелируют с мерой вовлечённости города/региона в те или иные геополитические события. Географические различия в геополитическом символическом капитале, представленном ресурсами монументального пространства разных городов Северо-Запада РФ, весьма существенно дифференцируются описанными в статье факторами. Фактор смены суверенитета над территорией оказался существенно значимее фактора столичности. Символы распространения коммунистического/советского влияния характерны более для региональных столиц. Тематика российских исследований/открытий/освоения с региональной коннотацией (кроме Калининграда) максимально значима в монументах всех приморских городов в выборке.

Теоретическая и/или практическая значимость. В условиях повышенного внимания к геополитической проблематике памятники, имеющие такую коннотацию, представляют собой ресурс для её интерпретации и использования в целях достижения политического доминирования в символической политике, о чём свидетельствует развернувшаяся в мире масштабная «война памятников». При этом значимость именно урбанистических символов, закреплённых и тем самым «легитимизированных» в городском материальном пространстве, существенно повышает эффективность основанного на них символического менеджмента.

Ключевые слова: геополитический символический капитал, символические ресурсы территории, символическая политика, городское монументальное пространство, геополитическое событие, война, геополитический след, критическая геополитика, города Северо-Запада РФ

© СС ВУ Аксёнов К. Э., Гресь Р. А., 2023.

GEOPOLITICAL SYMBOLIC CAPITAL AND MONUMENTAL SPACE OF CITIES IN THE NORTH-WEST OF THE RUSSIAN FEDERATION

K. Aksenov¹, R. Gres^{2,3}

¹ *St. Petersburg State University*

Universitetskaya nab.7-9, St. Petersburg 199034, Russian Federation

² *Institute for Regional Economic Studies of RAS*

ul. Serpukhovskaya, 38, St. Petersburg 190013, Russian Federation

³ *Immanuel Kant Baltic Federal University*

ul. Nevskogo 14 A, Kaliningrad 236016, Russian Federation

Abstract

Aim. We identify and conceptualize the symbolic geopolitical capital of the territory, represented by monumental urban space.

Methodology. We examined 515 monuments related to geopolitical topics in 9 model cities of the Northwestern Federal District of the Russian Federation. By studying the hierarchies of occurrence of geopolitical dedications in monuments—"geopolitical traces" left by monuments in model cities, an attempt was made to compare the significance for urban symbolic politics of such factors as the capital city status legacy, a specific geopolitical position, the experience of foreign control, and a change of sovereignty.

Results. It is found that the specifics of topics and the parameters of representation of geopolitical symbols correlate with the degree of involvement of the city/region in certain geopolitical events. Geopolitical symbolic capital, represented by the resources of the monumental space in different cities of the North-West of the Russian Federation, is very significantly differentiated by the factors described in the paper. The factor of change of sovereignty over the territory turned out to be by far more significant than the capital city legacy. Symbols of the communist / Soviet expansion are more characteristic of regional capitals. Russian geographical research/discovery/development with a regional connotation (except for Kaliningrad) is the most significant in the monuments of all coastal cities in the sample.

Research implications. In the context of increased attention to geopolitical issues, monuments bearing such a connotation represent a resource for its interpretation and use in order to achieve political dominance in symbolic politics, as evidenced by the large-scale "war of monuments" that has unfolded in the world. At the same time, the significance of urban symbols, fixed and thus "legitimized" in the urban material space, significantly increases the effectiveness of symbolic management based on them.

Keywords: geopolitical symbolic capital, symbolic resources of the territory, symbolic politics, urban monumental space, geopolitical event, war, geopolitical trace, critical geopolitics, cities of the North-West of the Russian Federation

Введение

Поиск новых и переосмысление старых геополитических (ГП) концепций продолжает оставаться важным элементом формирования постсоветской российской идентичности [21; 22; 26].

Этот процесс не остаётся уделом интеллектуальных элит, но регулярно становится частью публичной политики: он затрагивает как стратегии властных субъектов всех уровней, конструирование новых и переосмысление старых

идеологий, так и активизм гражданского общества [2]. Существенная роль в борьбе субъектов политики на постсоветском пространстве за утверждение «своей» концепции и «исправленной» геополитической картины мира, как показывают исследования, отводится инструментам городской символической политики, позволяющей использовать целый арсенал урбанистических знаков или носителей символов, дающий дополнительные возможности упомянутым субъектам [2; 7; 15; 16; 19; 29].

С учётом существующих различий в определении термина «символическая политика», обусловленных междисциплинарностью, использующих его исследований и их целеполаганий [11], для целей настоящей работы и вслед за рядом авторов [1; 9; 17; 18] под городской символической политикой мы будем понимать совокупность направленных на достижение собственных (или общественно значимых) целей действий и взаимодействий управленческой, политической, бизнес-элиты, социальных групп и других влиятельных на данной территории акторов с использованием городских символов. Упомянутые акторы становятся как главными «потребителями», так одновременно и «производителями» урбанистических символов в результате осуществления такой политики.

Однако здесь нас будет интересовать её результирующая, сложившаяся в современном пространстве городов в виде символического капитала¹,

который представляет собой снятый, закреплённый в обществе опыт формирования определённых представлений о территории, которые могут складываться как стихийно, так и целенаправленно [23]. Как указывает Н. Г. Федотова, накопление символического капитала места – это производство значений территориальных смыслов, когда элементы среды локального места приобретают новое или дополнительное значение, как для местных, так и для внешних аудиторий [23].

В результате символический капитал города представляет собой совокупность значений (смыслов) города (его территорий и отдельных мест), которые обеспечивают ему узнавание, известность, престиж, доверие со стороны различных социальных групп [24, с. 121].

Большинство исследователей городской символической политики и символического капитала города подчёркивают, что от самих символов и смыслов, которые могут с ними связываться индивидами и их группами, следует отделять урбанистические знаки или урбанистические носители символов (памятники, музеи, мемориальные объекты, топонимию, городские праздники и публичные ритуалы) и воспринимать последние, скорее, как ресурс для использования реальными и потенциальными акторами общественно-политических процессов [21; 25; 27]².

В контексте исследования политики памяти О. Ю. Малинова относит такие носители к социально-культурной ин-

¹ По определению П. Бурдьё, символический капитал – это капитал в любой его форме, представляемой (т. е. воспринимаемой) символически в связи с неким знанием или, точнее, узнаванием или неузнаванием [6].

² Как справедливо указывает Ю. Горелова, «знак всегда отсылает к чему-то другому, символ – лишь к себе самому, к некой внутренней структуре» [10, с. 20].

фраструктуре памяти, используемой в коммеморации исторического события как важнейшего элемента символической политики [18]. Она подчёркивает, что носители символов с одной стороны служат *символическими ресурсами* для мнемонических акторов, но одновременно могут создавать *ограничения*, особенно если предлагаемая ими интерпретация события существенно отличается от устоявшейся [18]. В исследованиях символического капитала места урбанистические знаки или носители символов рассматриваются в качестве элементов территории (города, места), в которых концентрируется её (их) символический капитал. При этом подчёркивается, что символический капитал места – «это не сам памятник архитектуры, миф или уникальный ландшафт, а именно его известность или значимость для того или иного сообщества» [25].

Поскольку в настоящем исследовании нас интересует связь городского символического капитала с городской средой, то центральным объектом при этом неизбежно становятся средовые символические ресурсы (как добавляющие, так и ограничивающие возможности акторов символической политики), а именно – урбанистические знаки или носители символов.

Целый ряд работ посвящён тому, как символические ресурсы используются в стратегиях политических акторов и ведут к тому, что существующие в обществе идентичности «транслируются» в политическую повестку, тем самым становясь политически значимыми [9; 20].

О. Ю. Малинова предлагает вместо такого «политико-стратегического» взгляда, соответствующего, скорее,

английскому понятию *symbolic policy*, использовать более широкий подход, описываемый английским *symbolic politics* и анализирующий символические действия и взаимодействия (как целенаправленные, так и стихийные [23]) более широкого круга акторов (включая неинституциональные группы и отдельных индивидов, способных производить общественно значимые интерпретации реальности) [18].

В данном исследовании нам ближе именно последний подход. При этом все акторы символической политики формируют и транслируют смыслы, связанные с урбанистическими знаками или носителями символов, в процессе социальной коммуникации часто превращая их в политические и даже экономические дивиденды [5; 6; 25]. Как пишет Д. Н. Замятин, в результате «мир предстаёт воплощением определённых схем интерпретации» [12, с. 3], при этом пространство кодируется человеческим сознанием в виде тех или иных образов [13].

Поэтому, солидаризируясь с подходом О. Ю. Малиновой [18] к определению собственно символической политики, мы склонны добавить: символическая политика – это не только производство способов интерпретации социальной реальности и борьба за их доминирование, но и производство символических ресурсов, т. е. знаков (особенно урбанистических), пригодных для «правильной» интерпретации. При этом манифестация и «присвоение» актором определённых интерпретаций через производство им материального носителя символа становится важным вкладом в достижение доминирования.

Многими авторами отмечается особая значимость использования для реализации символических стратегий именно городских символических объектов (в отличие, скажем, от СМИ) в связи с *длительностью их существования, закреплённостью в окружающем человека урбанистическом ландшафте* (особенно в форме мемориалов и ономастических объектов) [9, с. 94].

П. Бурдые описывает установку монументов, наименование улиц и проведение памятных мероприятий как власть номинации – они как никакой другой ресурс способствуют официальному закреплению ценности и формирует её легитимность и публичное признание [3; 25]. Урбанистическое пространство монументов и имён, окружающих индивида с самого детства в городском ландшафте, с наибольшей вероятностью кодируется сознанием в виде априори позитивного восприятия таких образов [13]. А. А. Высоковский указывал: «история своей жизни, особенно воспоминания детства... всё это собирается в единый средовой образ, скреплённый внутри ценностными установками. Именно такой целостный образ служит основой для живой рефлексии, а также оценки каждого акта средообразования» [8, с. 30]. В. Л. Бабурин отмечает, что «...города и городские системы совмещают в себе функции аттракторов и генераторов инноваций, а городские подсистемы, каждый отдельный город – это своеобразная летопись инновационных процессов в нашей стране за минувшее тысячелетие» [4, с. 114].

По всем вышеизложенным причинам мы остановили свой выбор именно на анализе городских монументальных знаков – носителей символов – в

качестве объекта исследования. Таким образом, в данной работе цель – это анализ не самой символической политики (её акторов, целей, механизмов и общественных последствий), а её урбанистической результирующей, существующей в сложившемся современном пространстве городов в виде символического капитала, а точнее, той его части, которая состоит из материальных знаков или носителей символов, к которым в качестве одних из самых главных относятся монументы [25]. В качестве ресурсов они используются в стратегиях политических акторов, и ведут к тому, что связанные с ними идентичности «транслируются» в политическую повестку, тем самым становясь политически значимыми [9]. Монументы, как и прочие символические ресурсы, таким образом, становятся таковыми только тогда, когда акторы символической политики наполняют их смыслами, а начинают они приносить «прибыль» только в процессе их демонстрации и коммуникации [5; 25].

Обобщённо описанные выше представления можно изобразить в виде схемы (табл. 1).

В определении самой геополитики нам близок подход школы критической геополитики, подчеркивающий значимость ментального [33]. Изначально акцент на символизм привёл к возникновению иконографии Ж. Готтмана [30]. А И. Лакоста данные идеи даже привели к попыткам обоснования отсутствия объективной геополитики [31]. Благодаря развитию таких подходов сегодня общепризнано, что популярность тех или иных геополитических идей, концепций, теорий и конструктов среди населения сильно

Таблица 1 / Table 1

Соотношение символического капитала территории и городского монументального пространства / Interrelation of symbolic capital of a territory and urban monumental space

Монументы и символический капитал территории	Символическая политика	Урбанистический результат
Монумент	Установка, номинация, снос, перенос, реконструкция, реноминация	Материальный знак, носитель символа
Монументальное пространство	Формирование и реконфигурация монументальной пространственной системы	Городская пространственная совокупность знаков, пригодных для интерпретации
Символический ресурс территории	Производство смыслов и интерпретаций	Привязанная к городским знакам совокупность смыслов и интерпретаций
Символический капитал территории	Демонстрация и коммуникация (манифестация)	Привязанная к городским знакам известность и значимость смыслов и интерпретаций для того или иного сообщества
Дивиденды от символического капитала территории	Трансляция в социально-политическую повестку, городской социально-политический менеджмент	Привязанная к городским знакам и используемая акторами доминирующая интерпретация в целевом сообществе

Источник: составлено авторами

влияет на способность политических акторов использовать геополитические ресурсы в полном объеме и с максимальной эффективностью. От успеха борьбы за умы зависит успех любого геополитического процесса [32].

Вслед за К. Флинтом мы будем понимать геополитику как состоящую из:

1. практик и проявлений территориальных стратегий в отношении государственности;

2. идеологических конструкций и прочих концепций видения мира;

3. представлений о территории и контроле над ней любым субъектом общественных отношений;

4. практики определения отношений по поводу власти в пространстве с помощью семантики и риторики [28].

Итак, рассмотрим, как память о различных геополитических событиях в российской истории закрепляется и продуцируется в монументальном пространстве городов. Цель настоящей работы состоит в выявлении и концептуализации символического геополитического капитала территории, представленного в монументальном пространстве, на примере городов Северо-Запада РФ, сравнение и определение различий в таком капитале между городами региона.

Отражение в монументальной среде вовлеченности городов в геополитические события

О. Ю. Малинова отмечает, что политика по формированию макрополитической идентичности (в первую очередь, символическая), с одной стороны, призвана обеспечить интеграцию и солидарность граждан поверх социальных, этнических, религиозных, языковых, политико-идеологических и прочих границ, а с другой – связана с теми или иными решениями проблемы различий (т. е. с поиском адекватных способов их «признания», либо с попытками их «сгладить»/оставить «незамеченными») [17, с. 91].

Упомянутая О. Ю. Малиновой дихотомия «общее-различное» применительно к семиотической интерпретации монументов для целей символической политики подразделяется в нашей методике на 2 измерения: хронологическое и хорологическое.

Хронологическое будет выражаться в фиксации сравнительной гипертрофии/замалчивании (недо- и перепредставленности) геополитических событий и эпох как таковых. Данный показатель будет строиться на 1) непосредственном количественном сравнении представленности событий / эпох в символическом монументальном пространстве рассматриваемых российских городов и 2) сравнительной оценке исторической значимости геополитических событий и явлений между собой и последующем сопоставлении этой значимости с иерархией их представленности в городских монументальных символах. Оба критерия будут учитывать как реальную историческую вовлечённость города в событие, так и геополитические, гу-

манитарные последствия события для страны/мира в целом.

Хорологическое измерение в нашей методике оценки дихотомии «общее-различное» будет строиться на фиксации и интерпретации различий между городами в сравнительной представленности монументов, подчёркивающих главным образом: 1) *общую* государственную макрополитическую значимость и 2) *региональную* специфику значимости номинации символа.

Критерием отнесения к 1 группе выступает встречаемость ГП символа с общей определённой инициаторами коннотацией в разных городах; отсутствие потенциала региональной коннотации ГП символа¹ (даже если он не встречается в прочих городах). Соответственно, ко 2 группе мы будем относить символы (как общие с другими городами, так и уникальные) либо с заявленной, либо с реальной связью с региональной спецификой (связью иконографической фигуры с регионом, региональной спецификой коммеморации ГП события и т. п.). Соответственно, при атрибутировании фиксируемых монументов по хорологическому измерению мы разделили их на 2 группы: общую и региональную.

В качестве объекта исследования мы выбрали города СЗФО, как представляющие и хронологически, и географически потенциально максимальное разнообразие типов вовлечённости городов в связанные с Россией ГП события и процессы. При формировании выборки городов мы классифицировали города СЗФО РФ по следующим критериям такой вовлеченности:

¹ Если номинация (событие, иконографическая личность и т. п., которым посвящён монумент) не имеет прямой связи с регионом.

№ 1. Города со столичным статусом в прошлом и настоящем.

№ 2. Города с геополитическим положением, оказывающим серьёзное влияние на функционирование города и его среду (приграничное, приморское, важное военно-стратегическое и др.).

№ 3. Города, находившиеся под иностранным контролем:

За. города, входившие в состав иных государств (менявшие суверенитет);

Зб. города, находившиеся под иностранной оккупацией или интервенцией до Великой отечественной войны;

Зв. города, находившиеся под иностранной оккупацией во время Великой отечественной войны.

На следующем этапе города были сгруппированы по уровням соответствия указанным выше критериям¹.

На основе такой группировки мы выбрали по 3 города (с разным временем существования), относящихся к каждому из 3 уровней:

– I уровень (соответствие только одному из представленных критериев № 1/2/3) – Нарьян-Мар (XX в. основания), Тихвин (XIV в.), Вологда (XII в.);

– II уровень (соответствие одному из критериев № 1 или № 2 и одному или более из доп. критериев № 3а/б/в) – Выборг (XIV в.), Мурманск (XX в.), Архангельск (XVI в.);

– III уровень (соответствие критериям № 1, 2 и одному или более из доп. критериев № 3а/б/в) – Санкт-

Петербург (XVIII в.), Калининград (XIII в.), Псков (X в.).

В выбранных городах мы определили все монументы (скульптурные памятники и мемориальные сооружения), которые можно атрибутировать, как связанные с ГП коммеморацией, по 2 типам источников:

1. по максимально полному доступному для каждого города официальному каталогу монументов, сформированному либо Министерством Культуры РФ и доступному в Архиве культурного наследия², либо уполномоченным региональным органом³. Этот тип источников позволял не упустить объекты, имеющие официальный статус монумента, т. е. легитимизированные властью.

2. связанных с категорией не столько официальной, сколько общественной значимости – был выбран максимально полный реестр региональных монументов на популярных интернет-ресурсах, попадающих в топ выдачи поисковых систем.

Использование таких источников в данном исследовании не только допустимо, но и необходимо, поскольку они формируют значимый общественный дискурс, более охватный, чем аудитория, непосредственно контактирующая с физическим монументом. Для одних городов таким ресурсом оказывалась Википедия, для других –

¹ Аксёнов К. Э., Гресь Р. А. Методология определения уровней вовлеченности городов в связанные с Россией геополитические события и процессы [Электронный ресурс]. URL: <https://drive.google.com/file/d/11g8INdBBB0pPkashJnWK5wAxuPgc3szl/view?usp=sharing> (дата обращения: 04.05.2023).

² Архив культурного наследия Мурманская область, г. – Мурманск [Электронный ресурс]. URL: http://nasledie-archive.ru/regs/reg_51_5.html (дата обращения: 21.05.2023).

³ Правительство Санкт-Петербурга. Перечень объектов культурного наследия и выявленных объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. URL: https://kgiop.gov.spb.ru/deyatelnost/uchet/list_objects/ (дата обращения 20.05.2023).

региональные порталы. Для включения такой информации в исследование, помимо упомянутой публичной значимости ресурса, требовалась полнота и достоверность информации о городских монументах. Информация, полученная из таких источников, дополнялась и верифицировалась в прочих картографических и информационных интернет-ресурсах¹.

Не имея возможности включить в рассмотрение все городские объекты, связанные с ГП коммеморацией (ономастические, архитектурные, специализированные – музеи, религиозные сооружения, мемориальные доски, встроенные в здания объекты и др.), мы остановили выбор на следующих типах отдельно стоящих объектов:

- мемориальные сооружения (стелы, арки и пр.);
- монументы самим ГП событиям и их атрибутам (технике, вооружению и т. п.);
- монументы участникам событий² (полководцам³, первооткрывателям, героям, жертвам, участникам и др.).

¹ Прим.: В связи с отсутствием полных баз данных обо всех монументах в городах и с особенностями использованных источников, некоторые объекты, особенно недавно установленные, могли не попасть в выборку.

² Монументы правителям учитывались, только если на объекте содержалось прямое указание на посвящение ГП событию.

³ Монументы полководцам атрибутировались либо с прямо указанными на монументах событиями (например, на некоторых монументах, посвящённых полководцам Отечественной войны, указывались различные даты: 1812, 1812–1814, 1812–1815 гг.), либо с теми событиями, в которых они прославились (так, например, для Суворова это: Русско-турецкие войны 1770-х, подавление польского восстания 1794 г., зарубежные «наполеоновские» войны и войны коалиций до 1812 г.).

Отдельно учитывались исторические мемориальные объекты, связанные с ГП коннотацией:

- братские могилы жертв войн с мемориальными знаками (отдельно – на кладбищах и вне их, как имеющие существенно разные аудиторию и механизмы воздействия);
- исторические военные объекты, причисленные к категории монументов (ДОТы, укрепления и др., которые можно атрибутировать с конкретным ГП событием).

В символике указанных монументов/объектов мы искали следующие маркеры, связанные с описанными выше критериями:

1. наличие иностранного контроля над этой территорией в прошлом;
2. память о войнах России/СССР с внешними врагами (период войн до 2000 г., чтобы отделить категорию памяти от категории опыта последнего поколения);
3. приобретение или потеря геополитических зон влияния (международный масштаб);
4. освоение новых территорий русскими первопроходцами (приобретение контроля над новой территорией).

Особо отмечалось то, что уникально для каждого города и может быть более значимо для местной/региональной истории и личной связи с происходившим (в т. ч. братские могилы и исторические военные объекты). Собранные по описанной выше методике данные были суммированы в сводных таблицах 2–3.

Таблица 2 / Table 2

Монументы геополитическим событиям¹ в 9 городах СЗФО РФ без учёта Великой Отечественной войны, количество монументов (ед.) / Monuments to geopolitical events in 9 cities of the Northwestern Federal District of the Russian Federation, excluding the Great Patriotic War, number of monuments (units)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ				
Посвящения	Монументы		Могилы	Всего
	Общие	Региональные		
Русско-японская война 1904–1905 гг.	4	1	1	6
Финская война 1939–1940 гг.	2		5	7
Русско-турецкая война 1768–1774 гг.	4			4
Отечественная и Наполеоновские войны 1812–1815 гг.	4			4
Социалистический интернационал/ международное социал-демократическое движение/соцлагерь	3	1		4
Исследования/открытия/освоение	4			4
Афганская война 1979–1989 гг.	1		1	2
Первая мировая война 1914–1918 гг.	1			1
Русско-шведская война 1788–1790 гг.		1		1
Русско-турецкая война 1787–1791 гг.	1			1
Зарубежные Наполеоновские войны до 1812 г.	1			1
Греческая национально-освободительная революция 1821–1829 гг.		1		1
Войны с Персией и Турцией 1828–1829 гг.		1		1
Невская битва 1240 г. и сражение на Чудском озере 1242 г.		1		1
Северная война 1700–1721 гг.		1		1
Подавление польского восстания 1794 г.	1			1
Подавление польского восстания 1831 г.	1			1
Всего	27	7	7	41
КАЛИНИНГРАД				
Посвящения	Монументы		Могилы	Всего
	Общие	Региональные		
Первая мировая война 1914–1918 гг.	6	4		10
Русско-турецкая война 1787–1791 гг.	3			3
Зарубежные Наполеоновские войны до 1812 г.	3			3
Греческая национально-освободительная революция 1821–1829 гг.	3			3
Исследования/открытия/освоение	2			2
Русско-турецкая война 1768–1774 гг.	2			2
Крымская война 1853–1856 гг.	2			2

¹ Здесь и далее для целей настоящей статьи под геополитическим (ГП) событием мы будем понимать только то, что фиксируется описанными выше маркерами.

Афганская война 1979–1989 гг.	1	1		2
Социалистический интернационал/ международное социал-демократическое движение/соцлагерь	1	1		2
Русско-шведская война 1741–1743 гг.	1			1
Война за австрийское наследство 1740–1748 гг.	1			1
Семилетняя война 1756–1763 гг.	1			1
Русско-шведская война 1788–1790 гг.	1			1
Русско-шведская (Финляндская) война 1808–1809 гг.	1			1
Отечественная и Наполеоновские войны 1812–1815 гг.	1			1
Войны с Персией и Турцией 1828–1829 гг.	1			1
Подавление польского восстания 1794 г.	1			1
Всего	31	6	0	37
АРХАНГЕЛЬСК				
Посвящения	Монументы		Могилы	Всего
	Общие	Региональные		
Иностранная интервенция 1918–1920 гг.		2	3	5
Афганская война 1979–1989 гг.			1	1
Исследования/открытия/освоение		1		
Социалистический интернационал/ международное социал-демократическое движение/соцлагерь			1	1
Всего	0	3	5	8
ВОЛОГДА				
Посвящения	Монументы		Могилы	Всего
	Общие	Региональные		
Афганская война 1979–1989 гг.	1	2		3
Холодная война 1945–1991 гг.		1		1
Всего	1	3	0	4
МУРМАНСК				
Посвящения	Монументы		Могилы	Всего
	Общие	Региональные		
Исследования/открытия/освоение	4	3		7
Русско-турецкая война 1768–1774 гг.	3			3
Греческая национально-освободительная революция 1821–1829 гг.	2			2
Семилетняя война 1756–1763 гг.	2			2
Иностранная интервенция 1918–1920 гг.		1	1	2
Русско-турецкая война 1735–1739 гг.	1			1
Русско-турецкая война 1787–1791 гг.	1			1

Русско-шведская (Финляндская) война 1808–1809 гг.	1			1
Отечественная и Наполеоновские войны 1812–1815 гг.	1			1
Зарубежные Наполеоновские войны до 1812 г.	1			1
Войны с Персией и Турцией 1828–1829 гг.	1			1
Крымская война 1853–1856 гг.	1			1
Русско-японская война 1904–1905 гг.	1			1
Афганская война 1979–1989 гг.	1			1
Всего	20	4	1	25
ПСКОВ				
Посвящения	Монументы		Могилы	Всего
	Общие	Региональные		
Первая мировая война 1914–1918 гг.		2		2
Ливонская война 1558–1583 гг.		1		1
Отечественная и Наполеоновские войны 1812–1815 гг.	1			1
Невская битва 1240 г. и сражение на Чудском озере 1242 г.		1		1
Иностранная интервенция 1918–1920 гг.		1		1
Северная война 1700–1721 гг.		1		1
Всего	1	6	0	7
ВЫБОРГ				
Посвящения	Монументы		Могилы	Всего
	Общие	Региональные		
Северная война 1700–1721 гг.		4		4
Финская война 1939–1940 гг.		2		2
Зарубежные Наполеоновские войны до 1812 г.		1		1
Всего	0	7	0	7
ТИХВИН				
Посвящения	Монументы		Могилы	Всего
	Общие	Региональные		
Всего	0	0	0	0
НАРЬЯН-МАР				
Посвящения	Монументы		Могилы	Всего
	Общие	Региональные		
Исследования/открытия/освоение		4		4
Афганская война 1979–1989 гг.	1	1		2
Иностранная интервенция 1918–1920 гг.		1		1
Всего	1	6	0	7

Примечание: Цветом выделены отличные от остальных городов посвящения. Посвящения ранжированы по частоте встречаемости в городе.

Источник: составлено авторами

Сравнение значимости геополитических факторов для городской символической политики

В совокупности к категории ресурса геополитического символического капитала во всех 9 модельных городах оказалось возможным отнести 515 монументов/мемориалов. Среди всех типов посвящений символика войн России/СССР с внешними врагами в ГП мемориалах была представлена 20 ГП событиями; память о наличии иностранного контроля над этой территорией в прошлом – 3 событиями; о приобретении или потере геополитических зон влияния – 3; и отдельно можно выделить обобщённую категорию, связанную с российскими/советскими исследованиями/открытием/освоением новых земель (табл. 2). Максимальное количество отражённых в мемориалах событий/посвящений насчитывалось в Калининграде и Санкт-Петербурге – по 17.

Вполне ожидаемо монументы во всех городах индицируют в качестве главного ГП события Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. (ВОВ): количество и разнообразие типов монументов, посвящённых её памяти, максимально везде. Всего по всем городам их насчитывается 379 (73,6% от всех монументов в выборке): 140 монументов, 90 военных объектов-монументов, 59 могил-монументов вне кладбищ и 90 братских могил/мемориалов на кладбищах. Последние 3 категории, по нашему мнению, могут прямо индицировать региональную значимость любого военного/насильственного ГП события и вполне пригодны для сопоставления с мерой его представленности в «абстрактной»

символической политике в отношении события.

Подобными же индикативными возможностями, хотя и с большими оговорками, обладает категория монументов со спецификой, отражающей особенности региональной вовлечённости в событие. Если для мест боевых действий региональная специфика отражена в братских могилах, памятниках-дотах, обелисках, установленных на полях сражений, то для городов, которые не входили в зону боевых действий, региональная специфика чаще всего связана со вкладом таких городов в общую победу, с трудовыми подвигами в тылу. Такие памятники, как «Памятник Подвигу участников оленно-транспортных батальонов» в Нарьян-Маре или «Памятник Тюленю – спасителю жителей Архангельска и блокадного Ленинграда» в Архангельске имеют чёткие локальные коннотации (табл. 3).

Поскольку регион был непосредственно вовлечён в боевые действия, количество монументов ВОВ с региональной спецификой на порядок превосходили такие же с общей коннотацией (во всех городах выборки – 339 и 40 соответственно). Очевидно, что категории могил-мемориалов представлены во всех городах, активно участвовавших в боевых действиях войны. Не представлены они лишь в Нарьян-Маре. Абсолютное большинство военных объектов-монументов ВОВ находится в Санкт-Петербурге (85), они есть также в Вологде, Тихвине и Пскове¹. Во всех городах, кроме Архангельска, среди монументов пре-

¹ Категория военных объектов-монументов обнаружена применительно только к объектам, участвовавшим в ВОВ.

Таблица 3 / Table 3

Выраженность ГП коммеморации о ВОВ по модельным городам и категориям монументов, количество монументов (ед.) / Geopolitical commemoration of the Great Patriotic War expressed by categories of monuments, number of monuments (units), by model cities

Город		ВОВ	ВОВ, военные объекты- памятники	ВОВ, могилы- памят- ники вне кладбищ	ВОВ, братские могилы, ме- мориалы на кладбищах	Всего мо- нументов, посвящён- ных ВОВ, по городам	Доля монументов, посвящённых ВОВ, от общего числа монументов, посвящённых ГП событиям
Выборг	Общее					4	36 %
	Региональное	1		1	2		
Нарьян-Мар	Общее	2				7	50 %
	Региональное	5					
Тихвин	Общее					11	100 %
	Региональное	4	2	3	2		
Архангельск	Общее	4				12	60 %
	Региональное	4		1	3		
Псков	Общее	1		2	1	20	77 %
	Региональное	7	1	6	2		
Вологда	Общее	5				23	85 %
	Региональное	13	2	1	2		
Мурманск	Общее	5				26	51 %
	Региональное	20			1		
Калининград	Общее	7				55	60 %
	Региональное	29		19			
Санкт-Петербург	Общее	13				221	84 %
	Региональное	20	85	26	77		
Всего по типам		140	90	59	90	379	

Источник: составлено авторами

обладают военные монументы с региональной спецификой (в Архангельске общей и региональной коннотации в монументах – поровну).

На основании этих данных и с учётом исторической близости и масштаба ГП события по размерам людских и материальных потерь можно утверждать об общем соответствии символи-

ческой политики во всех городах фактической приоритетной значимости ВОВ для ГП памяти во всех модельных городах. Такое однозначное соответствие, однако, не присуще многим другим ГП событиям.

Проследим иерархию всех прочих событий/посвящений, отражённых в символике мемориалов, кроме ВОВ.

Для каждого города была составлена иерархия встречаемости посвящений в ГП монументах по описанным категориям, которая была названа выраженным в мемориалах местным символическим геополитическим следом (далее – ГП след) (табл. 2). Дополнительно была составлена картосхема, отражающая различия в формировании символического геополитического следа в городах СЗФО РФ. На картосхеме в целях лучшего визуального восприятия все ГП события разбиты по 6 группам с учётом хронологии:

1. Великая Отечественная война;
2. Другие войны и события XX в.;
3. Войны и ГП события XIX в.;

4. Войны и ГП события XVIII в.;
5. Войны и ГП события до XVIII в. и группа;

6. Исследования/открытия/освоение (рис. 1).

Вначале отметим общие особенности относительной гипертрофии/недопредставленности¹ ГП событий, отмеченные во всей выборке. Нам не удалось выявить единую закономерность, по которой в монументальной символической политике оказывается представлена память о тех или иных ГП событиях. Среди войн и сраже-

¹ Отдельных событий по сравнению с прочими в отдельных городах по сравнению с прочими.

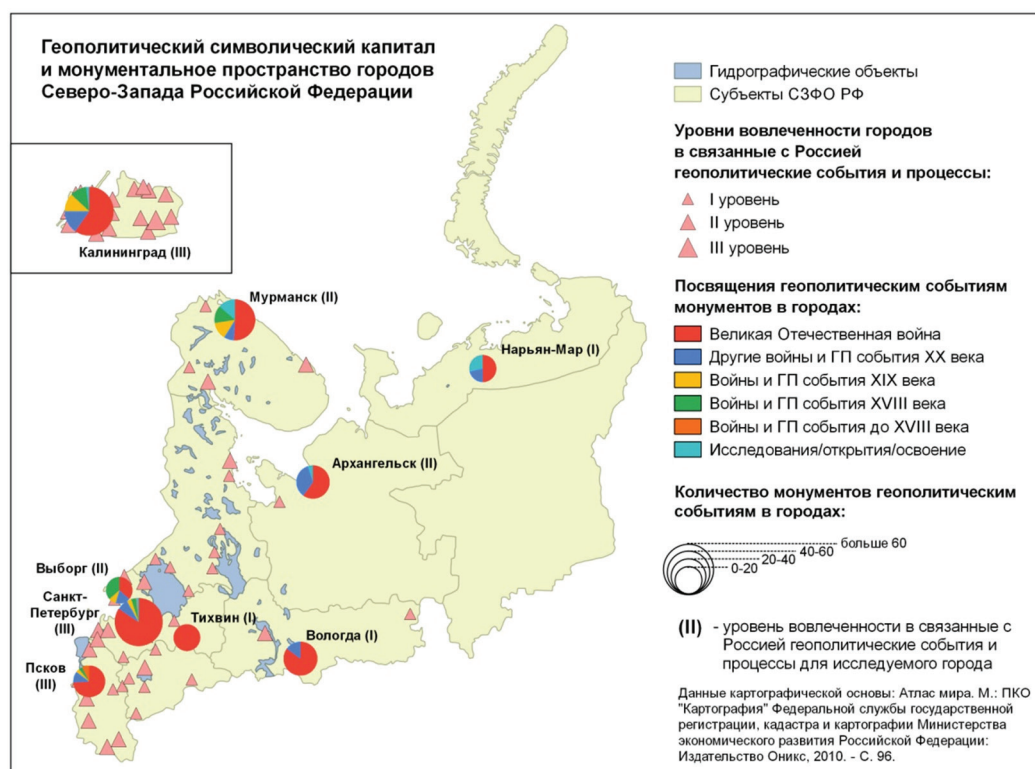

Рис. 1 / Fig. 1. Геополитический символический капитал и монументальное пространство городов Северо-Запада РФ / Geopolitical symbolic capital and monumental space of the cities of the North-West of the Russian Federation

Источник: составлено авторами

ний, которые вела Россия, начиная с XVIII в., как увековеченными, так и непредставленными, оказываются и победоносные¹, и проигранные²; удалённые в истории, и недавние; значимые для региона и незначимые³.

В задачи данной работы не входит детальный анализ причин и механизмов подобного явления. Здесь мы лишь фиксируем его наличие и результаты его влияния на формирование интересующих нас геополитических следов. Стоит оговориться, что сразу в нескольких городах была зафиксирована тенденция компенсации такой недопредставленности после 2000 г. – значительное количество важных событий, включая Первую Мировую и Финскую войны, которые впервые были отмечены монументами, иногда возведёнными по частной инициативе и на ведомственной территории, и не попавшими в реестры охраны. Этот процесс мы объясняем повышением общественного запроса на восстановление и закрепление ГП аспектов исторической памяти в России в целом.

На основании сравнения представленных данных можно заключить, что все указанные выше ГП критерии, которые были использованы при классификации и выборе городов, в той или

иной степени оказывали влияние на дифференциацию местных геополитических следов.

Так, в Санкт-Петербурге максимально выражен фактор влияния столичности. Там в гораздо большей степени представлены символы памяти о войнах/событиях, не связанных напрямую с данной территорией: монументов с общей спецификой насчитывается 65,8% (не считая ВОВ) от общего числа монументов, посвящённых ГП событиям (табл. 2). Количество представленных событий больше, монументы более масштабны («главные» монументы, триумфальные арки и др.). Важно, что все эти особенности относятся преимущественно к периоду столичности города⁴.

Для Калининграда и Пскова, как прочих столиц в нашей выборке (столица Тевтонского ордена XV–XVI вв., герцогства Пруссия в XVI–XVII вв., королевства и республики Пруссия в XVIII–XX вв. и столица Псковской республики XIV–XVI вв. соответственно), фактор столичности оказался нивелирован действиями иных факторов: как исторической удалённостью этих периодов, так и фактором перехода территории под другие суверенитеты, сопровождавшимся сменой символической политики, которая была направлена на установление

¹ Из победоносных не представлены только Балканских войн, войн с Персией и Турцией, Кавказская война и др.

² Среди проигранных / с неопределённым исходом – недопредставленные масштабные Крымская и Первая Мировая (кроме Калининграда) или хорошо представленная Афганская.

³ В нескольких городах сразу перепредставлена память, скажем, о малоизвестной ныне Греческой национально-освободительной революции 1821–1829, а именно о Наваринском морском сражении, причём не только в связи с именем М. Лазарева.

⁴ Хорошую иллюстрацию всем описанным особенностям монументальной символической политики «столичности» представляют Московские триумфальные Ворота, возведённые в 1834–1838 гг. при въезде в Санкт-Петербург с надписью «Победоносным российским войскам в память подвигов в Персии, Турции и при усмирении Польши в 1826, 1827, 1828, 1829, 1830 и 1831 годах» на русском и латинском языках, тем самым ориентируясь и на «глобальную» аудиторию.

новой лояльности и идентичности. Возможно, данную особенность также можно отнести к особенностям формирования геополитических следов в таком типе столиц [10]. На примере Калининграда, как наиболее близком по времени, можно выделить как минимум 2 фазы такой политики после ВОВ [14].

Если в советское и раннее постсоветское время в Калининграде главной тенденцией была гипертрофия / замалчивание эпох (период 1941–1990 гг. гипертрофировался, прусский период – замалчивался), то после 2000 г. начался этап городской символической политики, связанный с активизацией процесса замещения прусской ГП символики российской, уже связанной не только с периодом 1941–1990 гг. Появились многочисленные монументы русским полко-, флотоводцам и победам, не связанным с регионом и относящимся к общей российской ГП истории досоветских периодов. При этом продолжается разрушение части прусских монументов, некоторые полностью замещаются новыми объектами¹, лишь отдельные – восстанавливаются. Показателен пример Первой мировой войны, сражения которой Россия вела на этой территории с Германией. В Калининграде зафиксировано 6 посвящённых этой войне монументов/мемориалов с местной спецификой: 4 – немецкие (из них 2 – частично разрушены), 2 – русские и 4 – с общей коннотацией: 3 немецкие (1 – частично разрушен), 1 русский. Это означает политику неполного замещения

прусско-немецкого символического капитала об общем с Россией ГП событии, но отчётливого обозначения тенденции смены его на российский. Политика замещения наблюдалась и в Выборге, в частности, на примере разрушенного финского монумента независимости, повреждённые скульптурные элементы которого были перемещены из центра города в парк Монрепо, но уже без указаний на изначальную символику.

Уже упомянутый фактор смены суверенитета над территорией (критерий № 3 в нашей классификации²) можно искать как в символах борьбы с иностранным контролем, так и в символах самого иностранного присутствия.

За пределами описанного случая Калининграда к таким символам были отнесены: монументы Невской битвы и битвы на Чудском озере 1240–1242 гг. (по 1 – в Санкт-Петербурге и Пскове соответственно); Северной войне 1700–1721 гг. (4 – в Выборге, по 1 – в Санкт-Петербурге и Пскове). Отдельное место занимает память об иностранной интервенции 1918–1920 гг. Представленность объектов памяти о ней отражает меру вовлечённости территории в реальные события: 5 объектов – в Архангельске, 2 – в Мурманске и 1 – в Нарьян-Маре связаны с интервенцией стран Антанты, и 1 – в Пскове, посвящённый германской интервенции 1918 г.³

¹ Так, прусский монумент Франко-прусской войне 1870–1871 гг. долгое время оставался частично разрушенным, а после 2000 г. полностью уничтожен и замещён фонтаном.

² Аксёнов К. Э., Гресь Р. А. Методология определения уровней вовлечённости городов в связанные с Россией геополитические события и процессы [Электронный ресурс]. URL: <https://drive.google.com/file/d/11g8INdBBB0pPkashJnWK5wAxuPgc3szl/view?usp=sharing> (дата обращения: 04.05.2023).

³ В Вологде, где располагался штаб борьбы с интервенцией на Севере, память о ней пред-

Большинство из объектов – мемориальны (есть и братские могилы интервентов с мемориальными указаниями) и с местной спецификой, что, вероятно, особо значимо для формирования и закрепления идентичности. Так, для Архангельска именно интервенция занимает по числу исследованных объектов второе после ВОВ место в иерархии тематик ГП посвящений, очевидно формируя уникальную специфику ГП следа в городе (рис. 1).

Фактор геополитического положения (критерий 2 выше) нашёл символическое отражение в 3 главных маркерах. В макро-масштабе это – монументы-символы международного распространения идеологического и политического влияния России-СССР в виде монументов деятелям и проявлениям международного социал-демократического/коммунистического движения (российского/советского происхождения), а также «социалистического лагеря». В мезо-масштабе это всё, что закрепляет память о российско-советских зарубежных исследованиях/открытиях/освоении, реально или потенциально влиявших на геополитическое положение России. Ну и наконец, это память о событиях, связанных с приобретением/потерей/удержанием территорий России/СССР, не относящаяся к войнам.

Символы распространения коммунистического/советского влияния характерны более для региональных столиц: 4 – в Санкт-Петербурге, 2 – в Калининграде, по 1 – в Архангельске¹

ставлена мемориальной табличкой на стене здания штаба, этот тип объектов не попадает в нашу выборку.

¹ Уникальной особенностью Архангельска выступает то, что там находится могила-па-

и Вологде. Не обнаружены они лишь в Мурманске, Нарьян-Маре, Пскове и субрегиональных центрах.

Тематика российских исследований/открытий/освоения представлена в монументах всех приморских городов в выборке (в Нарьян-Маре и Мурманске она количественно вторая по значимости после ВОВ). Во всех городах, кроме столичного Санкт-Петербурга и меняющего свой монументальный символический капитал Калининграда, в коннотации таких символических объектов преобладает региональная специфика (освоение океана и Севера).

Память о событиях, связанных с приобретением/потерей/удержанием территорий России/СССР и не относящаяся к войнам, представлена увековеченными в монументах подавлениями 2 Польских восстаний: уже упомянутого выше 1831 г. – в Санкт-Петербурге, напрямую указанного на Триумфальных воротах, и косвенно – в виде монументов А. Суворову в Санкт-Петербурге и Калининграде, в числе главных государственных заслуг которого числится подавление восстания под предводительством Т. Костюшко 1794 г. Кроме того, практически во всех приграничных городах встречаются монументы пограничникам, что закрепляет в ГП символическом капитале значимость особого геополитического положения города.

Попытаемся обобщить сравнение «геополитических следов», оставленных монументами в модельных городах. Самые существенные показатели различий «геополитических следов»,

мятник Тойво Антикайненена, организатора компартии Финляндии, что делает здесь данную тематику более «укоренённой».

помимо упомянутых, в нашей базе формируются 3 основными показателями: количеством тематик посвящённых в номинациях объектов, количественная представленность/иерархия этих тематик в монументах, и наличие уникальных посвящений/объектов в монументах города.

Иерархия количества тематик посвящений, встречающихся в городах, не соответствует иерархиям ни людности, ни времени существования последних. Фактор столичности также не является решающим: в Калининграде увековечено столько же ГП событий (18), сколько и в Петербурге (18). Версия объяснения этому представлена выше. Несколько удивительным выступает разрыв между третьим по количеству встречаемых ГП посвящений в монументах Мурманском (15) и всеми остальными городами: в Пскове – 7, Архангельске – 5, Нарьян-Маре – 4, Выборге – 4, Вологде – 3 и Тихвине – 1. Во всех городах одним из событий является ВОВ (других ГП событий, увековеченных в монументах сразу всех городов – нет), в Тихвине других ГП посвящений не встречается. Причиной такого разрыва, очевидно, выступает принципиально меньшая значимость ГП проблематики в целом для городов за пределами «первой тройки» крупных административных центров с важным геополитическим положением в их символической политике как прошлого, так и настоящего.

Так, к городам с минимальной значимостью ГП проблематики вполне объяснимо относятся все 3 города низшего первого уровня нашей классификации вовлечённости городов в связанные с Россией ГП события и процессы, к городам с максимальной

значимостью – 2 города из третьего, высшего.

Различия в иерархиях событий (за вычетом ВОВ, описанной выше) по количеству объектов, им посвящённым в городах, представлены в таблице 1 и на картосхеме (рис. 1). В Санкт-Петербурге более чем одним монументом увековечено 7 событий (кроме ВОВ). Максимальное количество (7) посвящено Финской войне (5 братских могил и 2 монумента). Следом идёт Русско-Японская (6, 1 из них – братская могила¹) по 4 монумента посвящены Русско-турецкой 1768–1774 гг., Отечественной и наполеоновским 1812–1815 гг. войнам, а также распространению коммунистического влияния в мире и отечественным исследованиям/открытиям. Интересно, что почти половина событий представлена только общей коннотацией, что можно отнести на действие фактора столичности. Выше мы уже отмечали проблематику недо- и перепредставленности тех или иных ГП тематик в городской символической политике, в первую очередь, в Санкт-Петербурге, Калининграде и Выборге.

В Калининграде объяснимо с большим отрывом лидирует тематика регионально значимой Первой мировой войны, большинство остальных посвящений в значительной мере могут быть отнесены на последствия политики замены монументального символического капитала после смены суверенитета.

В Архангельске, Вологде и Нарьян-Маре все тематики посвящений (даже включая Афганскую войну с учётом

¹ Крейсер «Аврора», участвовавший в этой войне, мы к её мемориальным объектам не относили.

наличия братской могилы и региональных коннотаций) коррелируют с региональной вовлечённостью в последние по времени события. Это определяется в значительной мере ГП положением, актуализируемым в связи с ростом интереса всех геополитических акторов к Арктическому региону. В древних приграничных Пскове и Выборге к ним добавляются и более отдалённые во времени региональные ГП события.

В портовом Мурманске лидирует тематика исследований и открытий, большинство же остальных посвящений, которые непосредственно не относятся к истории Мурманска, связаны с уклоном ГП символической политики в увековечивание памяти русских флотоводцев, что также вполне можно относить к специфике ГП положения города. Подобный уклон отмечается и в Калининграде.

Ну и наконец, стоит особо упомянуть об *уникальных* событиях в посвящениях монументов, обнаруженных в геополитическом следе городов, отличных просто от региональной коннотации. Таковые обнаруживаются на могилах в Петербурге и Архангельске и в монументах 5 – войнам и 1 – восстанию: в Петербурге, Мурманске, Калининграде, Вологде и Пскове, причем только в последних двух городах такие монументы связаны с региональной коннотацией события (табл. 2). Уникальные памятники связаны в большинстве случаев с событиями XVI – начала XX вв., а не событий большей части XX в., за исключением Вологды и Архангельска. Среди уникальных монументов есть посвящённый эпохе Холодной войны мемориальный объект матросу-подводнику Сергею Премину в Вологде. Других

монументов, связанных с Холодной войной, нами найдено не было.

Заключение

Таким образом, мы показали, что геополитическая коммеморация, хотя и является значимым аспектом монументального символического капитала во всех рассмотренных городах, но в существенно разной степени и в связи с действием разных факторов. Иерархию встречаемости посвящений в ГП монументах мы назвали выраженным в мемориалах местным символическим геополитическим следом. Нами подтверждена значимость всех 3 ГП критериев классификации городов, использованных для составления выборки; эти критерии значимо дифференцировали геополитический след, прослеживаемый в монументальных символах городов. Самым существенным для такой дифференциации было влияние факторов столичности и смены суверенитетов.

Так, фактор влияния столичности оказался максимально выражен для Санкт-Петербурга по сравнению с исторически более ранними столицами Калининградом/Кёнигсбергом и Псковом. В столицах в гораздо большей степени представлены общие символы памяти о войнах/событиях, относящихся преимущественно к периоду столичности города и не связанных напрямую с данной территорией. Количество представленных событий больше, монументы более масштабны.

Фактор смены суверенитета над территорией оказался существенно значимее фактора столичности. В некогда столичном Калининграде (как и в нестоличном Выборге) описана специфика и некоторые результаты политики

замещения символического капитала. Эта политика связана как с особенностями гипертрофии/замалчивания эпох в символической политике по отношению к региональной ГП истории, так и в прямом замещении предыдущей национально-государственной ГП символики – российской, не связанной с регионом и относящейся к общей российской ГП истории периодов до установления советского/российского суверенитета. Фактор иностранной интервенции 1918–1920 гг. оказался крайне значимым для ГП коммеморации в затронутых ею городах; оккупация же городов в годы ВОВ не выделяется среди прочих аспектов общей и региональной ГП коммеморации этой войны, выраженной в монументах. В целом же ВОВ, с преобладанием региональной символики в памяти о ней, была главным ГП событием, отражённым в монументальных символах исследуемых городов.

Символы распространения коммунистического/советского влияния более характерны для региональных столиц. Тематика российских исследований/открытий/освоения с региональной коннотацией (кроме Калининграда) максимально значима в монументах всех приморских городов в выборке. Память о событиях, связанных с приобретением/потерей/удержанием территорий России/СССР и не относящаяся к войнам, представлена увековеченными в монументах подавлениями двух Польских восстаний. Кроме того, практически во всех приграничных городах встречаются

монументы пограничникам, что закрепляет в монументальном пространстве значимость особого геополитического положения города.

Представленное в таблице 2 и на картосхеме (рис. 1) сравнение геополитических следов, оставленных монументами в модельных городах показывает, что специфика тематик и параметры присутствия ГП символов коррелируют с мерой вовлечённости города/региона в те или иные ГП события.

В целом можно заключить, что географические различия в геополитическом символическом капитале, представленном ресурсами монументального пространства разных городов Северо-Запада РФ, весьма существенны, и столь значительные различия требуют учёта в политике и практике управления городами и регионами. В условиях повышенного внимания различных общественных акторов к геополитической проблематике памятники, имеющие такую коннотацию, представляют собой ресурс для её интерпретации и использования в целях достижения политического доминирования в символической политике, о чём свидетельствует развернувшаяся в мире масштабная «война памятников». При этом значимость именно урбанистических символов, закреплённых и тем самым «легитимизированных» в городском материальном пространстве, существенно повышает эффективность основанного на них символического менеджмента.

Статья поступила в редакцию 26.04.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Абалмасова Н. Е. Технологии «symbolic management» в российской региональной политике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 1. С. 132–137.
2. Аксенов К. Э., Андреев М. В. Городская символическая политика и пространственная диффузия геополитических инноваций в Российской Федерации // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2022. № 6. С. 870–887.
3. Аксёнов К. Э., Яралян С. А. Идеологизация пространства с использованием городской топонимики в странах СНГ // Региональные исследования. 2012. № 1. С. 3–11.
4. Бабурин В. Л. Инновационные циклы в российской экономике. М., 2002. 120 с.
5. Бурдые П. Практический смысл / пер. с фр. под ред. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
6. Бурдые П. Культурный капитал // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 3. С. 60–74.
7. Волхонский М. А., Ярлыкапов А. А. Символическая политика Грузии и Азербайджана на территории России: два исследовательских кейса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 3. С. 605–618.
8. Высоковский А. А. Субстанциональные свойства среды // Городская среда: проблемы существования: сб. ст. / под ред. А. А. Высоковского, Г. З. Каганова. М., ВНИИТАГ, 1990. 192 с.
9. Гельман В. Я. Политические элиты и стратегии региональной идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 4. № 2. С. 91–105.
10. Горелова Ю. Р. Образ города в восприятии горожан. М: Институт наследия, 2019. 154 с.
11. Ефремова В. Н. О некоторых теоретических особенностях исследования символической политики // Символическая политика. Вып. 3: Политические функции мифов / отв. ред. О. Ю. Малинова. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 50–65.
12. Замятин Д. Н. Геополитика образов и структурирование метапространства // ПОЛИС. Политические исследования. 2003. № 1. С. 82–103.
13. Замятин Д. Н. Власть пространства и пространство власти: Географические образы в политике и международных отношениях. М.: РОССПЭН, 2004. 352 с.
14. Кретинин Г.В., Маслов Е.А., Миронюк Д. А. Формирование мемориально-монументального ландшафта памяти в Калининградской области Российской Федерации // Кретинин Г. В. Война и мир: исследования по российской и всеобщей истории. Калининград, 2018. С. 386–403.
15. Кучабский О., Копец К. “Последняя” волна декоммунизации урбанониими в Украине и Польше: сравнительный анализ // Грані. 2020. Т. 23. № 8. С. 37–48.
16. Ларюэль М. Переосмысление империи в постсоветском пространстве: новая евразийская идеология // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 5–18.
17. Малинова О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // ПОЛИС. Политические исследования. 2010. № 2. С. 90–105.
18. Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2019. № 9. С. 285–312.
19. Полякова Н. В. К вопросу о символических аспектах современной белорусской политики памяти: национализм vs западнорусизм // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 52. С. 205–212.
20. Поцелуев С. П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // ПОЛИС. Политические исследования. 1999. Т. 5. С. 62–75.

21. Россия регионов: трансформация политических режимов / под ред. В. Гельмана, С. Рыженкова, М. Бри. М.: Весь мир, 2000. 376 с.
22. Тяпин И. Н. Отражение внешнеполитического положения России в отечественной геополитической мысли: история и современность // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2017. Т. 1. № 3. С. 6–23.
23. Федотова Н. Г. Роль медиакоммуникаций в формировании символического капитала места // *Международный журнал исследований культуры*. 2017. № 2. С. 65–76.
24. Федотова Н. Г., Васильева Н. Ю. Символический капитал Великого Новгорода в дискурсе социальных медиа // *Знак: Проблемное поле медиаобразования*. 2017. № 2. С. 119–127.
25. Федотова Н. Г. Символический капитал места: понятие, особенности накопления, методики исследования // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2018. № 29. С. 141–155.
26. Якунин В. И. Формирование геостратегий России. Транспортная составляющая. М.: Мысль, 2005. 223 с.
27. Eisenstadt S. N., Schluchter W. Introduction: paths to early modernities: a comparative view // *Daedalus*. 1998. Vol. 127. № 3, pp. 1–18.
28. Flint C. Introduction to geopolitics. London: Routledge, 2012. 296 p.
29. Forest B., Johnson J. Monumental Politics: Regime Type and Public Memory in Post-Communist States // *Post-Soviet Affairs*. 2011. Vol. 27. № 3. P. 269–288.
30. Gottmann J. La Politique des Etats et leur geographie. Paris: A. Colin, 1952. 228 p.
31. Lacoste Y. Rivalries for territory // *Geopolitics*. 2000. № 5. P. 120–158.
32. O'Loughlin J., Talbot P. F. Where in the World is Russia? Geopolitical Perceptions and Preferences of Ordinary Russians // *Eurasian Geography and Economics*. 2005. № 46:1. P. 23–50.
33. Rethinking geopolitics / eds. G. U Tuathail, S. Dalby. London: Routledge, 1998. 333 p.

REFERENCES

1. Abalmasova N. E. [Technologies of “symbolic management” in the Russian regional policy]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 4: History. Regional studies. International relationships], 2012, no. 1, pp. 132–137.
2. Aksenov K. E., Andreev M. V. [Urban symbolic politics and spatial diffusion of geopolitical innovations in the Russian Federation]. In: *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya geograficheskaya* [Izvestia of the Russian Academy of Sciences. Geographical series], 2022, no. 6, pp. 870–887.
3. Aksenov K. E., Yarlyan S. A. [Ideologization of space using urban toponymy in the CIS countries]. In: *Regionalnye issledovaniya* [Regional studies], 2012, no. 1, pp. 3–11.
4. Baburin V. L. *Innovatsionnye tsikly v rossiiskoi ekonomike* [Innovative cycles in the Russian economy]. Moscow, 2002. 120 p.
5. Bourdieu P. *Sens pratique* (Rus. ed.: Shmatko N. A., ed. of transl. *Prakticheskiy smysl*. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001. 562 p.)
6. Bourdieu P. [Cultural capital]. In: *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology], 2005, vol. 6, no. 3, pp. 60–74.
7. Volkhonsky M. A., Yarlykapov A. A. [Symbolic policy of Georgia and Azerbaijan on the territory of Russia: two research cases]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International relations], 2020, vol. 20, no. 3, pp. 605–618.

8. Vysokovsky A. A. [Substance properties of the environment]. In: Vysokovsky A. A., Kaganov G. Z., eds. *Gorodskaya sreda: problemy sushchestvovaniya* [Urban environment: problems of existence]. Moscow, VNIITAG Publ., 1990. 192 p.
9. Gelman V. Ya. [Political elites and strategies of regional identity]. In: *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2003, vol. 4, no. 2, pp. 91–105.
10. Gorelova Yu. R. *Obraz goroda v vospriyatii gorozhan* [The image of the city in the perception of citizens]. Moscow, Institut naslediya Publ., 2019. 154 p.
11. Efremova V. N. [On some theoretical features of the study of symbolic politics]. In: Malinova O. Yu., ed. *Simvolicheskaya politika. Vyp. 3: Politicheskie funktsii mifov* [Symbolic politics. Iss. 3: Political functions of myths]. Moscow: INION RAN Publ., 2015, pp. 50–65.
12. Zamyatin D. N. Geopolitics of images and structuring of metaspace // *POLIS. Political studies*. 2003. No. 1. S. 82–103.
13. Zamyatin D. N. *Vlast' prostranstva i prostranstvo vlasti: geograficheskie obrazy v kontrole i mezhdunarodnykh otnosheniyakh* [The power of space and space of power: Geographical images in politics and international relations]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 352 p.
14. Kretinin G. V., Maslov E. A., Mironyuk D. A. [Formation of the memorial-monumental landscape of memory in the Kaliningrad region of the Russian Federation]. In: Kretinin G. V. *Voina i mir: issledovaniya po rossiiskoi i vseobshchei istorii* [War and peace: research on Russian and general history]. Kaliningrad, 2018, pp. 386–403.
15. Kuchabsky O., Kopets K. [The “last” wave of decommunization of urbanonymy in Ukraine and Poland: a comparative analysis]. In: *Granі* [Grani], 2020, vol. 23, no. 8, pp. 37–48.
16. Laruelle M. [Rethinking the empire in the post-Soviet space: a new Eurasian ideology]. In: *Vestnik Yevrazii* [Bulletin of Eurasia], 2000, no. 1, pp. 5–18.
17. Malinova O. Yu. [Symbolic politics and the construction of macropolitical identity in post-Soviet Russia]. In: *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political studies], 2010, no. 2, pp. 90–105.
18. Malinova O. Yu. [The politics of memory as an area of symbolic politics]. In: *METOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestva vedicheskikh distsiplin* [METHOD: Moscow Yearbook of Works from Social Science Disciplines], 2019, no. 9, pp. 285–312.
19. Polyakova N. V. [On the issue of the symbolic aspects of the modern Belarusian policy of memory: nationalism vs. Western Russianism]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science], 2019, no. 52, pp. 205–212.
20. Potseluev S. P. [Symbolic politics: constellation of concepts for approach to the problem]. In: *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political studies], 1999, vol. 5, pp. 62–75.
21. Gelman V., Ryzhenkov S., Bree M., eds. *Rossiya regionov: transformatsiya rezhimov* [Russia of regions: transformation of political regimes]. Moscow, Ves Mir Publ., 2000. 376 p.
22. Tyapin I. N. [Reflection of the foreign policy position of Russia in domestic geopolitical thought: history and modernity]. In: *Historia provinciae – zhurnal sobytii istorii* [Historia provinciae – a journal of regional history], 2017, vol. 1, no. 3, pp. 6–23.
23. Fedotova N. G. [The role of media communications in the formation of the symbolic capital of the place]. In: *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kultury* [International Journal of Cultural Studies], 2017, no. 2, pp. 65–76.
24. Fedotova N. G., Vasilyeva N. Yu. [The symbolic capital of Veliky Novgorod in the discourse of social media]. In: *Znak: Problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign: Problematic field of media education], 2017, no. 2, pp. 119–127.

25. Fedotova N. G. [Symbolic capital of a place: concept, features of accumulation, research methods]. In: [Bulletin of the Tomsk State University. Cultural studies and art history], 2018, no. 29, pp. 141–155.
26. Yakunin V. I. *Formirovanie geostrategii Rossii. Transportnaya sostavlyayushchaya* [Formation of geostrategies in Russia. transport component]. Moscow, Mysl Publ., 2005. 223 p.
27. Eisenstadt S. N., Schluchter W. Introduction: paths to early modernities: a comparative view. In: *Daedalus*, 1998, vol. 127, no. 3, pp. 1–18.
28. Flint C. *Introduction to geopolitics*. London, Routledge, 2012. 296 p.
29. Forest B., Johnson J. Monumental Politics: Regime Type and Public Memory in Post-Communist States. In: *Post-Soviet Affairs*, 2011, vol. 27, no. 3, pp. 269–288.
30. Gottmann J. *La Politique des Etats et leur geographie*. Paris, A. Colin, 1952. 228 p.
31. Lacoste Y. Rivalries for territory. In: *Geopolitics*, 2000, no. 5, pp. 120–158.
32. O'Loughlin J., Talbot P. F. Where in the World is Russia? Geopolitical Perceptions and Preferences of Ordinary Russians. In: *Eurasian Geography and Economics*, 2005, no. 46:1, pp. 23–50.
33. У Туахил Г., Далби С., eds. *Rethinking geopolitics*. London, Routledge, 1998. 333 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Аксенов Константин Эдуардович – доктор географических наук, профессор кафедры региональной политики и политической географии Института наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет;
e-mail: axenov@peterlink.ru

Гресь Роберт Андреевич – младший научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН, аспирант Института управления и территориального развития, Балтийский федеральный университет имени И. Канта;
e-mail: Robert.a.gres@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Konsantin E. Aksenov – Dr. Sci. (Geography), Prof., Department of Regional Policy and Political Geography, Institute of Earth Sciences, St. Petersburg State University;
e-mail: axenov@peterlink.ru;

Robert A. Gres – Research Assistant, Institute for Regional Economic Studies of the Russian Academy of Sciences, Postgraduate Student, Immanuel Kant Baltic Federal University;
e-mail: Robert.a.gres@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Аксёнов К. Э., Гресь Р. А. Геополитический символический капитал и монументальное пространство городов Северо-Запада РФ // Географическая среда и живые системы. 2023. № 2. С. 113–137.

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-113-137

FOR CITATION

Aksenov K. E., Gres R. A. Geopolitical symbolic capital and monumental space of cities in the North-West of the Russian Federation. In: *Geographical Environment and Living Systems*, 2023, no. 2, pp. 113–137.

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-113-137

УДК 911.3 (470)

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-138-153

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ ГОРНОЗАВОДСКОГО УРАЛА И РАЗВИТИЕ ТУРИСТСКИХ АТТРАКЦИЙ

Фирсова А. В.

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
614090, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть литературные ландшафты, сложившиеся за последние 50 лет в г. Сысерти, г. Полевском, п. Висим и рп. Всеволодо-Вильва, определить вклад художественной литературы в формирование аутентичности культурного ландшафта.

Процедуры и методы. Каждый из рассмотренных ландшафтов имеет общие структурные элементы: мемориальные музеи, литературные места, исторические памятники и природные аттракции, историю освоения и методы развития. Изучение ландшафтов происходит с опорой на литературно-географический подход, историко-функциональный и геопозитический анализ текста, туристское проектирование. Материалом исследования являются произведения Д. Н. Мамина-Сибиряка, П. П. Бажова, Б. Л. Пастернака, а также проектная деятельность литературных музеев в п. Висим, г. Сысерти, г. Полевском и рп. Всеволодо-Вильва.

Результаты. Литературный ландшафт п. Висим связан с именем Д. Н. Мамина-Сибиряка – он мемориальный и «реалистически достоверный», как и творчество писателя. Он развивается через традиционные методы музеефикации. Литературные ландшафты П. П. Бажова имеют ассоциативный характер, связаны с героями сказов, развиваются в направлении освоения природных территорий и ревитализации промышленных зон. В литературном ландшафте Б. Л. Пастернака особое значение имеют природные пейзажи, они выстраиваются в ряд геопозитических образов Урала как мира, приближённого к истокам бытия. Для жизни и развития каждого из литературных ландшафтов важны непрерывающиеся процессы культурного проектирования – в этом случае они сохраняют свою аттрактивность.

Теоретическая и/или практическая значимость. Впервые ландшафты, связанные с отдельными периодами жизни Д. Н. Мамина-Сибиряка, П. П. Бажова и Б. Л. Пастернака, представлены как примеры единого горнозаводского ландшафта. Стратегия успешно развивающихся литературных ландшафтов применима для других подобных.

Ключевые слова: горнозаводская цивилизация, литературный ландшафт, музей, туристское проектирование

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» в рамках гранта № 02/2021-И «Первый литературный атлас России: важнейшие литературные места, ландшафты, путешествия и образы».

LITERARY LANDSCAPES OF THE MINING URALS AND THE DEVELOPMENT OF TOURIST ATTRACTIONS

A. Firsova

*Perm State University
ul. Bukireva 15, Perm 614090, Russia Federation*

Abstract

Aim. We consider literary landscapes that have developed over the past 50 years in such settlements as Polevskaya, Visim and Vsevolod-Vilva, and define the contribution of fiction literature to the formation of the cultural landscape authenticity.

Methodology. Each of the considered landscapes has common structural elements: memorial museums, literary places, historical monuments, natural attractions, development history and development methods. The study of landscapes is based on the literary-geographical approach, as well as historical-functional and geopoetic analysis of the text and tourist product design approach. The research material is the creative heritage of D.N. Mamin-Sibiryak, P.P. Bazhov, B.L. Pasternak, as well as the project activities of literary museums in Visim, Polevskaya and Sysert, Vsevolodo-Vilva.

Results. The literary landscape of Visim is connected with the work of D. N. Mamin-Sibiryak: it is memorial and “realistically authentic” as the work of the writer. It develops through traditional methods of museumification. The literary landscapes of P. P. Bazhov have an associative character, are connected with the heroes of fairy tales, and are evolved in the direction of natural territories development and of industrial area revitalization. In the literary landscape of B. L. Pasternak, natural landscapes are of particular importance; they line up in a series of poetic images of the Urals as a primordial world that is close to the origins of existence. Continuous processes of cultural designing are important for the life and development cycles of each of the literary landscapes, which, in this case, retain their attractiveness.

Research implication. For the first time, landscapes associated with individual periods of the life of D. N. Mamin-Sibiryak, P. P. Bazhov, B. L. Pasternak are presented as examples of a single mining landscape. The strategy of successfully developing literary landscapes is applicable to other similar ones.

Keywords: mining civilization, literary landscape, museum, tourist design

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Geographical Society public organization within the framework of grant no. 02/2021-I “The First Literary Atlas of Russia: the most important literary places, landscapes, travels and images”.

Введение

Цитата из письма А. П. Чехова – яркий пример писательского восприятия уральцев: «Здесь люди внушают приезжему нечто вроде ужаса. Скуластые, лобастые, широкоплечие, с маленькими глазами, с громадными кулачищами. Родятся они на местных чугунолитейных заводах и при рож-

дении их присутствует не акушер, а механик»¹. Возможно, такое образное описание обусловлено антропогеографическим подходом, характерным для

¹ Чехов А. П. Письмо Н. Н. Оболенскому. 29 апреля 1890 г. Екатеринбург // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем. Т. 4. Январь 1890 – февраль 1892. М.: Наука, 2009. С. 69.

науки того времени, в котором человек изучался как объект воздействия природного ландшафта. Однако не только физиогномическая зарисовка, но и художественно-изобразительные средства приведённого отрывка (эпитеты, гиперболы) оказывают влияние на наше восприятие места и формируют его *геокультурный образ* – «систему взаимосвязанных знаков, символов, ярко и просто характеризующих территорию» [5, с. 273]. Слово «завод» в этом отрывке приобретает значение мифопоэтическое – это «месторождение» уральцев. «Завод» может рассматриваться как *геоконцепт* – «знаковое место, имя которого является неотъемлемой частью картины мира определённого человеческого сообщества» [6, с. 107].

Действительно, более 100 населённых пунктов на Урале являются наследниками заводских поселений XVIII в. Пейзажные и бытовые зарисовки посёлков-заводов становятся общим местом в путевых очерках по региону¹. Социальные типы, быт и нравы, мифология и религия жителей заводов являются предметом изображения в первых уральских романах Ф. М. Решетникова, Д. Н. Мамина-Сибиряка, в сказах П. П. Бажова. В культурологических очерках Л. В. Баньковского технические открытия уральских заводов приобретают эпитет «впервые в России». Концентрация производ-

ства в Уральском регионе отражена в метафоре «опорный край державы» А. Т. Твардовского, в названии цикла фильмов «Хребет России» А. В. Иванова.

Конгломерат художественных текстов, различных по жанру и времени создания, посвящённых одному региону, а также комплекс внетекстовых, природных и индустриальных реалий формирует *локальный текст* – стабильную сетку семантических констант, которые выступают в качестве «матрицы новых репрезентаций, <...> определяют восприятие и видение места» [1, с. 24]. Устойчивым образом региона в литературе станет представление об особой, исторически сложившейся здесь, *горно-заводской цивилизации*.

Признанные в национальной культуре литературные произведения, связанные с определённым пространственно-временным континуумом, создают не только геокультурные образы, но и вполне осязаемые *литературные места* – мемориальные, ассоциативные и комплексные [4, с. 16].

Концентрация литературных мест позволяет выделить *литературный ландшафт*, который аккумулирует характерные региональные образы, свидетельствует об историко-культурном единстве региона, имеет конкретное содержание, пространственную структуру и границы [9, с. 146].

В. Н. Калущков выделяет в литературном ландшафте центральное литературное место (как правило, мемориальное, связанное с жизнью и творчеством писателя), литературные места второго порядка (объекты, отмеченные присутствием писателя, места действия произведений, площадки панорамного обзора) [7; 8]. В процес-

¹ Вигель В. В. Записки..., Кропоткин С. А. На пути в восточную Сибирь Немирович-Данченко «Кама и Урал», Кельцев С. А. От Москвы до Екатеринбурга (Из путевых заметок) Вышеславцев В. И. Очерк из путешествия к Уралу по реке Вишере, Мамин-Сибиряк Д. Н. Старая Пермь

се туристского развития территории полноценным литературным местом становятся инфраструктурные объекты – театры и кинозалы, тематические средства размещения и объекты питания [12]. Система исторических мест и визуально-пейзажный фон также важны для восприятия литературного ландшафта – они создают его целостность и аутентичность.

Таким образом, литературный ландшафт является разновидностью *культурного ландшафта*, в отношении которого существуют разные исследовательские подходы. В. Н. Стрелецкий отмечает, что в отечественной традиции культурный ландшафт рассматривается:

а) как местность, облик которой определён конкретной социокультурной группой, продолжительное время её осваивавшей (подход близкий к классической культурной географии);

б) как комплекс географических образов и представлений о пространстве (феноменологический подход отечественной гуманитарной географии) [11].

Концепция литературного ландшафта примиряет два исследовательских подхода, т. к. сперва художественные образы рождаются под впечатлением увиденной реальности, а далее они становятся культурным наследием – ассоциативной и/или мемориальной составляющей ландшафта. В литературном ландшафте одинаково значимы и географическая среда, и представления о ней – это «сложный природно-культурный территориальный комплекс, обладающий устойчивым литературным образом» [7, с. 27]. Важно отметить, что литературный ландшафт получает своё развитие в проектной деятельности, в которой

помимо исследовательской составляющей важны социокультурные и бизнес-проекты: создание музеев и событий, разработка и продажа туров, подготовка путеводителей и карт, медиапродуктов, привлечение инвесторов и выявление местных креативных сообществ [13; 14; 15].

Горнозаводская цивилизация – термин, который впервые ввёл в научный оборот профессор Пермского университета П. С. Богословский. Рассмотренные в статье культурные ландшафты схожи по истории своего освоения – все они являются «горными заводами». В 1927 г. он сформулировал принципы всестороннего культурно-исторического изучения Урала, определил Уральскую область как огромную географическую единицу со специфическими факторами культурно-социального порядка. Отмечая факт переселения на Урал крестьян из различных мест европейской России, он обосновал наличие здесь «своеобразной горнозаводской цивилизации» с особой идеологической сущностью и специфическим стилем художественного оформления [3].

Первая особенность поселений была связана с *планировкой* – главную роль в строительстве завода XVIII в. играла река, на которой сооружалась плотина и заполнялся заводской пруд, ограниченный естественными склонами холмов. Вода использовалась и как сырьё для технологических процессов, и как источник механической энергии воздуха в печной горн. За плотиной стояли водобойные колёса, заводские корпуса, доменные печи, трубы, контора заводоуправления, храм и центральная площадь. От площади и пруда по склонам холмов поднимались вверх

дома и улицы посада. Линия горизонта также была очерчена пологими горными хребтами. Пруды и реки обеспечивали транспортировку продукции в центр России.

В 1719 г. была принята Берг-привилегия, позволявшая человеку любого сословия искать, копать и плавить металлы, как на собственных, так и на чужих землях. Изъятие частных земель в пользу заводов обусловили и другие черты горных заводов – все они обслуживали *военные нужды государства*. Посёлки имели пригородный тип поселений, жители занимались в том числе и сельским хозяйством, что предполагало включённость в *природные циклы*.

Население в посёлках было смешанное: выходцы из разных регионов России, представители других национальностей (удмурты, украинцы, татары) и субэтноты (старообрядцы, казачество). Выделялись свои социальные типы – горное начальство, иностранные специалисты, артели рудознатцев, шахтёров, углежогов, металлургов, механиков. Несмотря на пестрый состав населения, существовали общие *культурные предпочтения* – среди домашних вещей было много «городских» (керосиновые лампы, чугунные подсвечники, столовые приборы из металла, музыкальные инструменты).

При заводах открывали библиотеки, народные хоры, театры, оркестры. Всё это развивало культурные формы досуга, укрепляло горизонтальные связи, воспитывало крепостную интеллигенцию. Особо ценилось в социуме наличие *специальных знаний* – ум, ответственность и мастерство были превыше национальной и религиозной принадлежности человека.

Эти особенности создавали внешний облик уральских посёлков, которые отметил ирландский геолог Р. Мурчисон во время экспедиций по Уралу в 1841–1842 гг.: «Ни одно географическое или статистическое сочинение не может передать ясного понятия о блестящем состоянии этих сосредоточий промышленности, каждое из них и более населено и находится в более цветущем положении, нежели многие города, обозначенные на карте крупными буквами. <...> при горных заводах и правительству, и частным лицам принадлежащих находятся многие тысячи мастеровых и работников, которых жилища и домовитость редко уступают мануфактурным городам Европы»¹. А. В. Иванов обобщает эти социальные наблюдения, фокусируя внимание на ментальности жителей: «Горнозаводская культура оказалась немыслимым сплавом православной крестьянской культуры с принципами позитивистской философии индустриальной цивилизации Европы. Этот сплав «легировался» добавленной в него потаённой культурой раскольников, маргинальной субкультурой каторжников и беглых, обрывками диких верований вогулов. И лучшее своё отражение горнозаводская культура обрела в сказах Бажова»².

Предметный мир горнозаводского посёлка, природное окружение, социальные типы, система ценностей важны для нас – они формируют каркас аутентичности и культурные контексты литературного ландшафта, офор-

¹ Баньковский Л. В. Пермистика. Пермь: ОАО ИПК «Звезда». С. 13–14.

² Иванов А. В. Горнозаводская держава-1. [Электронный ресурс]. URL: http://rulibs.com/ru_zar/prose_contemporary/ivanov/5/j232.html (дата обращения: 02.02.2023).

жившие на Урале под влиянием произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка, П. П. Бажова и Б. Л. Пастернака.

Мамин-Сибиряк и литературный ландшафт п. Висим

Висим – посёлок с населением 1600 чел., расположен в 110 км на северо-запад от Екатеринбурга, в пределах природного парка «Река Чусовая». Первые поселения здесь появились около 1715 г., их жителями были старообрядцы. В 1739–1744 гг. на слиянии трёх рек – Висима, Шайтанки и Межевой Утки – А. Демидов построил Висимо-Шайтанский железоделательный завод. Чугун поставляли из Нижнетагильского завода, произведённое железо транспортировали на барках до Усть-Уткинской пристани и далее по р. Чусовой в центр страны. Работниками были в основном старообрядцы и беглые крепостные. В 1820–1830-х гг. Демидовы переселили сюда крестьян из Тульской губернии и Украины.

В доме, принадлежавшем заводу и предназначенном для священника, родился и провёл юные годы Д. Н. Мамин-Сибиряк. Деревянный дом постройки 1847 г. сохранился, в 1979 г. в нём был открыт литературно-мемориальный музей Д. Н. Мамина-Сибиряка, который является центральным литературным местом и включает мемориальную часть – гостиную, детскую, кухню и литературную экспозицию – разбор романа «Три конца», где местом действия является п. Висим, в котором живут не смешиваясь три самобытных этноса: «кержаки, туляки, хохлы». В экспозиции есть схема 3 частей посёлка, рисунки домов, характерных для каждого из 3 концов, одежда старообрядцев и туляков.

Литературные места второго плана: здание двухклассной церковно-приходской школы (1839 г.), в которой преподавали родители Мамина и учился сам писатель. В 2002 г. в доме воссоздан учебный класс середины XIX в. и открыт филиал музея. Стела с портретом Д. Н. Мамина-Сибиряка на въезде, памятник в центре посёлка, мраморная плита с портретом на Кокурниковой горе.

Исторические места:

- музей быта и ремесел, в котором представлена продукция Висимо-Шайтанского завода, инструменты старателей и история посёлка;
- православная Анатолие-Николаевская церковь (1895 г.);
- единоверческая церковь святого Николая (1915 г.);
- плотина, пруд и подпорная стенка дамбы плотины из камня-плитняка.

Корпуса железоделательного завода не сохранились, но на его месте стоит лесозаготовительное предприятие. За прудом поднимается Кокурникова гора (Шихан), с неё открывается красивый вид: посёлок и горная цепь Весёлых гор как на ладони. Это *визуально-пейзажный фон* литературного ландшафта.

Воспринятые в детстве образы уральской природы на протяжении всего творчества будут предметом изображения в прозе Мамина: «Милые зелёные горы!.. Когда мне делается грустно, я уношусь мыслью в родные зелёные горы, мне начинает казаться, что и небо там выше и яснее, и люди такие добрые, и сам я делаюсь лучше. Да, я опять хожу по этим горам, поднимаюсь на каменистые кручи, спускаюсь в глубокие лога, подолгу сижу около горных ключиков, дышу чудным

горным воздухом, напоенным ароматами горных трав и цветов, и без конца слушаю, что шепчет столетний лес»¹.

Главной тематикой его произведений станут природа, люди, промышленность и богатство этого своеобразного, непохожего на центральную Россию региона. Его Урал – это зелёные горы, горные заводы, золотые россыпи, самые разнообразные социальные типы. На Урале разворачивается действие романов «Приваловские миллионы», «Горное гнездо», «Золото», «Три конца», цикл «Уральские рассказы», «Бойцы», очерки «От Урала до Москвы» и др. В своих произведениях Мамин прежде всего – писатель-социолог, но, подбирая слова для характеристики персонажей, он прибегает к мифопоэтическим образам: горные рабочие – «железные люди», рудокопы – «жёлтые муравьи», служащий рудника – «подземный крот» [2, с. 54]. В его прозе формируются традиции реалистического и геопоэтического описания горной страны.

Литературный ландшафт Висима является мемориальным. Д. Н. Мамин-Сибиряк здесь – безусловный «гений места», объекты, связанные с ним – известные туристские аттракции. По форме территориальной организации он площадной, по структуре – сложный (включает литературные, исторические и природные места), долгоживущий (более полувека). Ландшафт развивается через традиционные методы музеефикации, просветительской и экспозиционной работы. Информацию о достопримечательностях Висима легко найти на сайтах для самостоя-

тельных туристов и в путевой литературе. В описании туристских маршрутов доминируют литературные образы.

Бажов и литературный ландшафт г. Сысерти

Сысертский чугуноплавильный и железоделательный завод был основан в 1732 г. по распоряжению Вильяма де Генина, позже перешёл во владение А. Ф. Турчанинова и стал центром 5 горнозаводских поселений. Город с населением чуть более 20 тыс. чел. расположен в 50 км южнее Екатеринбурга.

Сысерть известна тем, что в 1879 г. в семье мастера пудлингового цеха родился писатель П. П. Бажов. Образы, созданные Бажовым, по сей день являются элементами айдентики Урала. Писателю посвящены музеи в Екатеринбурге, Сысерти и Полевском, разработаны экскурсионные туры «По Бажовскому Уралу».

Центральным литературным местом Сысерти является мемориальный дом-музей П. П. Бакова (филиал Объединённого музея писателей Урала). Он расположен в городской усадьбе, которую приобрёл отец писателя в 1870 г. До наших дней сохранились дом, баня, конюшня, амбары, завозня, и «малуха» (жилой флигель). В 1982 г. в усадьбе открыт литературный музей, в котором проходят экскурсии и тематические программы: история семьи, быт и уклад Сысерти XIX–XX вв. В ходе музейного проектирования вокруг дома разбит «Бажовский огород» с сельхоз-инфраструктурой, интерактивом для туристов и образовательными программами по биологии, литературе и кулинарии.

В 3 км от г. Сысерти располагается природный парк «Бажовские места»

¹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Зелёные горы. Повести, рассказы, сказки. Т. 8. М.: Гослитиздат, 1955. С. 571.

с тропой, в конце которой путников ожидает живописный карьер Тальков камень. Бажов, будучи мальчиком, не раз обходил эти лесные тропы и спрятанные в них гранитные массивы, окрестности Сысерти запечатлены во многих его сказах («Тяуткино зеркальце», «Кошачьи уши» и др.).

Литературными местами второго плана являются памятник писателю и здание цифирной школы, где Бажов обучался с 1886 по 1889 гг.

Историческими местами горнозаводского ландшафта являются:

- Сысертский краеведческий музей, расположенный в двухэтажном здании конторы горного округа;
- городской пруд и плотина;
- Симеоно-Аннинский храм (1773 г.);
- старая часть города, в которой преобладают частные дома с усадьбами, широкие песчаные улицы, высокие деревья.

Светлая Сысерть и бойкая: «Сысерть-то светлее всех жила. Она, вишь, на дороге пришлось в казачью сторону. Народ туда-сюда проходил да проезжал. Сами на пристань под Ревду с железом ездили. Мало ли в дороге с кем встретишься, чего наслушаешься. И деревень кругом много»¹. Улицы патриархального города сходятся к корпусам старинного завода. Здесь сохранились корпус доменных печей, литейный двор, эстакада, водородное сооружение.

Памятники промышленной архитектуры середины XIX в. находятся в руинизированном состоянии. В городе образовано «Агентство развития Сысерти», которое стремится приспособить

неликвидную недвижимость под креативный кластер. Так как корпуса завода стоят без отопления, мероприятия возможны только в тёплый сезон. С лета 2020 г. под слоганом «Креатив – новое железо» здесь проводят фестиваль «Лето на Заводе» (арт-резиденции, мастер-классы, ярмарки, концерты, субботники).

Хорошим дополнением к путешествию в Сысерть является промышленная экскурсия на действующий фарфоровый завод и трекинг на гору Караульную, с которой открывается панорамный вид на город и его окрестности.

Литературный ландшафт Сысерти – мемориально-ассоциативный, здесь развиваются проекты, вовлекающие туриста в самостоятельное познание ландшафта. Аутентичность поддерживается системой исторических мест: плотина, пруд, контора, храм, планировочная сетка улиц. Хорошим дополнением является природный ландшафт, который создаёт живописный пейзажный фон, перекликающийся со сказами, и даёт возможность планирования литературно-экологических троп.

Местное сообщество связывает перспективы развития туристских аттракций с работой креативного кластера на Сысертском заводе. По форме территориальной организации – это ландшафт площадной, по структуре – сложный (мемориальный, исторический, промышленный, природный). По соотношению природно-исторической и литературной действительности – пассивный (не является активным действующим лицом произведений, создаёт фон). Ландшафт развивается чуть более 40 лет с использованием методов

¹ Бажов П. П. У старого рудника. М.: Худлит, 1952. С. 89–107.

музеефикации и туристского проектирования, сочетания культурно-познавательного и экологического туризма. В последние 2-3 года к развитию ландшафта применяют технологии ревитализации промышленных территорий и развития креативных индустрий.

Бажов и литературный ландшафт г. Полевского

Полевской – город с населением 55 тыс. чел., расположен в 40 км на юго-запад от Екатеринбурга. В 1702 г. здесь было открыто месторождение медной руды Гумёшки, к 1718 г. построен посёлок рудокопов, в 1723 г. на р. Полевой возведён Полевской медеплавильный завод. В 1735 г. на р. Северушке построен Северский железоделательный завод. Помимо меди на Гумёшках добывали ценный поделочный минерал – малахит, развивалось камнерезное дело.

Семья Бажовых жила в Полевском в 1890–1896 гг. Позже, став писателем, Бажов говорил, что именно здесь он впервые услышал сказки про хозяйку Медной горы, бабушку Синюшку, козлика с копытцем. Рассказчиком был дед Слышко – Василий Хмелинин, старый рабочий, живший в сторожке на Думной горе. Медная гора, о которой рассказывал дед, на самом деле оказалась невысокой, что расстроило мальчика. Ему разъяснили, что рудник – это тоже гора, «везде руду из горы берут. Только иная гора наружу выходит, а иная в земле»¹.

Так в сказах Бажова вырастает неповторимый мир горного Урала, в котором центральным является образ

горы, отличный от привычного. Для нас гора – это вершина, внешняя сторона, а для профессионала-горняка – глубина и подземные богатства. Уральские горы растут не вверх, а вглубь, подземное царство населено множеством потусторонних существ, они и есть «тайная сила» – могут позволить человеку взять подземное богатство, а могут наказать.

Из 56 сказов «Малахитовой шкатулки» половина относятся к Полевскому. В 1950 г. писатель подарил городу книгу с дарственной надписью и пожеланием открыть здесь музей. Исторический музей г. Полевского появился в 1967 г., в здании бывшего городского училища. Одна из центральных экспозиций посвящена детству писателя – «Бажовы в Полевском», другая – литературная – «Полевской сказовый». В музее проводят тематические экскурсии, литературные квесты. В других залах представлены коллекции минералов, история города от археологических раскопок до наших дней. Уникальным экспонатом является «коса Хозяйки Медной горы» – наросты древесины в форме волокон, образовавшиеся в шахте на глубине 300 м.

Музей – это *центральное литературное место*, но он неотделим от *природных объектов* – мест действия сказов. Это Думная гора, высотой 405 м над уровнем моря, памятник природы и археологии.

В конце XIX в. на Думной горе стояла сторожка, где жил сказитель В. В. Хмелинин. Музейщики проложили к вершине горы экскурсионный маршрут «Дума о Думной горе», с этого места открывается панорамный вид на Полевской и Азов-гору. Вторая экскурсионная тропа ведёт к обителищу

¹ Бажов П. П. У старого рудника. М.: Худлит, 1952. С. 89–107.

Девки-Азовки (около 10 км туда и обратно), у подножия Азов-горы видны остатки медного рудника Гумёшки.

Литературными местами второго порядка являются скульптуры литературных героев и атрибутов сказов: изображение каменного цветка и ящерики при въезде в город, уличные граффити художников, памятник писателю на площади, скульптура «Медной горы хозяйка» в образе коронованной ящерицы возле музейного комплекса «Северская домна».

Исторические места горнозаводского города – это Полевской пруд, плотина и церковь Петра и Павла (1793 г.); Северский пруд, плотина, каменный Троицкий храм, металлическая Спасо-Преображенская часовня и промышленный музейный комплекс «Северская домна». Это восьмigrанное здание красного кирпича под куполообразной зеленой крышей, с литейным двором и доменной печью 1860 г. – архитектурный памятник федерального значения и доминанта горнозаводского ландшафта. Пантеон производственного комплекса – Данила-мастер, Хозяйка Медной горы, Огневушка-Поскакушка. «Северская домна» – пример ревитализации индустриального наследия и превращение его в ивент-пространство и туристский объект.

Литературный ландшафт Полевского – преимущественно ассоциативный. Его аутентичность обусловлена наличием системы природных и исторических мест горнозаводского ландшафта. Герои сказов Бажова ведут себя здесь как «гении места», ассоциативные объекты, связанные с ними, становятся туристскими аттрактантами. По форме территориальной орга-

низации – это ландшафт площадной и линейный, по структуре – сложный (мемориальный, ассоциативный, природный и исторический). По соотношению природно-исторической и литературной действительности – активный (ландшафт выступает как действующее лицо, его объекты определяют логику поступков героев, пейзаж приобретает единство физического, ономастического и ментального образа). Литературный ландшафт развивается более 60 лет через литературное освоение пространства, а также методы музеефикации. В последнее десятилетие образы горнозаводского ландшафта концептуализируются через технологии ревитализации промышленной зоны, проекты паблик-арт, фестивали.

Пастернак и литературный ландшафт Всеволодо-Вильвы

Всеволодо-Вильва – горнозаводской посёлок с населением 2 тыс. чел., расположенный на северо-востоке Пермского края, в 230 км от г. Перми. Посёлок основан князем В. А. Всеволожским в 1811 г. и стал одним из четырёх уральских заводов этой династии. Чугун для производства железа привозили по реке из Александровского завода, а полученное здесь железо транспортировали по рекам до п. Пожва. Оригинальным гидротехническим сооружением завода был канал. Завод поставили в речной петле между реками Вильвой и Сурьей и прокопали двухвёрстную линию канала. Вода шла через территорию завода, приводя в действие все механизмы, поэтому основное русло р. Вильвы осталось судоходным. После отмены крепостного права завод при-

ходит в упадок, а в 1886 г. закрывается. Новая история предприятия начинается в 1890 г., когда завод и посёлок купил С. Т. Морозов. Он организовал здесь химическое производство по сухой перегонке древесины и построил второй завод – Ивакинский, производящий древесный уголь, уксусный порошок, метиловый спирт и технический хлороформ. С приходом Морозова начался расцвет Всеволодо-Вильвы: были построены дома для служащих, училище, библиотека, лазарет, вокруг господского дома разбит парк. Большую роль в новом промышленном освоении всего региона сыграло строительство горнозаводской железной дороги – связь с центральной Россией стала быстрой и круглогодичной. Химический завод «Метил» работал вплоть до 2007 г., а потом был закрыт. Примерно в это же время филологами Перми был инициирован проект реконструкции исторической памяти посёлка. Уникальность посёлка отмечали многие: в нём причудливым образом пересеклись имена известных людей российской истории, науки и культуры: С. Т. Морозова, А. П. Чехова, Б. И. Збарского, Б. Л. Пастернака.

Борис Пастернак жил во Всеволодо-Вильве с января по июнь 1916 г. Позже, месяцы, проведённые на Урале, он назовёт одним из лучших времён своей жизни. Здесь он откинет сомнения и сделает выбор в пользу литературы. Во Всеволодо-Вильве будут написаны шедевры пастернаковской лирики – стихотворения «Марбург» и «На пароходе». Окрестности Всеволодо-Вильвы с топографической точностью оживут в романе «Доктор Живаго» [13; 15]. В 2009 г. дом управляющего, в котором жил поэт, был восстановлен, и в нём

открыт «Дом Пастернака» – филиал Пермского краеведческого музея. Единственным живым свидетелем пребывания здесь поэта является вековой кедр, на фоне которого сфотографированы хозяин дома и его гость. Внутри музея открыты экспозиции: «Зелёная гостиная», «Кабинет управляющего», «Борис Пастернак – жизнь и творчество», «Завод – Станция – Посёлок». Вокруг музея разбит «Сад поэта» – экспозиция, посвящённая «дремучему царству растений» в лирике Пастернака, и «Сад. Поэта. Взаимодействие» – музыкальная площадка для совместного творчества, в т. ч. для людей с инвалидностью. Музей является *центральным литературным местом*.

В посёлке есть и *литературные места второго плана*, и они связаны с именем А. П. Чехова:

- «Морозовский парк», где в господском доме гостил 24–26 июня 1902 г. Чехов (дом не сохранился);
- бюст Чехова у местной школы, названной его именем;
- библиотека, в которой хранится фотография А. П. Чехова с собственноручным автографом;
- «Чеховский родник», который, по преданию местных жителей, облюбовал писатель и предложил там устроить пикник с самоваром.

Посёлок не вошёл в литературный мир писателя, но сам Чехов стал персонажем местной мифологии и топонимики.

Вернёмся к Б. Пастернаку. За время, проведённое на Урале, поэт совершил множество поездок: верхом, по железной дороге, на пароходе, бывал на Чусовой, в Кизеле, в Луньевке, Березниках, Перми. В радиусе до 20 км

от музея и на всём пути от Перми до Всеволодо-Вильвы можно выделить *природные урочища*, которые стали предметом вдохновения и были описаны им в письмах, стихотворениях, в романе «Доктор Живаго». Это, прежде всего, Ивака, в прошлом химический завод, а сегодня громадная зелёная чаша в оправе лесистых гор:

«Кокошник нахлобучила
Из низок ливня – паросль.
Футляр дымится тучею,
В ветвях горит стеклярус.
И на подушке плюшевой
Сверкает в переливах
Разорванное кружево
Деревьев говорливых»¹.

Ивака является прототипом Вырыкино в романе «Доктор Живаго» – пристанищем семьи Юрия Живаго во времена исторических потрясений: «Мы приехали в Варыкино ранней весной. Вскоре все зазеленело, особенно в Шутьме, так назывался овраг под Микулицынским домом, – черемуха, ольха, орешник. Спустя несколько ночей зацвели соловьи»². Пейзажный фон, дорога, возвышенность, овраг, «кокошник» из остроконечных елей сохранились.

Оригинальные геопоэтические образы созданы в стихотворениях «Станция», «Рудник», «Ледоход». Всё пространство здесь приходит в движение: тьма, свет, горы, лес, лёд, вода, земля сталкиваются как стихии и на глазах поэта создают Урал. Всё на Урале крупно и подлинно: пучащийся

на горах лес подобен океану, скалы-шиханы навевают мысль о древних капищах, заводы, рудники, станции являются олицетворением России рабочих, промышленной, «настоящей». Урал предстал как локус первозданного мира, где человек максимально приближен истокам бытия. Наиболее ярко эти смыслы проявились в стихотворении «Урал впервые»:

«Без родовспомогательницы, во мраке,
без памяти,
На ночь натывая руками, Урала
Твердыня орала и, падая замертво,
В мученьях ослепшая, утро рожала»³.

«...Нет Урала, кроме пастернаковского Урала, как оно и есть: ссылаюсь на всех читавших «Детство Люверс» и «Уральские стихи», – писала Марина Цветаева⁴. Для русской культуры «пермский период» Пастернака обернулся художественным открытием Урала, геопоэтические образы горнозаводской страны в его стихах были эмоциональны, образны и точны.

Исторические места литературного ландшафта п. Всеволодо-Вильва практически утрачены: завод разобран, церковь разрушена, «Морозовский парк» принадлежит муниципалитету и нуждается в благоустройстве.

Туристскими аттракциями в посёлке являются керамическая мастерская «Артель» (художники создают изделия из местной огнеупорной глины и проводят мастер-классы) и природно-антропогенные объекты горнозаводского ландшафта – оз. Глубокое

¹ Пастернак Б. Л. Стихотворения и поэмы. М.: Худлит, 1988. С. 33.

² Пастернак Б. Л. Собрание сочинений в 5 т. Т. 3. Доктор Живаго. М.: Худлит, 1990. С. 284.

³ Пастернак Б. Л. Стихотворения и поэмы. М.: Худлит, 1988. С. 28.

⁴ Цветаева М. И. Собр. соч. в 7 тт. Т. 5. М.: Элмс Лак, 1994–1995. С. 380.

(Шавринский карьер) и оз. Голубое (карьер Морозовский). Озёра образовались в карьерах-выработках известняка, имеют глубину от 35 до 70 м, в солнечную погоду вода в них отликает глубокой бирюзой небывалой яркости. Это отличное место для отдыха, фотосессии и купания, в т. ч. – погружения дайверов.

Литературный ландшафт Всеволодо-Вильвы – мемориально-ассоциативный. Его аутентичность создают уральские пейзажи. Безусловный «гений места» здесь Б. Л. Пастернак, второй автор – А. П. Чехов. По форме территориальной организации – это ландшафт линейный, ведущий к центральной точке – музею. Линейный литературный ландшафт формируется по пути следования к посёлку, и здесь немаловажную роль играет экскурсовод и его компетентность. По структуре ландшафт – сложный (мемориальный, ассоциативный, природный). По соотношению природно-исторической и литературной действительности – активный (выступает как предмет вдохновения в лирике и действующее лицо романа). Горнозаводское наследие в посёлке руинизировано. Литературный ландшафт развивается 15 лет через литературное освоение пространства и музеефикацию, а также социокультурные проекты. Перспективы развития ландшафта связаны с включением в его орбиту «Морозовского парка», поддержкой креативных индустрий («Артель»), развитием мест отдыха вокруг карьеров, а также созданием ярких событий и проектированием активных маршрутов к природным attractionам Александровского района.

Заключение

Горнозаводское наследие Урала сложно идентифицировать в миллионном городе или малом посёлке – оно растворяется среди современной застройки, вытеснено на окраины или руинизировано. Литературное наследие, наряду с природным и индустриальным окружением, становится катализатором изменений в сторону постиндустриальной экономики.

На Урале по-прежнему острыми остаются проблемы моногородов, состояния их экономики и социокультурной сферы. Ревитализация индустриальных территорий в совокупности с изучением их литературных образов имеет особые перспективы. Литературные музеи могут стать драйверами развития старопромышленных поселений Урала. Их образовательная деятельность адресована местным жителям, в первую очередь юному поколению. Во время литературных экскурсий затрагиваются вопросы идентичности и системы ценностей человека, происходит осмысление образов малой родины, понимание её красоты. Во внешнюю среду музеи транслируют имидж территории, связанный с именем признанного в национальной культуре писателя, тем самым повышают статус места.

Используя комплексный подход к развитию литературного ландшафта, музеи выходят за пределы зданий и усадеб, становятся инициаторами преобразования общественных и природных пространств [10]. Подобные процессы происходят в п. Висим, г. Сысерти, г. Полевском, рп. Всеволодо-Вильва.

Мы видим, как исследовательское внимание филологов к творчеству «гения места» запускает процессы музее-

фикации и туристского проектирования. В тех территориях, где созданы и развиваются литературные музеи, благодаря их социокультурной деятельности происходит гуманитарное осмысление горнозаводского наследия. Музейщики, краеведы, экскурсоводы выстраивают вокруг литературных

центров маршруты, включая в них объекты горнозаводской цивилизации, исторические смыслы и художественные образы, тем самым сохраняя сложный феномен – литературный горнозаводской ландшафт.

Статья поступила в редакцию 02.03.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: ОАО ИПК «Звезда», 2008. 296 с.
2. Абашев В. В. Д. Н. Мамин-Сибиряк: у истоков геопоэтики Урала // Уральский исторический вестник. 2009. № 1. С. 51–59.
3. Богословский П. С. О постановке культурно-исторических изучений Урала // Уральское краеведение. 1927. Вып. 1. С. 23–24.
4. Веденин Ю. А. Литературные ландшафты как объекты наследия // География в школе. 2006. № 8. С. 15–21.
5. Замятин Д. Н. Географический образ // Гуманитарная география: научный и культурно-просветительский альманах / отв. ред. Д. Н. Замятин. М.: Институт Наследия, 2007. С. 273–275.
6. Калуцков В. Н. «Имя» в географии: от топонима – к геоконцепту // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2016. № 2. С. 100–107.
7. Калуцков В. Н., Матасов В. М. Литературный ландшафт и вопросы его развития (на материале Пушкиногорья) // Географический вестник. 2017. № 1. С. 25–34.
8. Морозова М. М., Калуцков В. Н. Литературно-географический регион и процессы мемориализации пространства (на примере Орловской области) // Наследие и современность. 2019. № 2. С. 79–93.
9. Любичанковский А. В., Поздеев А. О. Литературный туризм в Урало-Каспийском трансграничном регионе // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. 2021. Т. 7. № 2. С. 146–156.
10. Скороходов М. В. Музейное усадебоведение: создание достопримечательных мест как способ сохранения литературных ландшафтов // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28. № 3. С. 127–133.
11. Стрелецкий В. Н. Концепт культурного ландшафта в мировой культурной географии: научные истоки и современные интерпретации // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. № 1. С. 48–78.
12. Фирсова А. В. Географическое пространство в литературных произведениях как ресурс развития туризма: автореф. ... канд. геогр. наук. Пермь, 2013. 22 с.
13. Фирсова А. В. Пермский период в творчестве Бориса Пастернака // Вопросы географии. 2020. № 151. С. 225–248.
14. Фирсов В. С., Пастаногова Т. И., Фирсова А. В. Гастрономические образы в литературе: проектирование нового опыта взаимодействия с литературным наследием // География и туризм. 2022. Вып. 1. С. 35–40.
15. Firsova A. V., Myshlyavtseva S. E. The literary heritage of Boris Pasternak as a resource for the project management in tourism // 4th International conference on innovations in sports, tourism and instructional science (ICISTIS 2019). DOI: 10.2991/icistis-19.2019.18

REFERENCES

1. Abashev V. V. *Perm' kak tekst. Perm v russkoi kulture i literature XX veka* [Perm as a text. Perm in Russian culture and literature of the 20th century]. Perm, OAO IPK Zvezda Publ., 2008. 296 p.
2. Abashev V. V. [D. N. Mamin-Sibiryak: at the origins of the geopoetics of the Urals]. In: *Uralskii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Bulletin], 2009, no. 1, pp. 51–59.
3. Bogoslovsky P. S. [On the formulation of cultural and historical studies of the Urals]. In: *Uralskoe kraevedenie* [Ural local history], 1927, iss. 1, pp. 23–24.
4. Vedenin Yu. A. [Literary landscapes as objects of heritage]. In: *Geografiya v shkole* [Geography at school], 2006, no. 8, pp. 15–21.
5. Zamyatin D. N. [Geographical image]. In: Zamyatin D. N., ed. *Gumanitarnaya geografiya: Nauchnyi i kulturno-prosvetitel'skii almanakh* [Humanitarian geography: scientific and cultural and educational almanac]. Moscow, Institut Naslediya, 2007, pp. 273–275.
6. Kalutskov V. N. [“Name” in geography: from toponym to geoconcept]. In: [Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Geographic series], 2016, no. 2, pp. 100–107.
7. Kalutskov V. N., Matasov V. M. [Literary landscape and issues of its development (on the material of Pushkinogor'e)]. In: *Geograficheskii vestnik* [Geographical Bulletin], 2017, no. 1, pp. 25–34.
8. Morozova M. M., Kalutskov V. N. [Literary-geographical region and processes of space memorialization (on the example of the Orel region)]. In: *Nasledie i sovremennost'* [Heritage and modernity], 2019, no. 2, pp. 79–93.
9. Lyubichankovsky A. V., Pozdeev A. O. [Literary tourism in the Ural-Caspian transboundary region]. In: *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernad'skogo. Geografiya. Geologiya* [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Geography. Geology], 2021, vol. 7, no. 2, pp. 146–156.
10. Skorokhodov M. V. [Museum Estate Studies: Creating Places of Interest as a Way to Preserve Literary Landscapes]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma State University], 2022, vol. 28, no. 3, pp. 127–133.
11. Streletsky V. N. [The concept of a cultural landscape in world cultural geography: scientific origins and modern interpretations]. In: *Chelovek: Obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty* [Man: Image and Essence. Humanitarian aspects], 2019, no. 1, pp. 48–78.
12. Firsova A. V. *Geograficheskoe prostranstvo v literaturnykh proizvedeniyakh kak resurs razvitiya turizma: avtoref. ... kand. geogr. nauk* [Geographical space in literary works as a resource for the development of tourism: abstract of Dr. Sci. thesis in Geographical sciences]. Perm, 2013. 22 p.
13. Firsova A. V. [The Permian period in the work of Boris Pasternak]. In: *Voprosy geografii* [Issues of Geography], 2020, no. 151, pp. 225–248.
14. Firsov V. S., Pastanogova T. I., Firsova A. V. [Gastronomic images in literature: designing a new experience of interaction with the literary heritage]. In: *Geografiya i turizm* [Geography and tourism], 2022, iss. 1, pp. 35–40.
15. Firsova A. V., Myshlyavtseva S. E. The literary heritage of Boris Pasternak as a resource for the project management in tourism In: 4th International conference on innovations in sports, tourism and instructional science (ICISTIS 2019). DOI: 10.2991/icistis-19.2019.18

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фирсова Анастасия Владимировна – кандидат географических наук, доцент кафедры туризма географического факультета, Пермский государственный национальный исследовательский университет, заведующий музеем «Дом Пастернака» (филиал Пермского краеведческого музея);
e-mail: firssowa@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasia V. Firsova – Cand. Sci. (Geography), Assoc. Prof., Department of Tourism, Faculty of Geography, Perm State University, Head of the Pasternak House Museum (branch of the Perm Museum of Local Lore);
e-mail: firssowa@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Фирсова А. В. Литературные ландшафты горнозаводского Урала и развитие туристских аттракций // Географическая среда и живые системы. 2023. № 2. С. 138–153.
DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-138-153

FOR CITATION

Firsova A. V. Literary landscapes of the mining Urals and the development of tourist attractions. In: *Geographical Environment and Living Systems*, 2023, no. 2, pp. 138–153.
DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-138-153

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЛАНДШАФТЫ В XXI ВЕКЕ

УДК 911.3

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-154-169

КАРТОГРАФИРОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА ЯКУТИИ

Дегтева Ж. Ф.

*Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова
677000, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Определить особенности картографирования сложных территориальных систем – этнокультурных ландшафтов для решения задач по сохранению языков и культурного наследия коренных народов.

Процедура и методы. В статье основное внимание обращено на использование картографического метода в исследованиях этнокультурных ландшафтов коренных малочисленных народов. Рассмотрены теоретические основы и проанализированы различные подходы этнокультурного ландшафтного картографирования. Произведён анализ специфических признаков этнической культуры, определены тематические наборы данных. Основные принципы картографирования предложено рассматривать на методологической основе системного подхода, обеспечивающего при картографировании целостность и взаимосвязь всех компонентов этнокультурного ландшафта.

Результаты. Выявлена необходимость особого подхода к картографированию этнокультурных ландшафтов коренных малочисленных народов России. Установлены основные единицы картографирования для отображения современного состояния этнокультурных ландшафтов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложен комплексный подход к картографированию современных этнокультурных ландшафтов коренных малочисленных народов, позволяющий выявить закономерности пространственной дифференциации, получить представление об особенностях развития и трансформации этнокультурных территориальных систем, что, в свою очередь, позволит решить целый ряд стратегических задач по сохранению уникального культурного наследия коренных малочисленных народов России.

Ключевые слова: этнокультурный ландшафт, картографирование, коренные малочисленные народы, территории традиционного природопользования, расселение, владение языком

Благодарности. Исследование выполнено в рамках реализации проекта Арктического совета «Цифровизация языкового и культурного наследия коренных народов Арктики».

MAPPING OF ETHNO-CULTURAL LANDSCAPES OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH OF YAKUTIA

Z. Degteva

*North-Eastern Federal University
ul. Belinskogo 58, Yakutsk 677007, Russian Federation*

Abstract

Aim. We determine the specifics of mapping complex territorial systems, i.e. ethno-cultural landscapes, in order to meet the challenges of preserving languages and cultural heritage of indigenous peoples.

Methodology. The paper uses the cartographic method to study ethnocultural landscapes of indigenous peoples. It examines and analyzes theoretical foundations and various approaches to ethnocultural landscape mapping. The specifics of ethnic culture and regional features of the territory under study are analyzed and thematic datasets are defined. The basic principles of mapping are proposed to be considered on the methodological basis of the systematic approach, which ensures the integrity and interconnectedness of all components of the ethno-cultural landscape in mapping.

Results. The need for a special approach to mapping ethnocultural landscapes of indigenous peoples of Russia is identified. The main mapping units are established to display the modern state of ethnocultural landscapes.

Research implications. A comprehensive approach to mapping contemporary ethnocultural landscapes of small indigenous peoples is proposed, making it possible to identify patterns of spatial differentiation and gain insight into the development and transformation of ethnocultural territorial systems. This, in turn, will make it possible to solve a number of strategic tasks for the preservation of unique cultural heritage of Russia's indigenous minorities.

Keywords: ethnocultural landscape, mapping, indigenous peoples, territories of traditional nature use, territories of settlement, language proficiency

Acknowledgments: The study was performed as part of the Arctic Council's project "Digitization of the Linguistic and Cultural Heritage of Indigenous Peoples of the Arctic".

Введение

Важным ресурсом устойчивого развития любого региона является этнокультурное разнообразие. Глобализация современного мира и возрастающее давление информационного пространства нередко приводят к за-

рождению поликультурных ценностей и потере этнокультурной идентичности народов. При этом особенно остро стоят вопросы сохранения языков и уникальных этнических культур коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Исследования по выявлению пространственной организации территориальных систем неразрывно связаны с использованием картографического метода. При этом существуют разнообразные подходы к картографированию этнокультурных ландшафтов. Во-первых, это связано с существованием различных взглядов к самому пониманию этнокультурного ландшафта. Понятие «этнокультурный ландшафт» может использоваться как синоним культурного ландшафта, если необходимо подчеркнуть этнический аспект местного сообщества [5]; приобретать самостоятельное значение как методологический подход, параллельно описывающий 2 модели: а) в понимании и терминах современной науки – «операциональная модель», б) систему связей и отношений в том виде, как осознаёт их изучаемая группа людей – «когнитивная или воспринимаемая населением модель» [12]. Этнокультурный ландшафт может исследоваться как объект наследия, выдающийся образец культурного ландшафта, сохранивший традиции и архаичные (реликтовые) формы народного творчества, хозяйствования и природопользования [1; 7], рассматриваться как система устойчивого развития и сбалансированности взаимосвязей этноса со своим природным окружением и с окружающими его другими этносами [6] и др. Очевидно, что различие взглядов на этнокультурный ландшафт способствуют формированию многообразия подходов к картографированию.

Во-вторых, разнообразие подходов к картографированию этнокультурных ландшафтов связано со сложностью определения его предметной области. Состав культурного ландшафта,

количество и качество составляющих его компонентов имеет существенное значение при постановке любых ландшафтных исследований [5]. Карты этнокультурных ландшафтов могут показывать объективную ситуацию, фокусируя внимание на установленной тематике: отображать этнический и конфессиональный слои культурного ландшафта, объекты природного и культурного наследия, историко-политические факторы формирования культурных ландшафтов и др. [8]. Или выявлять проблему определённой тематики, например, конфликты между различными видами природопользования, в т. ч. этнокультурные конфликты традиционного природопользования [4].

В отличие от многочисленных этнографических карт, посвящённых отдельно взятым объектам по выбранной тематике и фиксации элементов традиционной культуры (устройства жилища, способа погребения, элементов одежды, керамической орнаментации и др.), карты этнокультурных ландшафтов предполагают рассмотрение отображаемых объектов как единой системы различной сложности и её составных частей. В связи с этим особую актуальность приобретает выявление возможностей картографического метода для обеспечения системного подхода к анализу обширной информации о культуре коренных малочисленных народов в рамках ландшафтной концепции.

Принципы картографирования

Этнокультурные ландшафты коренных малочисленных народов представляют собой исторически сложившуюся культурно-природную

динамическую систему, сформировавшуюся в процессе материального и духовного взаимодействия местного этнического сообщества с окружающей природной средой, функционирующую под воздействием всего комплекса внутренних и внешних факторов. Следовательно, при определении принципов картографирования рационально выделить 2 этапа:

1. изучение внутреннего содержания этнокультурного ландшафта и специфики его компонентов;

2. установление причинно-следственных связей между конфигурацией этнокультурного ландшафта и влиянием внешних факторов, формирующих его пространство.

Фокус исследования этнокультурного ландшафта направлен на изучение основных компонентов, таких, как этнотерриториальная общность, этническая культура, родной язык, традиционное природопользование. Тесная связь компонентов обеспечивает относительную однородность этнокультурной территории системы. В её пределах численность коренных малочисленных народов, доля представителей этнической общности, смешанность этнического состава, занятость населения в традиционном природопользовании, наличие территорий традиционного природопользования, тип природопользования, владение родным языком, использование его в повседневной жизни становятся элементами, определяющими сущность этнокультурного ландшафта. В связи с этим дифференциация этнокультурного ландшафта коренных малочисленных народов может устанавливаться пространственным распространением специфических черт его основных компонентов.

Однако внутренняя структура этнокультурного ландшафта, разнообразие свойств и вариаций его компонентного состава настолько сложны, что вызывают необходимость обосновать выбор ведущих факторов картографирования, т. е. основных условий и явлений, определяющих пространственное размещение и дифференциацию этнокультурных ландшафтов.

Носителем этнической культуры является этнос, поэтому в качестве одного из факторов дифференциации этнокультурного ландшафта следует рассматривать *этнотерриториальную общность*. Учитывая, что к коренным малочисленным относят народы, численность которых не превышает 50 тыс. чел., то определение территорий по численному перевесу не является надёжным способом выявления действительных границ их расселения. В данном случае целесообразно использовать подход, предложенный В. В. Покшишевским, и рассматривать как этническую территорию коренных народов ту, на которой сосредоточен данный этнос, даже если здесь он и не составляет большинства [9].

Между тем при всей важности выявления территорий современного проживания этнических общностей, существует необходимость рассматривать исторические ареалы расселения. История формирования современных этнокультурных ландшафтов может вскрыть причины похожести элементов культуры пространственно изолированных этнических общностей или, наоборот, объяснить различия в культуре народов, проживающих на одной территории.

В большинстве случаев этническая территория коренных малочислен-

ных народов неоднородна. Нередко она состоит из территорий «компактного» расселения (этнические связи сохраняются) и «рассеянного» (этнические связи нарушаются, этническая общность находится в окружении другой культуры). В зависимости от изменения этнического состава населения происходят трансформации других компонентов этнокультурного ландшафта. Анализ смешанности этнического состава населения и владения языками показал, что для коренных малочисленных народов Севера Якутии характерно знание нескольких языков, а иногда за счёт снижения коммуникации на родном языке полный переход на русский или якутский. Исторической предпосылкой к многоязычию является совместное проживание на одной территории двух и более народов (табл. 1).

Язык, в свою очередь, является важным показателем культурных изменений, подразумевающих сознательное

или бессознательное приобщение к культуре носителя языка, её ценностно-нормативным и смысловым категориям [10]. Использование иных языков привносит принципиальные различия в этническую культуру коренных малочисленных народов. Поэтому пространственная дифференциация на основе лингвистической классификации позволит более полно раскрыть сущность этнокультурного ландшафта.

Ещё одним важным компонентом картографирования этнокультурного пространства являются территории традиционного природопользования (ТТП). Хорошо известна и многократно описана связь традиционного природопользования и этнической культуры с природными ландшафтами. Особенно чувствительны к природной среде этнокультурные ландшафты с высокой степенью природообусловленности, где этнокультурные традиции до сих пор остаются главным императивом жизнедеятельности на-

Таблица 1 / Table 1

**Языки владения эвенками в зависимости от этнического состава населения /
Languages spoken by the Evenks depending on the ethnic composition of the population**

Район / село	Этнический состав населения (%)	Доля эвенков, владеющих языком (%)
Нерюнгринский, с. Иенгра	Эвенки – 74 Русские – 17 Якуты – 2 Другой национальности, не указанной выше – 7	Эвенкийским – 74 Русским – 100 Якутским (саха) – 3
Оленёкский, с. Оленёк	Эвенки – 69 Якуты – 24 Русские – 3 Другой национальности, не указанной выше – 4	Эвенкийским – 0,1 Русским – 84 Якутским (саха) – 99
Оленёкский, с. Эйик	Эвенки – 47 Якуты – 52 Русские – 1 Другой национальности, не указанной выше – 0	Эвенкийским – 0 Русским – 69 Якутским (саха) – 100

Источник: составлено автором по данным Всероссийской переписи населения, 2010 г.

селения [3]. Природная среда через совокупность природных условий и ресурсов влияет на формирование определённого типа традиционного хозяйства [5]. Природные условия и природные материалы оказывают воздействие на все составные части культуры: артефакты, социофакты и ментифакты и в целом предопределяют многие черты культуры этноса [2]. А. Н. Ямсков, выделял, как минимум, 4 функции ТТП: экономическую, социальную, экологическую, этнокультурную и функцию обеспечения связи человека с землёй своих предков [11].

Опыт полевых исследований в местах проживания коренных малочисленных народов Севера Якутии подтвердил многофункциональность территорий традиционного природопользования. В качестве примера можно привести Ламынхинский национальный наслег Кобяйского района Республики Саха (Якутии), где традиционное оленеводческо-промысловое хозяйство эвенов повлияло на сельское расселение. Сформировавшийся оленеводческо-промысловый хозяйственный тип расселения представлен базовым (постоянным) поселением и сочетанием передвижных станов оленеводов с сезонными поселениями охотников.

Сохраняя даже в неполной форме традиционный вид хозяйственной деятельности, коренные малочисленные народы продолжают поддерживать живую материальную и духовную культуру, использовать родной язык. Так, в селе Себян-Кюель Ламынхинского национального наслега местные жители национальную одежду надевают только по праздникам и на торжественные мероприятия. При этом, занимаясь

традиционными видами хозяйственной деятельности, оленеводы и охотники традиционную одежду используют в повседневной жизни. Во время зимних перекочёвок и охоты местные жители надевают верхнюю меховую одежду мука (мужчины), дуди (женщины), меховые штаны һөркө, обувь унта (общее название обуви), меховую шапку авун и рукавицы кукотан (записано со слов местной жительницы Е. А. Кривошапкиной, ноябрь 2022 г.).

Внешние факторы, влияющие на конфигурацию пространства этнокультурного ландшафта, могут быть как естественные, так и установленные людьми. Особые и очень сильные связи традиционного уклада жизни коренных малочисленных народов с природой отражают поразительную зависимость этнокультурных ландшафтов с ареалами распространения пастбищных и промысловых ресурсов, путей миграции оленей. Примером может служить определение границ при оленеводческо-промысловом виде хозяйства. Так, в горных районах Южной Якутии выпас оленей связан с вертикальной поясностью: в летний период стада находятся в высоко в горах, а в зимний – спускаются с гор в тайгу; родовые территории в большинстве случаев определяются по водоразделам (например, в Нерюнгринском районе). В северных районах республики кочевания соответствуют меридиональным направлениям и ограничены кормовой базой по сезонам выпаса в разных природных зонах (например, в Нижнеколымском районе).

Пространство этнокультурного ландшафта может формироваться не только естественным путём, но и определяться законодательно. Правовые

основы особо охраняемых территорий, образованных для ведения традиционного природопользования и традиционного образа жизни, устанавливает Федеральный закон № 49-ФЗ¹. На его основе в Республике Саха (Якутия) решениями органов местно-

го самоуправления были образованы ТТП, преобладающее большинство которых созданы в границах административно-территориальных единиц республики по районам или наслегам (табл. 2). Слияние административных единиц и территорий традиционно-

Таблица 2 / Table 2

Территории традиционного природопользования местного значения РС (Я) / Territories of traditional natural resource use of local importance of the Republic of Sakha (Yakutia)

Наименование улуса (района)	Статус	Количество ТТП (шт.)
Абыйский улус (район)	Наследный	1
Алданский район	Наследный	2
Аллаиховский улус (район)	Районный	5
Анабарский национальный (долгано-эвенкийский) улус (район)	Наследный	2
Булунский улус (район)	Наследный	6
Верхнеколымский улус (район)	Наследный	4
Верхоянский район	Наследный	1
Жиганский национальный эвенкийский район	Районный	4
Кобяйский улус (район)	Наследный	2
	Территориально-соседская община	1
	Кочевая родовая община	1
Мирнинский район	Наследный	2
	Кочевая родовая община	1
Момский район	Наследный	6
Нерюнгринский район	Наследный	1
Нижнеколымский район	Наследный	3
Оймяконский улус (район)	Наследный	3
Олекминский район	Наследный	4
Оленекский эвенкийский национальный район	Наследный	4
Среднеколымский улус (район)	Наследный	1
Томпонский район	Наследный	1
Усть-Майский улус (район)	Наследный	3
Усть-Янский улус (район)	Наследный	7
Эвено-Бытантайский национальный улус (район)	Районный	3

Источник: составлено автором по выписке из реестра Министерства по развитию Арктики и делам народов Севера РС (Я), 2022 г.

¹ Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» от 07.05.2001 № 49-ФЗ // СПС Консультант Плюс.

го природопользования способствует большей этнокультурной интеграции населения и обеспечивает территориальную целостность этнокультурного ландшафта.

Случается, что введение административных границ изменяет исторически сложившуюся конфигурацию этнокультурного ландшафта. В некоторых случаях граница остаётся прозрачной и выполняет контактную функцию, а иногда создаёт барьер и консолидирует территориальную общность, усиливая региональную или местную этнокультурную идентичность. Например, выделение в 1989 г. из состава Верхоянского района и образование Эвено-Бытантайского национального улуса (района) Якутии сказалось на увеличении численности эвенов во всех населённых пунктах района. Только за последние 20 лет численность эвенов в Эвено-Бытантайском национальном районе увеличилась более чем в 2 раза. Естественно, что законодательно закреплённые границы не всегда совпадают с расселением коренных малочисленных народов, вместе с тем оказывают влияние на функционирование этнокультурного ландшафта. Вследствие этого при картографировании этнокультурных территориальных систем необходимо обратить внимание на формально существующие границы.

Таким образом, в легкоранимом этнокультурном ландшафте коренных малочисленных народов Севера все компоненты особенно тесно сопряжены друг с другом, в т. ч. культурные и природные, материальные и нематериальные, изменения одного компонента становится причиной изменений для другого и этнокультурной территориальной системы в целом. Системный

подход даёт возможность раскрыть сущность этнокультурного ландшафта и специфику его компонентов. Исходя из этого картографирование этнокультурных ландшафтов коренных малочисленных народов основывается на следующих принципах:

- методологической основой является системный подход, обеспечивающий при картографировании целостность и взаимосвязь всех компонентов этнокультурного ландшафта;

- при картографировании следует учитывать относительную однородность этнокультурной территориальной системы, включая материальные и нематериальные компоненты;

- при картографировании необходимо учитывать региональные особенности и специфику основных компонентов этнокультурного ландшафта коренных малочисленных народов;

- картографирование должно отображать конфигурацию этнокультурного ландшафта, предусматривая взаимную увязку тематических слоев вдоль границ разного типа;

- при картографировании необходимо выделять главные условия и явления, определяющие пространственное размещение этнокультурных ландшафтов (ведущий фактор), отвлекаясь от связанных с ними элементов;

- картографируемые элементы должны раскрывать характерные свойства этнокультурного ландшафта конкретной территории в соответствии с выбранным территориальным уровнем;

- при картографировании современных этнокультурных ландшафтов существует необходимость рассматривать исторические ареалы расселения народов.

Этапы создания карты

Процесс создания карты этнокультурных ландшафтов состоит из основных последовательных этапов: формирование базы данных, анализ и систематизация информации, разработка тематического содержания, оформление, проведение тестирования и доработка (рис. 1). Сложность этнокультурных ландшафтов требует при создании картографической модели комбинирования камеральных и полевых методов.

Анализ пространственных и атрибутивных данных проводился в геоинформационной среде ArcGIS. Для разработки специального содержания карты этнокультурных ландшафтов коренных малочисленных народов Севера Якутии были использованы статистические данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики, официальные документы Министерства по развитию Арктики и делам Севера Республики Саха (Якутия), топографические и тема-

Рис. 1 / Fig. 1. Основные этапы создания карты этнокультурных ландшафтов / Main stages of creating a map of ethno-cultural landscapes

Источник: составлено автором

тические карты, архивные материалы и материалы собственных экспедиционных исследований. Основным источником при формировании базы служили материалы Всероссийских переписей населения о численности и национальном составе населения, о родном языке и владении языками населением по населённым пунктам и местам традиционного проживания коренных малочисленных народов Российской Федерации. Что особенно ценно для картографирования в материалах переписи населения – это сплошность, связь пространственных и атрибутивных данных и единый подход к сбору информации.

В соответствии с общепринятыми правилами на карте этнокультурных ландшафтов использовались масштабные, линейные и внесмальные обозначения, применялись различные способы картографирования: значковый способ, ареалов, способ линейных знаков, качественного фона, способ картограмм. Методика картографирования апробировалась при проведении полевых исследований в местах компактного проживания коренных малочисленных народов.

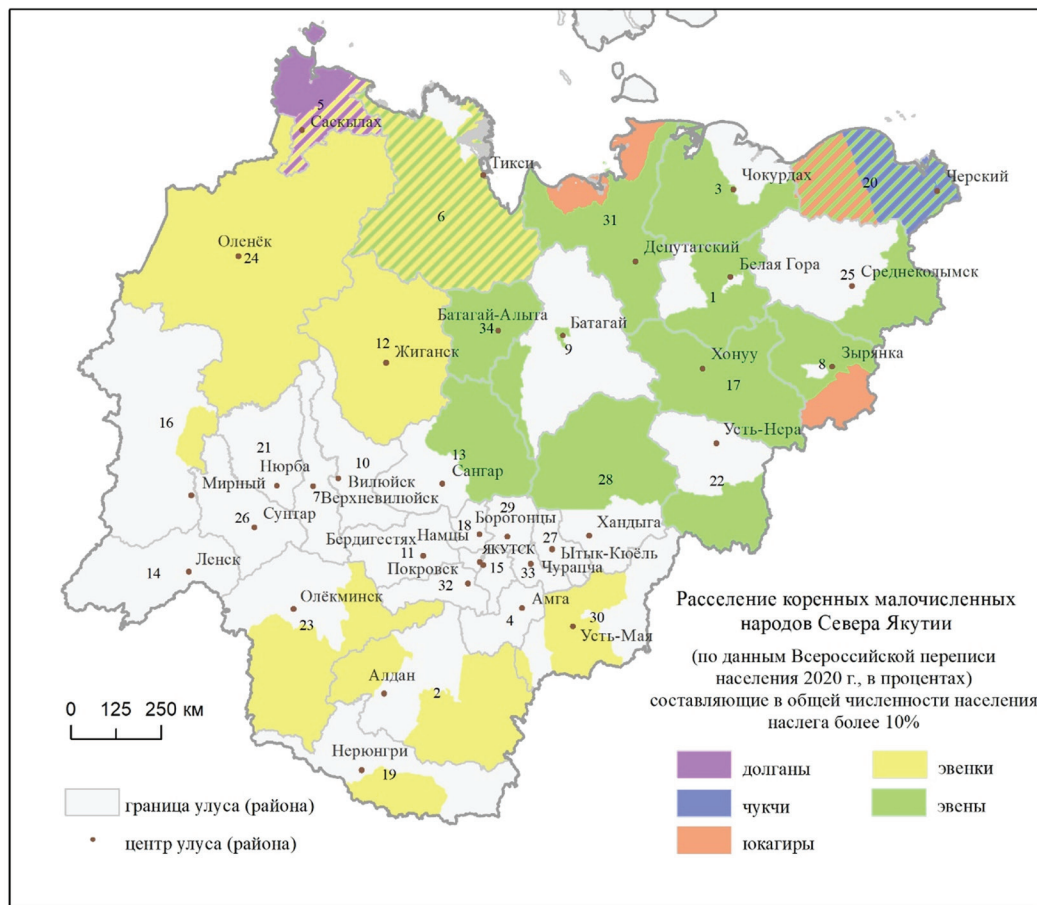
Картографирование этнокультурных ландшафтов в зависимости от охвата территории может быть выполнено в разных масштабах. Исходя из того, что площади этнокультурных ландшафтов тесным образом связаны с ареалами расселения коренных малочисленных народов, масштаб отображения культурных ландшафтов одних народов может существенно отличаться от других. Так, отображение этнокультурных ландшафтов кереков, численностью 23 чел., проживающих в национальном селе Чукотского авто-

номного округа безусловно имеет свои отличительные особенности от этнокультурных ландшафтов ненцев, проживающих в 6 субъектах Российской Федерации общей численностью более 49 тыс. чел. (по всероссийской переписи населения 2020 г.).

Площади расселения коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) – долган, чукчей, эвенков, эвенов и юкагиров – также имеет свои особенности (рис. 2). Поэтому помимо общепринятой иерархичности отображения (глобального, национального, регионального и локального территориальных уровней) при картографировании этнокультурных ландшафтов коренных малочисленных народов добавляется «полимасштабный» территориальный уровень отображения, тесным образом связанный с ареалом расселения конкретного народа. От выбранного масштаба зависит и степень обобщения содержания этнокультурной ландшафтной карты.

При дифференциации современных этнокультурных ландшафтов применялся метод сопоставления тематических слоёв отдельных компонентов (рис. 3). Данный метод исследования позволяет проследить комбинации тематических слоёв территорий расселения этнической общности, ареалов владения языком и территорий традиционного природопользования; выявить частоту встречаемости и определить типичные и нетипичные комбинации тематических слоёв этнокультурных ландшафтов коренных малочисленных народов.

Примером нетипичной комбинации слоёв «Т» (рис. 3) является ТТП, созданная решениями представительных

Номера улусов (районов): 1 – Абыйский; 2 – Алданский; 3 – Аллаиховский; 4 – Амгинский; 5 – Анабарский; 6 – Булунский; 7 – Верхневилуйский; 8 – Верхнеколымский; 9 – Верхоянский; 10 – Вилуйский; 11 – Горный; 12 – Жиганский; 13 – Кобяйский; 14 – Ленский; 15 – Мегино-Кангаласский; 16 – Мирнинский; 17 – Момский; 18 – Намский; 19 – Нерюнгринский; 20 – Нижнеколымский; 21 – Нюрбинский; 22 – Оймяконский; 23 – Олекминский; 24 – Оленекский; 25 – Среднеколымский; 26 – Сунтарский; 27 – Таттинский; 28 – Томпонский; 29 – Усть-Алданский; 30 – Усть-Майский; 31 – Усть-Янский; 32 – Хангаласский; 33 – Чурапчинский; 34 – Эвено-Бытантайский

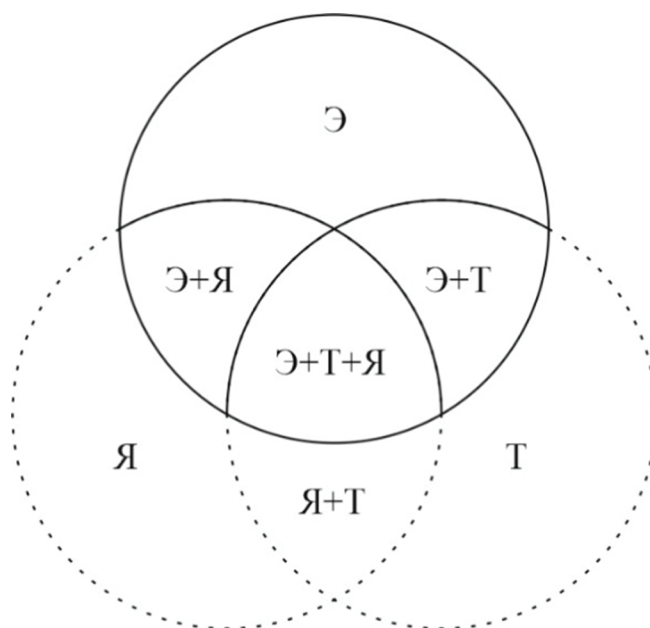
Рис. 2 / Fig. 2. Расселение коренных малочисленных народов Севера на территории Республики Саха (Якутия) / Settlement of indigenous peoples of the North in the territory of the Republic of Sakha (Yakutia)

Источник: составлено автором по материалам Всероссийской переписи населения 2020 г.

органов местного самоуправления, поставленная на учёт в государственный кадастр, но полностью не относящаяся к местам традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочислен-

ных народов РФ, в частности, Усть-Майский улус (район) Республики Саха (Якутия).

Владение языком коренного малочисленного народа другим народом (рис. 3, комбинация слоев «Я») встре-

Условные обозначения:

Э – территории расселения этнической общности;

Я – ареалы владения языком;

Т – территории традиционного природопользования;

(штриховыми линиями показаны нетипичные комбинации тематических слоёв для коренных малочисленных народов)

Рис. 3 / Fig. 3. Сопоставление тематических слоёв отдельных компонентов этнокультурного ландшафта / Comparison of thematic layers of individual components of the ethno-cultural landscape

Источник: составлено автором

чается крайне редко. Примером может служить владение эвенским языком юагирами с. Андрюшкино, Нижнеколымского района и с. Себян-Кюэль Кобяйского района. Вместе с тем среди коренных малочисленных народов владение русским языком и языком титульных этнических групп явление распространённое. Например, в с. Кыстатыам Жиганского национального эвенкийского района Якутии жители не указали владение языком своего народа – эвенкийским (тунгусским), при этом 83% эвенков указали

владение русским и 99% – владение якутским языками.

Для составления карты разработана легенда, в которой отражены структура и характеристики основных компонентов этнокультурных ландшафтов. Особое внимание уделено главным ведущим факторам размещения и развития этнокультурных явлений.

До начала картографирования на основе произведённых расчётов коэффициента этнической общности были выявлены ареалы расселения коренных малочисленных народов. Затем

для раскрытия общих закономерностей пространственного размещения коренных малочисленных народов определён их удельный вес в общей численности населения городских и сельских поселений. На рис. 4 представлен фрагмент картографирования этнокультурных ландшафтов эвенов.

Значимым индикатором культурных изменений является язык, поэтому на карте этнокультурных ландшафтов показаны территории коренных малочисленных народов, владеющих языком своей национальности. Чрезвычайно важным аспектом при картографи-

ровании является анализ территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов. На карте указаны границы местных, региональных, федеральных территорий традиционного природопользования. Кроме того, изображены исторические ареалы расселения коренных малочисленных народов. Содержание карты передаёт особенности этнокультурных ландшафтов коренных малочисленных народов Севера, которые отличаются глубокой связью материальных и нематериальных компонентов с природной средой.

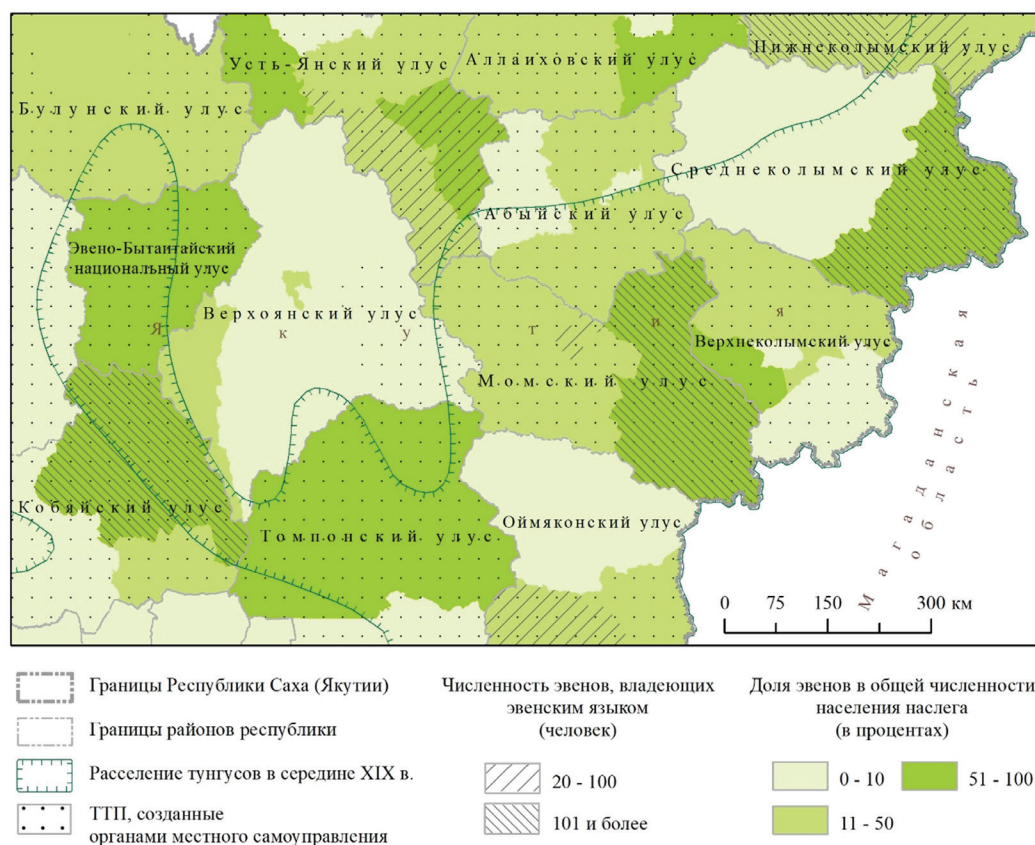

Рис. 4 / Fig. 4. Фрагмент картографирования этнокультурных ландшафтов эвенов Республики Саха (Якутия) / Fragment of the map of the ethno-cultural landscape of the Evenks of the Republic of Sakha (Yakutia)

Источник: составлено автором по материалам Всероссийской переписи населения 2020 г.

Заключение

Этнокультурное ландшафтное картографирование помогает выявить важнейшие свойства и особенности, присущие этнокультурной территориальной системе в целом и определить специфику её компонентов. Картографическое представление пространственной организации этнокультурных ландшафтов показывает объективную картину расположения, взаимосвязи и сохранности компонентов этнической культуры коренных малочисленных народов Севера Якутии.

В настоящее время складываются 2 основных подхода к картографированию этнокультурных ландшафтов. Один рассматривает ситуацию и состояние составных частей этнокультурной системы, другой фиксирует этнокультурные системы различной сложности, выявляя закономерности развития и проблемы функционирования этнокультурных ландшафтов. При этом оба подхода не противоречат, а дополняют друг друга, и в зависимости от выбора исследовательской стратегии могут использоваться отдельно или в совокупности.

Проведённые работы по составлению карты этнокультурных ландшафтов позволили систематизировать элементы этнической культуры коренных малочисленных народов Севера Якутии в виде единой универсальной картографической модели, которая может быть использована как информационная основа в целях сохранения этнокультурного наследия.

В то же время стоит учитывать, что систематизация этнокультурных ландшафтов всегда сложна и комплексна, поэтому картографирование необходимо реализовывать на основе принципов: системности, целостности, специфичности, ведущего фактора, территориальности и историчности.

Перспективным направлением картографирования этнокультурных ландшафтов представляется создание единой многоступенчатой классификации, учитывающей специфические признаки картографируемых единиц не только материальной, но духовной этнической культуры народов России на каждом таксономическом уровне.

Статья поступила в редакцию 19.04.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Веденин Ю. А. «Заповеданное Кенозерье» в системе категорий выдающейся универсальной ценности ЮНЕСКО // Наследие и современность. 2019. Т. 2. № 2. С. 132–145.
2. Герасименко Т. И. Этническая культура и ландшафт: грани взаимодействия // География и туризм. 2018. № 1. С. 52–60.
3. Дирин Д. А. Этнокультурные ландшафты Тувы в условиях глобальных изменений климата // Экосистемы Центральной Азии: исследование, сохранение, рациональное использование: мат-лы межд. симпозиума / под ред. Ч. Н. Самбыла. Красноярск: ООО РИЦ «Офсет», 2020. С. 273–277.
4. Евсеев А. В., Красовская Т. М., Белоусов С. К. Выявление и картографирование конфликтов природопользования Северо-якутской опорной зоны развития Российской Арктики // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2020. Т. 26. № 1. С. 68–79.
5. Калуцков В. Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.
6. Клоков К. Б. Этнокультурные аспекты природопользования Арктического региона России // География и природные ресурсы. 2002. № 4. С. 23–29.

7. Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.
8. Манаков А. Г. Электронный этнокультурно-ландшафтный атлас Псковской области как познавательный геоинформационный ресурс // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2021. Т. 27. № 4. С. 461–473.
9. Покшишевский В. В. Население и география. М.: Мысль, 1978. 315 с.
10. Чунихина Т. Н. Межкультурная коммуникация в условиях глобализации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 2. С. 67–70.
11. Ямсков А. Н. Территории традиционного природопользования коренных народов и их перспективная роль в охране и использовании природного и культурного наследия регионов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Сибирь: прошлое–настоящее–будущее. 2018. № 1. С. 42–44.
12. Ямсков А. Н. Этноэкологические исследования культуры и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования: выпуск трудов семинара / отв. ред. В. Н. Калущков, Т. М. Красовская. М.: МГОУ, 2003. С. 62–77.

REFERENCES

1. Vedenin Yu. A. [“Reserved Kenozero” in the system of categories of outstanding universal value of UNESCO]. In: *Naslediye i sovremennost* [Heritage and modernity], 2019, vol. 2, no. 2, pp. 132–145.
2. Gerasimenko T. I. [Ethnic culture and landscape: facets of interaction]. In: *Geografiya i turizm* [Geography and tourism], 2018, no. 1, pp. 52–60.
3. Dirin D. A. [Ethnocultural landscapes of Tuva in the context of global climate change]. In: Sambyla Ch. N., ed. *Ekosistemy Tsentralnoi Azii: issledovaniye, sokhraneniye, estestvennoe ispolzovanie*: [Ecosystems of Central Asia: research, conservation, rational use]. Krasnoyarsk, LLC RIC “Offset”, 2020, pp. 273–277.
4. Evseev A. V., Krasovskaya T. M., Belousov S. K. [Identification and mapping of environmental conflicts in the North Yakutsk support zone for the development of the Russian Arctic]. In: *InterKarto. InterGIS* [InterKarto. InterGIS], 2020, vol. 26, no. 1, pp. 68–79.
5. Kalutskov V. N. *Landshaft v kulturnoi geografii* [Landscape in cultural geography]. Moscow, New Chronograph, 2008. 320 p.
6. Klovok K. B. [Ethno-cultural aspects of nature management in the Arctic region of Russia]. In: *Geografiya i prirodnye resursy* [Geography and natural resources], 2002, no. 4, pp. 23–29.
7. Vedenina Yu. A., Kuleshova M. E., eds. *Kulturnyi landshaft kak ob'ekt naslediya* [Cultural landscape as an object of heritage]. Moscow, Institut Naslediya Publ., St.Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2004. 620 p.
8. Manakov A. G. [Electronic ethnocultural landscape atlas of the Pskov region as a cognitive geoinformation resource]. In: *InterKarto. InterGIS* [InterCarto. InterGIS], 2021, vol. 27, no. 4, pp. 461–473.
9. Pokshishevsky V. V. *Naseleniye i geografiya* [Population and geography]. Moscow, Mysl Publ., 1978. 315 p.
10. Chunikhina T. N. [Intercultural communication in the context of globalization]. In: *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanitarian, socio-economic and social sciences], 2021, no. 2, pp. 67–70.
11. Yamskov A. N. [Territories of traditional nature management of indigenous peoples and their promising role in the protection and use of the natural and cultural heritage of the regions of the North, Siberia and the Far East]. In: [Siberia: Past–Present–Future], 2018, no. 1, pp. 42–44.

12. Yamskov A. N. [Ethno-ecological studies of culture and the concept of cultural landscape]. In: Kalutskov V. N., Krasovskaya T. M., eds. [Cultural landscape: theoretical and regional studies: issue of proceedings of the seminar]. Moscow, MGOU Publ., 2003, pp. 62–77.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дегтева Жанна Федоровна – кандидат географических наук, доцент Института естественных наук, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова;
e-mail: degteva.z@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zhanna F. Degteva – Cand. Sci. (Geography), Assoc. Prof., North-Eastern Federal University;
e-mail: degteva.z@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дегтева Ж. Ф. Картографирование этнокультурных ландшафтов коренных малочисленных народов Севера Якутии // Географическая среда и живые системы. 2023. № 2. С. 154–169.

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-154-169

FOR CITATION

Degteva Z. F. Mapping of ethno-cultural landscapes of the indigenous peoples of the North of Yakutia. In: *Geographical Environment and Living Systems*, 2023, no. 2, pp. 154–169.

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-154-169

УДК 913+92(510):282

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-170-181

ПУЛЬСАЦИЯ КАТОЛИЦИЗМА В КОНФЕССИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КИТАЯ

Горохов С. А., Агафошин М. М., Дмитриев Р. В.

Институт Африки Российской академии наук

123001, г. Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить пространственную составляющую развития католицизма в Китае в XIV – начале XXI вв.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет историко-географический анализ особенностей развития Римско-католической церкви в пределах Китая. На основе доступных статистических данных за период XX–XXI вв. выявляются структурные изменения конфессионального пространства католицизма в стране.

Результаты. Сделан вывод, что пульсация католицизма в конфессиональном пространстве определяется характером взаимоотношения между Апостольским престолом и светскими властями Китая. На основе анализа статистических источников выявлены основные структурные элементы пространства католицизма в Китае – 5 конфессиональных регионов: Северный, Восточный, Южный, Центральный и Западный.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обоснован научный взгляд на пространственное развитие католицизма в Китае как результат взаимодействия глобалистской стратегии католицизма и национально ориентированной политики властей страны.

Ключевые слова: католицизм, конфессиональное пространство, Китай, Святой Престол, государственно-конфессиональные отношения

Благодарности. Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 19-18-00054-П.

PULSATION OF CATHOLICISM IN THE RELIGIOUS LANDSCAPE OF CHINA

S. Gorokhov, M. Agafoshin, R. Dmitriev

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences

ul. Spiridonovka 30/1, Moscow 123001, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose of the paper is to identify the spatial component of the development of Catholicism in China in the 14th – early 21st centuries.

Methodology. The historical and geographical analysis of the peculiarities of the development of the Roman Catholic Church within China is employed as the main method. Structural changes in the confessional space of Catholicism in the country are revealed using available statistical data for the period of the 20th–21st centuries.

Results. A conclusion is made that the pulsation of Catholicism in the religious landscape is determined by the nature of relationship between the Holy See and secular authorities of China. On the basis of the analysis of statistical sources, we identify the main structural elements of the space of Catholicism in China, i.e. five confessional regions, namely, Northern, Eastern, Southern, Central and Western.

Research implication. A scientific view on the spatial development of Catholicism in China as a result of the interaction of the globalist strategy of Catholicism and the nationally oriented policy of the country's authorities is justified.

Keywords: Catholicism, religious landscape, China, Holy See, state-confessional relations

Acknowledgments: The research was supported by the Russian Science Foundation, grant no. 19-18-00054-P.

Введение

История распространения католицизма в Китае являет собой пример взаимодействия между одной из крупнейших и древнейших в мире цивилизаций и самой большой в мире религиозной организацией. Китай всегда играл ключевую роль в стратегии Святого Престола по распространению католицизма в Азии, при этом отношения между руководством страны и Римской курией отличались большой сложностью. Своеобразная пульсация католицизма в конфессиональном пространстве Китая определялась чередованием циклов активного миссионерства и расцвета китайской католической общины, которые сменялись десятилетиями (а иногда и столетиями) гонений, во время которых католическая церковь фактически прекращала своё существование в конфессиональном пространстве страны.

Пульсация католицизма в конфессиональном пространстве Китая предопределялась противоречием между универсалистской надгосударственной сутью католической церкви, возглавляемой Папой Римским, и китаецентричным мировоззрением властей страны, согласно конфуцианской традиции привыкших контролировать

религиозную жизнь своих граждан. Данное противоречие, безусловно, не могло разрешиться победой одной из сторон, т. к. затрагивало саму суть соперничающих институций, что делало неизбежным поиск компромисса между ними, который всегда оказывался очень хрупким.

Христианство впервые проникло в Китай почти полтора тысячелетия назад – в VII в., когда первые христианские проповедники добрались до Дальнего Востока и попытались обосноваться в Срединной империи. В течение долгих столетий христианские миссионеры самоотверженно пытались решить сложнейшую двуединую задачу. С одной стороны, объяснить населению Китая и его правящей верхушке догматы своей веры, а позже и всю европейскую культуру в целом; с другой – «открыть» китайскую цивилизацию для европейских народов, помочь им понять китайцев [9]. К тому же через определённые исторические периоды происходила смена лидирующей конфессии, представлявшей христианство в конфессиональном пространстве Китая: вначале это было несторианство, потом – католицизм и, наконец, уже в настоящее время – протестантизм.

Несторианство – предтеча католицизма в конфессиональном пространстве Китая

Первыми на территорию Китая ступили адепты несторианства (современной Ассирийской Церкви Востока) – доминирующего направления среди приверженцев христианства VII в. на территории Месопотамии и Ирана. Представители несторианства (по-китайски *цзинцзяо* – «сияющая религия», или «религия света») прибыли в Китай в эпоху Тан (618–907 гг.), т. е. в период активизации торговых и культурных связей Срединной империи с Ближним Востоком. Поэтому проникновение носителей несторианской духовной традиции в Китай происходило по Великому шёлковому пути.

В своём большинстве адепты несторианства были торговцами и членами их семей. Можно даже сказать, что многие из них были беженцами, покинувшими свои дома из-за желания сохранить свою религию, подвергавшуюся гонениям со стороны исповедовавших ислам арабских завоевателей. В Китае эти иммигранты могли рассчитывать на радушный приём, что объяснялось тем, что танский Китай был одним из главных геополитических соперников Арабского халифата.

В 635 г. в Китай прибывает Алобэнз (Авраам) – персидский несторианский епископ и первый христианский миссионер. Он достигает Чанъани (столицы Тан), крупнейшего города страны и конечного пункта Великого шёлкового пути, и основывает первую христианскую общину на китайской земле, начав таким образом долгую историю взаимоотношений великой китайской цивилизации и крупнейшей мировой религии [9].

Несторианство просуществовало в Китае достаточно долго – вплоть до окончания династии Юань (1271–1368 гг.), добившись определённого влияния в верхах китайского общества, однако оно было достигнуто преимущественно за счёт его относительной популярности у чужеземных властителей страны – монголов, уйгуров и др. В то же время сами китайцы проявляли мало интереса к учению Христа, что стало причиной исчезновения «сияющей религии» со страниц китайской истории вместе с её иностранными покровителями.

Первая попытка закрепления католицизма в конфессиональном пространстве Китая

Однако не только несторианство смогло воспользоваться интересом к христианству со стороны иностранных владык Срединной империи. Папство, руководящий центр крупнейшей христианской конфессии, не смогло обойти своим вниманием возможность приобрести союзника в лице правителя одного из могущественнейших государств мира – империи Юань. К тому же многомиллионное население Китая, ещё не охваченное проповеднической активностью католических миссионеров, сулило соблазнительную возможность увеличения паствы Римского Папы.

Воспользовавшись толерантной религиозной политикой монгольских императоров династии Юань, страну стали посещать монахи ордена францисканцев. Папа Николай IV послал с целью проповеди католицизма к правителю Китая хану Хубилаю фран-

цисканца Джованни Монтекорвино¹ [10]. В 1307 г. была основана архиепархия Пекина, первым главой которой стал Д. Монтекорвино, которому Папа, подтверждая важную роль Китая в стратегии Святого Престола по распространению католицизма в Азии, присвоил почётный титул патриарха. В его подчинении оказались 3 новых епархии, центры которых располагались в крупных приморских торговых городах – Цюаньчжоу (провинция Фуцзянь), Ханчжоу (Чжэцзян) и Янчжоу (Цзянсу); ещё одна епархия в Кульдже была создана в 1320 г. в Синьцзяне, не входившем тогда в состав Китая. Именно рукоположение Д. Монтекорвино епископом Пекинским и Патриархом всего Востока позволило францисканцам в нынешнем веке торжественно отметить 700-летие своей китайской миссии. К этому периоду число католиков превышало 30 тыс., однако, как и прежде, большинство из них по своей этнической принадлежности относились не к китайцам, а были уйгурами, монголами и аланами (кит. *аланьяо*) [5]. Однако католицизм, как и ранее несторианство, был уничтожен параллельно с крушением юаньского дома. Переход «небесного мандата» к новой национальной династии Мин (1368–1644 гг.), способствовавшей возрождению в Китае конфуцианской ортодоксии, привёл к затруднению деятельности миссионеров и упразднению католических епархий.

Расцвет католицизма в Поднебесной и наступление этапа новых гонений на католических миссионеров

Однако католицизм, в отличие от «религии света», смог возродиться в конце эпохи Мин, когда в результате Великих географических открытий началась активизация морской торговли Китая с Европой. В 1537 г. португальцам удалось получить у минского правительства в аренду небольшую территорию на побережье Гуандуна – Макао (Аомынь), которая стала не только торговой факторией, но и центром деятельности миссионеров. Именно в Макао 23 января 1576 г. была создана старейшая из ныне существующих католических епархий Китая, вошедшая в митрополию Гоа (Индия).

В 1582 г. в Китай прибыли первые миссионеры-иезуиты – итальянцы М. Руджери и М. Риччи, последнему из которых суждено было стать поистине апостолом католицизма [8]. Для успешного распространения католицизма М. Риччи применил принцип инкультурации, предполагавший погружение миссионеров в языковую и культурную традицию китайского общества, попытавшись примирить конфуцианскую традицию с католическими догмами. Благодаря знанию китайских обычаев М. Риччи сумел дать удачный перевод термина «католицизм» – «тъянчжу» (буквально – «религия Господина Небес») на китайский, который используется в стране до настоящего времени.

Стратегия М. Риччи довольно быстро дала обильные плоды, и католицизм занял важное место в конфессиональном пространстве Китая: к 1664 г. в стране действовали уже 38 церквей,

¹ Католическая энциклопедия. Т. 2. И–Л. М.: Изд-во Францисканцев. 2005. 928 с.

вели свою деятельность 82 миссионера, а число католиков выросло до 245 тыс. человек, возникло 7 новых епархий.

В 1659 г. из епархии Макао был выделен апостольский викариат Нанкина, преобразованный в 1690 г. в епархию; также в 1690 г. была восстановлена епархия Пекина. Первым местным китайским епископом стал Грегори Лу Вэньцао, в 1685 г. возведённый в сан и возглавлявший апостольский викариат Нанкина. В 1696 г. епархия Нанкина передала часть своей территории в пользу 6 новых возглавляемых епископами апостольских викариатов, образованных в провинциях Чжэцзян, Фуцзянь, Хубей, Цзянси, Гуйчжоу и Юньнань. Таким образом, католицизм в Китае смог не только восстановить свои позиции в столице и в приморских провинциях, но и существенно расширить своё пространство за счёт центральных районов страны [12].

За почти 3 десятилетия своей деятельности в Китае М. Риччи смог лично обратиться к 2500 чел. и открыть в Пекине католический собор, известный ныне как Наньтан (кит. «Южная церковь»).

Успешному развитию вероучения также способствовало то, что «небесный мандат» в Поднебесной снова перешёл к иностранной маньчжурской по своему происхождению династии Цин (1644–1912 гг.), более благосклонной к иноземцам. Стараниями иезуитов в Китае была заново сформирована католическая епархиальная структура, необходимая для нормального функционирования церкви.

Вершиной деятельности иезуитов в Китае стал указ императора Канси 1692 г., гарантировавший неприкос-

новенность церковных построек и свободу католического богослужения. Однако растущая китайская паства вскоре стала объектом жёсткой конкуренции между иезуитами, за которыми стояла Испания, и ранее появившимися в стране орденами францисканцев и доминиканцев, которые опирались на Португалию. Иезуитов их соперники упрекали в излишних заимствованиях из китайских практик, которые они приносили в католическое вероучение и обряды, что было фактически равносильно обвинению в ереси. Именно так возник «Спор о китайских ритуалах», к разрешению которого был привлечён Апостольский престол [17].

В 1715 г. Папа Климент XI передал императору Канси роковую буллу «*Ex illa die*» («С этого дня»), объявив традиционные китайские практики, в т. ч. и конфуцианские обряды поклонения предкам и императору, несовместимыми с христианскими, что повлекло гонения на миссионеров и китайских христиан. Таким образом, Папа фактически объявил китайские традиции суеверием, несовместимым с христианством.

На решение римского понтифика в 1724 г. ответил преемник Канси – император Юнчжэн – запретом христианства в Китае и преследованием христиан. В результате большинство миссионеров были высланы, разрушены более 300 церквей, а оставшаяся без пастырей католическая община остановилась в своём развитии, перейдя на полуполюгальное существование. Таким образом, перед католицизмом встала до сих пор ещё в полной мере нерешённая проблема выбора методов христианской инкультурации и китаизации Церкви в Китае.

Золотой век католицизма в Китае

К началу XIX в. количество католиков в Китае оценивалось в 300 тыс. человек, их окормляли 20 иностранных миссионеров, находящихся на нелегальном положении, и 80 священников-китайцев¹ [13], т. е. численность католической общины страны за 2,5 столетия с середины XVI в. фактически не изменилась.

Католицизм в Поднебесной возрождается лишь во второй половине XIX в., когда католические миссии вновь обрели свободу действий, утраченную в результате «Спора о китайских ритуалах». Влияние христианских миссионеров, в т. ч. и католиков, стало расти по мере ослабления цинского Китая, который проиграл европейским государствам Первую (1840–1842 гг.) и Вторую (1856–1860 гг.) опиумные войны.

В 1860 г., согласно статьям Пекинских соглашений, миссионерам, находившимся под покровительством европейских держав, была предоставлена полная свобода деятельности, что даже дало основания некоторым китайцам говорить о «христианской оккупации» Китая [18].

В 1898–1901 гг. вспыхнуло Ихэтуаньское (Боксерское) восстание, направленное в т. ч. против вмешательства западных стран в религиозную жизнь Китая и привилегированного положения иностранных миссионеров, в результате которого погибли тысячи католиков. Однако восстание не смогло остановить распространение христианства в стране.

¹ Данилов В. История католических миссий до начала XX в. [Электронный ресурс]. URL: <https://somnet.ru/danilov-v-istoriya-katolicheskikh-missij-do-nachala-xx-veka/> (дата обращения: 10.01.2023).

Быстрый рост численности католиков стал подтверждением успехов зарубежных миссий, к концу XIX в. китайская паства насчитывала более 1 млн чел.

Расцвет католицизма начинается после Синьхайской революции (1912 г.), к 1920 г. число его адептов возросло почти до 2 млн чел. Была образована институционально-территориальная сеть, состоящая из 53 структурных единиц различного уровня, а в 1922 г. Святому Престолу удалось установить официальные отношения с гоминьдановским правительством. Ядром геопространства католицизма стал Север Китая, провинции Чжили, Шаньдун, Шаньси и Шэньси, в которых концентрировалось более половины католиков страны. На Восточный Китай – второй по важности регион в конфессиональном пространстве католицизма – приходилось 20% прихожан Римско-католической церкви; остальные адепты католицизма приходились на Центральный (13%), Западный (10%) и Южный (8%) Китай (табл. 1).

Успеху миссии способствовало и то, что в 1939 г. Папа Пий XII своим указом окончательно снял запреты на участие католиков в китайских обрядах. Однако сам спор с властями страны о папской власти над Церковью в Китае, начавшийся ещё в XVII в., продолжается время от времени и сегодня.

Католицизм в конфессиональном пространстве КНР: от политики «искоренения» к стратегии «управления для сдерживания»

С середины XX в. проводимая пришедшей к власти в 1949 г. Коммунистической партией Китая (КПК) политика «искоренения рели-

Таблица 1 / Table 1

**Структура конфессионального пространства католицизма в Китае, 1921 г. /
Structure of the confessional space of Catholicism in China, 1921**

Регионы Китая	Численность католиков в регионах, тыс. чел.	Доля католиков региона в католическом населении Китая, %	Доля католиков в населении региона, %
Северный	1013,4	51,6	2,0
Восточный	393,1	20,0	0,6
Центральный	187,5	9,6	0,4
Южный	162,1	8,3	0,3
Западный	207,0	10,5	0,3
Китай	1963,1	100,0	0,4

Источник: рассчитано и составлено авторами по [16].

гии» привела к значительному снижению численности католиков – к началу 80-х гг. прошлого века их осталось менее 400 тыс. чел. Были сформулированы принципы «тройной самостоятельности», в соответствии с которыми католикам следовало строить свою дальнейшую деятельность в КНР – «самоуправление», «самообеспечение» и «самостоятельное ведение проповеди» (кит. *саньцзы*). Разрыв в 1951 г. отношений со Святым Престолом и создание Китайской католической патриотической ассоциации (ККПА) привели к разделению церкви: в стране существуют официально зарегистрированная ККПА и неофициальная «катакомбная» католическая церковь, подчиняющаяся Святому Престолу [3; 10].

Однако религиозная политика властей КНР трансформировалась с началом экономических реформ, началась постепенная нормализация деятельности церковных структур, обусловившая возрождение католицизма [1; 2]. В настоящее время католицизм входит в число 5 официально признанных религиозных традиций Китая.

Официальный Пекин перешёл по отношению к католической церкви к стратегии «управления для сдерживания», которая подразумевает осуществление контроля за её деятельностью.

Китайское правительство артикулировало 2 главных требования к Ватикану, необходимых для установления с ним дипломатических отношений и объединения католических церквей в стране. Во-первых, Папа Римский не должен вмешиваться во внутренние религиозные дела Китая, в т. ч. назначать епископов на освободившиеся кафедры; во-вторых, Святому Престолу надлежало разорвать отношения с правительством в Тайбэе. Достичь прогресса в тайваньской проблеме пока не удаётся: китайское правительство тормозило процесс установления дипломатических отношений с Ватиканом, а Святой Престол не торопился с отъездом своего представителя из Тайбэя. Однако Пекину и Ватикану удалось добиться существенного прогресса в разрешении главной проблемы в своих взаимоотношениях – спора о назначении епископов для католиков Китая [15].

Интересно отметить, что суть противоречий между властями КНР и Папой Римским о праве назначения епископов почти полностью копирует знаменитую «борьбу за инвеституру» между Римским понтификом и императором Священной Римской империи, потрясшую Европу в XI–XII вв. Ватиканская дипломатия доказала свой многовековой опыт разрешения подобных споров и достигла в 2018 г. вполне средневекового по духу компромисса с коммунистическим руководством страны на условиях «двойной лояльности» китайских католиков своему государству и Святому Престолу. Отныне епископы назначаются Папой Римским из кандидатур, подобранных КПК. Таким образом, открылась возможность легитимного для обеих договаривающихся сторон назначения епископов, что очень важно в ситуации, когда около 40% католических епархий материковой части Китая таковых не имели [6].

Между тем пока Ватикан тратит время на долгие переговоры с правительством страны, добиваясь компромисса по политическим и организационным вопросам, Поднебесную «завоёвывают» протестанты [7]. По прогнозам, к 2050 г. в Китае будут жить более 225 млн христиан – более 90% их числа будут адептами протестантских церквей [14], большинство из которых не настроено на компромиссы с властями.

В настоящее время, согласно официальным папским документам, Католическая церковь состоит из 152 институций, объединённых в 21 церковную провинцию (митрополию-архиепархию), и епархии Макао, находящейся непосредственно в ведении Святого Престола. В стране на-

считывалось около 6 тыс. церквей, часовен и прочих мест для отправления католического культа, ежегодно в КНР проходят крещение около 100 тыс. человек; численность католиков, по разным данным, достигает 21 млн чел., почти 60% которых приходятся на «катакомбную» церковь¹ [4; 11]. Больше всего католиков по-прежнему проживает в Северном Китае (36,5%). Восточный Китай в настоящее время лишь немного уступает Северу по числу адептов – ныне здесь концентрируется почти их треть (29,6%). Южный и особенно Западный Китай также сумели нарастить свою долю в конфессиональном пространстве католицизма – до 12,3% и 14%; а вот Центральный Китай (7,6%), наоборот, существенно сдал свои позиции (табл. 2).

Заключение

Католическая церковь за свою многовековую историю в Китае несколько раз предпринимала попытки закрепиться в его конфессиональном пространстве, однако каждый раз смена политического курса страны приводила фактически к полному исчезновению всех её следов на китайской земле. Пульсация католицизма в конфессиональном пространстве в значительной степени определялась политическими причинами, в основе которых находились сложные взаимоотношения между Римским Апостольским престолом и светскими властями Китая.

Успешное распространение католицизма в конфессиональном пространстве Китая совпадало с периодами

¹ Asia Harvest: the Church in China [Электронный ресурс]. URL: <https://asiaharvest.org/wp-content/china-resources/tables/china.html> (дата обращения: 13.01.2023).

Таблица 2 / Table 2

**Структура конфессионального пространства католицизма в Китае, 2021 г. /
Structure of the confessional space of Catholicism in China, 2021**

Регионы КНР	Общая численность католиков, млн чел.	Доля сторонников «катакомбной» церкви, %	Доля католиков региона в католическом населении Китая, %	Доля католиков в населении региона, %
Северный	7,66	61,7	36,5	1,5
Восточный	6,21	60,9	29,6	2,2
Центральный	1,60	61,9	7,6	0,7
Южный	2,59	55,2	12,3	1,2
Западный	2,92	62,7	14,0	1,1
Китай	20,98	60,8	100,0	1,4

Источник: составлено авторами по Asia Harvest: the Church in China [Электронный ресурс]. URL: <https://asiaharvest.org/wp-content/china-resources/tables/china.html> (дата обращения: 13.01.2023)

ослабления китайского государства, и, наоборот, сокращение влияния католической церкви в стране обычно соответствовало этапам национального возрождения. Именно этой исторической закономерностью обусловлено то, что католицизм воспринимался многими в Китае как иностранная религия, которой нет места в его конфессиональном пространстве. Тем не менее к началу XX в. в результате долгого и сложного процесса инкультурации – приспособления католицизма к китайской специфике – сформировалась его пространственная структура, инсти-

туционально закреплённая созданием сети католических епархий.

Об устойчивости католицизма свидетельствует то, что в новый период гонений со стороны властей страны, наступивший с 1949 г. и расколовший общину, он не исчез из конфессионального пространства Китая. Главная проблема, стоящая сегодня перед церковью в Китае, заключаются в обретении ею единства, достичь которого можно лишь через примирение двух сил, сыгравших ключевую роль в её развитии – Святого Престола и государства.

Статья поступила в редакцию 24.03.2023

ЛИТЕРАТУРА

- Афони́на Л. А., Петро́вский Д. И. Некоторые исторические аспекты положения католической церкви в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 2. С. 134–147.
- Балабейкина О. А., Кузнецова Ю. А. Изучение религиозного пространства стран Азиатско-Тихоокеанского региона как научное направление в регионоведении // Теория и практика регионоведения: сб. конф. / отв. ред. В. В. Яковлев. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. С. 85–93.
- Горохов С. А. Христианство в современном Китае // Азия и Африка сегодня. 2014. № 12. С. 42–46.

4. Горохов С. А., Агафшин М. М. Подходы к оценке религиозной принадлежности населения в географических исследованиях // Географическая среда и живые системы. 2020. № 2. С. 52–64.
5. Горохов С. А., Дмитриев Р. В. Историческая география католицизма в Китае в XIV – первой половине XX веков // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 2. С. 143–153.
6. Горохов С. А., Дмитриев Р. В. Католицизм в конфессиональном пространстве Большого Китая: территориальный аспект // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2022. № 40. С. 63–83.
7. Дацышен В. Г., Чегодаев А. Б. Дорога к храму «Чистого облака» // Азия и Африка сегодня. 2009. № 12. С. 63–66.
8. Дубровская Д. В. Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552–1775 гг.). М.: Крафт+, Институт востоковедения РАН, 2000. 256 с.
9. Дубровская Д. В. Теория и практика миссионерской деятельности западных христианских церквей в Китае в VII–XVIII вв.: дис. ... док. ист. наук. М., 2022. 505 с.
10. Петрушев И. В., Захаров И. А. География католицизма в современном Китае // Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания: мат-лы науч.-практ. конф. / ред. Д. В. Заяц. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2022. С. 186–192.
11. Смирнов Д. А., Степанова Е. Н. Христианская община на Тайване и в Большом Китае на современном этапе // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 2. С. 153–165.
12. Юань Цюань. Религиозно-политические отношения между КНР и Ватиканом – Святым Престолом (1949–2017): дис. ... канд. ист. наук. М., 2019. 223 с.
13. Beeching J. The Chinese Opium Wars. Mariner Books. 1977. 352 p.
14. Johnson T. M., Bellofatto G. A. Christianity in its Global Context, 1970–2020: Society, Religion, and Mission. South Hamilton, MA: Gordon-Conwell Theological Seminary. 2013. 92 p.
15. Leung B., Wang M. J. J. Sino-Vatican Negotiations: problems in sovereign right and national security // Journal of Contemporary China. 2016. Vol. 25. № 99. P. 467–482.
16. The Christian Occupation of China: A General Survey of the Numerical Strength and Geographical Distribution of the Christian Forces in China, 1918-1921. / ed. M. T. Stauffer. Shanghai, China Continuation Committee, 1922. 468 p.
17. Truong A. T. The Conflicts among Religious Orders of Christianity in China during the 17th and 18th Centuries // Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations. 2021. Vol. 26. № 5. P. 57–71.
18. Yan K. Catholic Church in China. Beijing: China Intercontinental Press, 2004. 166 p.

REFERENCES

1. Afonina L. A., Petrovsky D. I. [Some Historical Aspects of the Position of the Catholic Church in China]. In: *Problemy Dalnego Vostoka* [Far Eastern Affairs], 2017, no 2, pp. 134–147.
2. Balabeikina O. A., Kuznetsova Yu. A. [The Study of the Religious Space of the Countries of the Asia-Pacific Region as a Scientific Direction in Regional Studies]. In: Yakovlev V. V., ed. *Teoriya i praktika regionovedeniya* [Theory and Practice of Regional Studies]. St. Petersburg, Herzen University Publ., 2020, pp. 85–93.
3. Gorokhov S. A. [Christianity in Modern China]. In: *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today], 2014, no 12, pp. 42–46.
4. Gorokhov S. A., Agafoshin M. M. [Approaches to Assessment of Religious Affiliation of the Population in Geographical Studies]. In: *Geograficheskaya sreda i zhivye sistemy* [Geographical Environment and Living Systems], 2020, no 2, pp. 52–64.

5. Gorokhov S. A., Dmitriev R. V. [Historical Geography of Catholicism in China in the 14th – First Half of the 20th Centuries]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Perm University Herald. History], 2022, no 2, pp. 143–153.
6. Gorokhov S. A., Dmitriev R. V. [Catholicism in the Religious Landscape of Greater China: Spatial Aspect]. In: *Gosudarstvo, religiia, tserkov v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide], 2022, no 40, pp. 63–83.
7. Datsyshen V. G., Chegodaev A. B. [The Road to the Temple of the “Pure Cloud”]. In: *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today], 2009, no 12, pp. 63–66.
8. Dubrovskaya D. V. *Missiya iezuitov v Kitae. Matteo Richchi i drugie (1552–1775 gg.)* [The Jesuite mission to China. Matteo Ricci and others (1552–1775)]. Moscow, Institut Vostokovedeniya RAN Publ., Kraft+ Publ., 2000. 256 p.
9. Dubrovskaya D. V. *Teoriya i praktika missionerskoi deyatel'nosti zapadnykh khristianskikh tserkvei v Kitae v VII–XVIII vv.: dis. ... dok. ist. nauk* [Theory and Practice of Missionary Activity of Western Christian Churches in China in the 7th–18th centuries: Dr. Sci. Thesis in Historical Sciences]. Moscow, 2022. 505 p.
10. Petrushev I. V., Zakharov I. A. [Geography of Catholicism in Modern China]. In: Zayats D. V., ed. *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya: teoriya, metodologiya i praktika prepodavaniya* [Socio-economic geography: theory, methodology and practice of teaching]. Moscow, OOO “Sam Poligrafist” Publ., 2022, pp. 186–192.
11. Smirnov D. A., Stepanova E. N. [The Christian Community in Taiwan and in Greater China on the Modern Stage]. In: *Problemy Dalnego Vostoka* [Far Eastern Affairs], 2021, no 2, pp. 153–165.
12. Yuan Quang. *Religiozno-politicheskie otnosheniya mezhdu KNR i Vatikanom – Svyatym Prestolom (1949–2017): dis. ... kand. ist. nauk* [Religious and Political Relations between the PRC and Vatican – Holy See (1949–2017): Cand. Sci. thesis in Historical sciences]. Moscow, 2019. 223 p.
13. Beeching J. *The Chinese Opium Wars*. Mariner Books, 1977. 352 p.
14. Johnson T. M., Bellofatto G. A. *Christianity in its Global Context, 1970–2020: Society, Religion, and Mission*. South Hamilton, MA, Gordon-Conwell Theological Seminary, 2013. 92 p.
15. Leung B., Wang M. J. J. Sino-Vatican Negotiations: problems in sovereign right and national security. In: *Journal of Contemporary China*, 2016, vol. 25, no. 99, pp. 467–482.
16. Stauffer M.T., ed. *The Christian Occupation of China: A General Survey of the Numerical Strength and Geographical Distribution of the Christian Forces in China, 1918–1921*. Shanghai, China Continuation Committee, 1922. 468 p.
17. Truong A. T. The Conflicts among Religious Orders of Christianity in China during the 17th and 18th centuries. In: *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, 2021, vol. 26, no. 5, pp. 57–71.
18. Yan K. *Catholic Church in China*. Beijing, China Intercontinental Press, 2004. 166 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Горохов Станислав Анатольевич – доктор географических наук, профессор, ведущий научный сотрудник центра глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН;

e-mail: stgorohov@yandex.ru

Агафосин Максим Михайлович – кандидат географических наук, старший научный сотрудник центра глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН;

e-mail: agafoshinmm@gmail.com

Дмитриев Руслан Васильевич – доктор географических наук, член дирекции, ведущий научный сотрудник центра глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН;
e-mail: dmitrievrv@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Stanislav A. Gorokhov – Dr. Sci. (Geography), Professor, Leading Research Fellow, Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences;
e-mail: stgorohov@yandex.ru

Maksim M. Agafoshin – Cand. Sci. (Geography), Senior Research Fellow, Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences;
e-mail: agafoshinmm@gmail.com

Ruslan V. Dmitriev – Dr. Sci. (Geography), Member of the Directorate, Leading Research Fellow, Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences;
e-mail: dmitrievrv@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Горохов С. А., Агафшин М. М., Дмитриев Р. В. Пульсация католицизма в конфессиональном пространстве Китая // Географическая среда и живые системы. 2023. № 2. С. 170–181.

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-170-181

FOR CITATION

Gorokhov S. A., Agafoshin M. M., Dmitriev R. V. Pulsation of Catholicism in the religious landscape of China. In: *Geographical Environment and Living Systems*, 2023, no. 2, pp. 170–181.
DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-170-181

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНОЙ ГЕОГРАФИИ

УДК 910.1, 911.3

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-182-199

ЛАНДШАФТНАЯ И ТЕКСТУАЛЬНАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРЫ

«Бывают странные сближенья...»

А. С. Пушкин

Каганский В. Л.

Институт географии Российской академии наук

119017, г. Москва, Старомонетный пер., д. 29, стр. 4, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Анализ концептуальной культурной антропологии ландшафта.

Процедура и методы. В работе использованы теоретико-географическая морфология культурного ландшафта, семиотическая культурология Ю. М. Лотмана, понятия глоссематики. Ландшафт трактуется трояко: как компонент, проективный тест и модель культурного пространства и культуры как таковой.

Результаты. Рассмотрено бытование культуры в ландшафте, ландшафтный статус культуры и культурный статус ландшафта. Морфология культурного ландшафта интерпретирована и как морфология культурного пространства, и как его модель. Развернута методологическая метафора «чтение ландшафта».

Теоретическая и/или практическая значимость. Опасности фрагментации культуры состоят не столько в тривиальных для культуры семиотических «неприятностях», локальных разрывах и лакунах, утрате даже существенных компонентов, трудностях перевода компонентов и множестве локальных локусов семантического хаоса за счёт непереваемости, взаимной аннигиляции смыслов на границах, неуместных затоках, сколько в разрыве между самими слоями культуры.

Ключевые слова: культура, ландшафт, морфология, план выражения, план содержания, пространство, смысл

Благодарности. Исследование выполнено в рамках Государственного задания ФГБУН ИГ РАН «Оценка физико-географических, гидрологических и биотических изменений окружающей среды и их последствий для создания основ устойчивого природопользования» FMGE-2019-0007-AAAA-A19-119021990093-8.

LANDSCAPE AND TEXTUAL PRESENTATION OF CULTURE

"There is a strange coincidence sometimes..."

A.S. Pushkiin

V. Kagansky

*Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences
Staromonetnyi per. 29-4, Moscow 119017, Russian Federation.*

Abstract

Aim. We analyze the conceptual cultural anthropology of the landscape.

Methodology. Use is made of theoretical and geographical morphology of the cultural landscape, semiotic culturology of Yu. M. Lotman, and concepts of glossematics. Landscape is interpreted in three ways as a component, a projective test and a model of cultural space and culture as such.

Results. The existence of culture in the landscape, the landscape status of culture and the cultural status of the landscape are considered. The morphology of the cultural landscape is interpreted both as the morphology of cultural space and as its model. The methodological metaphor "reading the landscape" is developed.

Research implication. The theoretical significance lies in the final conclusion of the work: the dangers of culture fragmentation consist in the gap between the layers of culture rather than in semiotic "troubles" trivial for culture, local gaps and lacunae, loss of even essential components, difficulties in translating components and a multitude of local loci of semantic chaos due to untranslatability, mutual annihilation of meanings at borders, and inappropriate flows.

Keywords: culture, landscape, morphology, plan of expression, plan of content, space, meaning

Acknowledgments. The work was performed within the framework of the State Task of the Federal State Budgetary Institution of the IG RAS "Assessment of Physical, Geographical, Hydrological and Biotic Changes in the Environment and Their Consequences for Creating the Foundations of Sustainable Environmental Management" FMGE-2019-0007-AAAA-A19-119021990093-8.

Введение

Понятие «культурный ландшафт» фиксирует упорядоченность, взаимосвязанность и закономерность явлений на поверхности Земли в пространственном аспекте, единство природных и культурных компонентов. Мир земной поверхности – сплошной многослойный покров, а не множество отдельных объектов на безразличном или враждебном фоне. Культурный ландшафт – целостное образование, в этом термине, понятии и явлении

«культура» и «ландшафт» соединены не механически. Научное понятие «культурный ландшафт» нейтрально; «культурный» здесь – связанный с культурой, а не «положительный». Культурный ландшафт соотносится с природным. Такой ландшафт – единство пространственных тел, форм, функций и широко понятых культурных смыслов – обитаемое и освоенное утилитарно, ценностно и символически пространство, земное тело культуры [2]. Культурный ландшафт

трактуются согласно российской школы теоретической географии¹. Для простоты и экономии места понятие «культурный ландшафт» передано термином «ландшафт», для чего есть и содержательные основания [4].

Культура являет себя и в пространстве. Ей присущи пространственные самоописания, часто нормативные, продукты рефлексии, целеполагания, самообождения и прочее. Культура буквально живёт в пространстве, выделяя привилегированные локусы и образы; именно они манифестируют «достижения» этой культуры, её личную сторону, то, чем культура хочет казаться. Но территориально, по объёму эта «парадная сторона» ничтожна. Остальное существенно преобладающее пространство – презентация культуры, не нормированная эстетической, этической, художественной, ценностной, политической и т. д. рефлексией, своего рода изнанка, представленная почти исключительно культурным ландшафтом. Ландшафт – ненормативная презентация культуры; её постижение представляет и трудность, и ценность – как радикально иной источник знаний о культуре. Эти знания характеризуют весь ландшафт, и в определённом смысле и мере (неясно, какой именно) – всю культуру сплошь.

Если взглянуть на ландшафт с этой точки зрения, то возможно ли получить нетривиальное знание о культуре? Расширим представление о чтении как взаимодействии с пространством, насыщенном знаками, смыслами и значениями, тогда *возможно чтение ландшафта и чтение культуры по ландшафту*; это даёт независимые

представления о культуре, не являющиеся её самоописаниями. В данной ситуации семиотический образ чтения совсем иной: «читатель» и «текст» не разделены и не противопоставлены – читатель живёт в телесном тексте, будучи сам его компонентом. Это своего рода чтение изнутри, а не снаружи.

Осмысленное движение по семантически насыщенному ландшафтному телу культуры – путешествие, способ обретения подлинного понимания и потому и знания ландшафта [6]; путешествие – самая очевидная разновидность и приём такого чтения, но отнюдь не простая и не единственная. Ландшафт нетривиален и тем, что процессы понимания, интерпретации, представления смысла, коммуникации, рефлексии... ландшафта состоят (или существенно связаны) с изменением места (позиции) в ландшафте как интерпретируемом. Именно метафора чтения ландшафта и позволяет соотносить текстуальную и ландшафтную презентации культуры.

Для ландшафта дана не проблема преодоления субъектно-объектной пропасти, но, напротив, рефлексирования ситуации включённости в ландшафт и специфики позиций пребывания в нём. Ландшафт – «текст», автор и читатель которого живут в нём как его элементы [2].

В идеале ландшафт выглядит и смотрится как живая картина, читается как поэзия, звучит как музыка, благоухает букетом ароматов.

В силу сопряжённости всех аспектов культуры и её целостности её ландшафтный аспект является и способом представления культуры в целом – как её содержаний, так и способов устройства этих содержаний. Используя

¹ См. также иной, не противоречащий названному, подход [9].

лингвистическую терминологию, ландшафт, в первом аспекте репрезентирует план содержания культуры, во втором – форму плана выражения (понятия глоссематики [1]), пространственную явленность. Ландшафт ценностно насыщен и осмыслен – план содержания; ценностное содержание распределено закономерно неравномерно, принимая форму ценностно выделенных районов и зон, сплошь покрывающих все пространство – это формы выражения культуры в пространстве. Иначе говоря, посредством чтения ландшафта можно представить и понять, каковы именно смыслы культуры и какова их пространственная морфология; понять иначе, нежели внимая автопрезентациям культуры. Ранее я изложил результаты чтения конкретной культурной ситуации современной (последней трети века) Северной Евразии [5]. Здесь же будут предварительные замечания касательно культуры как таковой.

В настоящей работе пространство культуры и ландшафт соотносятся тройко; в понятии ландшафта мы зафиксировали три аспекта содержания и оперирования в этой работе. Во-первых, ландшафт – компонент культуры, очевидно существенный в строгом смысле, т. е. такой, без чего культура не может существовать и потому и быть представлена в главных чертах. Принципиально, что все существенные части целого – позиции бытования и понимания этого целого [22]. Во-вторых, в силу целостности и связности культуры ландшафт – её особый проективный тест, своего рода экран, на котором наблюдаемы те смыслы и формы культуры, что «невидимы» иначе; общепризнанный «тест» и важ-

нейший экран – литература. Иначе говоря, ландшафт здесь будет позицией, точкой зрения на культуру, как содержательно, так и *семиотически-структурно*; здесь более интересен второй аспект в силу его слабой изученности. В-третьих, ландшафт в силу буквальной наблюдаемости и наличия методов и техник вторичной визуализации (картографирования) будет использован как удобная модель. Кроме того, ландшафт как модель культуры куда менее культурно/ценностно нагружен, нежели культура в обычном смысле. Изучение ландшафта – как всякое изучение – неизбежно культурно нагружено, но «слабее и «иначе», нежели семиотика культуры, искусствознание или культурная антропология.

В первом смысле речь идёт о ландшафте-1 – самостоятельном предмете и относительно автономном компоненте культуры; во втором – о ландшафте-2, позиции для культуры, её «зеркале»; в третьем – о ландшафте-3 как модели культуры, в т. ч. и для тех феноменов, где ландшафт отнюдь не зеркало и не существенная часть. Ландшафт-1 – земное тело культуры, ландшафт-2 – земное зеркало культуры, ландшафт-3 – земная карта культуры.

Сплошные ландшафтные среды

Трудность представления морфологии ландшафта обычным понятийным языком состоит во многом в том, что сам язык как дискретный легче описывает дискретные универсумы, а сплошные среды – только если для них есть математический формализм. Кроме того, для культуры и науки ландшафт экзотичен, это маловажное далёкое периферийное явление. Всюдный ланд-

шафт, вместилище культуры – её далёкая периферия.

Ландшафт – сплошная среда без изъятий, лакун и пустот. Сплошность этого пространства особенно ярка при сравнении с текстом, составленным абсолютно дискретными знаками, включая пробелы. В ландшафте нет отдельностей, соответствующих знакам – но они могут быть на карте, презентующей пространство ландшафта, хотя сама карта сплошна [7]. Места как компоненты ландшафта могут соседствовать, но невозможна ситуация, когда между ними, являющимися ландшафтами есть нечто, ландшафтом не являющееся. Если места сопряжены границей, то и эта граница не иноприродна, а соприродна ландшафту, сама есть особый компонент ландшафта [2].

Морфология и семиотика сплошных сред не разработаны. Уподобление же морфологии ландшафта клеточно-тканевой структуре организмов неправомерно, поскольку в ландшафте нет аналога клетки – автономной высокоорганизованной связанной интегрированной отдельности с выраженными естественными границами. Клеточно-тканевая морфология организмов может моделировать обычный текст (учитывая его семантическую многомерность), а равно и наоборот. Есть и полноценные карты и картоиды таких структур [17], гомологичные до структурной тождественности картам и картоидам ландшафта¹. Взаимное же уподобление линейно-знакового письма

и клеточной структуры, сколько нам известно, не проводилось, как и уподобление текста ландшафту; ландшафт же часто (обычно поверхностно) уподобляем тексту. Карт текста нет! – но они заведомо возможны. Это означает «ландшафтизацию» текста, а равно и актуализацию возможности буквального путешествия по тексту вместе с актуализацией его полимасштабности и иной ландшафтоморфности.

Все составляющие культуры встречаются в ландшафте, но где же встречаются разные морфологические доктрины?

Аналогия здесь весьма существенная: и текст, и ландшафт даны и осмысливаются порциями; пример последней – текст на странице, но не абзац, аналогичный району. Абзац – единица гиперсинтаксического членения текста. Для разбиения же текста на такие презентационные порции, как страница, воспринимаемый смысл зависит от её размера и конкретики расчленения на порции, поскольку при порциях размером в одно слово (тем более в одну букву) на странице восприятие смысла текста если и возможно, то крайне затруднено, а его смысл «сдвинут». Восприятие же поэтического текста как поэтического уже невозможно. При расчленении абзацев текста на малые порции восприятие затрудняется (ср. с запретом висячих строк); характерно наличие в порции нескольких строк. С порцией сравним кадр в экранных искусствах, ситуация живописи сложнее.

«Рамочность» культурных артефактов известна; фрагмент текста на странице – порция со «слабой» рамкой. Однако текст произвольнее «нарезается» на порции при печати и

¹ Генетика разработана, в т. ч. и как семиотика генетического текста – цитология (учение о клеточно-тканевой структуре) не такова: «Пространственная организация тканей до сих пор остаётся неизвестной» [17]. Это в немалой мере относится и к ландшафту.

особенно чтении на мониторе, нежели ландшафт. Для продуктивного восприятия ландшафта и карты ландшафта размер порции должен быть достаточно велик (настенные карты); причём размер здесь трояк: истинный размер тела ландшафта, смысловой размер и размер графического экрана. Налицо обеднение картины ландшафта у поколения монитора по сравнению с «поколением бумаги». Ландшафт – сплошная пространственная среда, данная порциями в своих профессиональных и культурных презентациях, чаще и рамочно. Но эти рамки и порции не есть «членение по суставам», как говаривал про естественные членения (т. е. районирования в научной географии) Страбон. Карта же существенно рамочна.

В нашей дискретно-текстовой культуре разнообразие – это обычно различия отдельных экземпляров. Различны люди, растения, животные, слова... С. Г. Кордонский удачно назвал их «отдельностями». Разнообразие отдельных – *полиморфизм*. Разнообразие сплошной среды – *гетерогенность*. Самая большая порция ландшафта – географическая оболочка Земли как целое культурного ландшафта – антропосфера.

Резюме категорий пространственной морфологии ландшафта:

- сплошность;
- семиконтинуальность;
- окрестность;
- порционность;
- гетерогенность;
- комплексность;
- многослойность;
- масштабность;
- полимасштабность;
- анизотропность;

- районность;
- зональность;
- позиционность;
- экотональность;
- статусная детерминация [8].

Сами по себе эти атрибуты задают ещё не ландшафт (в списке нет земной телесности); это атрибуты *ландшафтоморфного пространства*.

Ландшафт – пространство, которое можно районировать, картографировать и по которому можно осмысленно путешествовать. Текст – знаковый комплекс, который можно читать, реферировать, пересказывать, переводить. Путешествие предполагает телесное связанное многоаспектно разнобразное пространство, пребывание и перемещение в котором предполагает личную эмоциональную и когнитивную активность, полисенсорное восприятие, позволяет выстраивать и проживать последовательность мест, интерпретировать среду и др.; создаёт полноценный целостный образ ландшафта/квазиландшафта [6]. Возможность путешествия – интегральный индикатор типа пространства. Чем полноценнее путешествие, тем ближе его пространство к ландшафту. Путешествие – основной для теоретико-географа способ постижения культуры путём чтения её ландшафта.

Парадоксальный ландшафт автопрезентаций культуры

Для привилегированных ландшафтных презентаций культуры (её автопрезентаций) характерны черты, скорее противоречащие сказанному о ландшафте. Дело не в различиях центров и периферии, присущих любым пространствам, что тривиально.

Особая сложность центров семиосферы подчёркивается Ю. М. Лотманом.

Презентации культуры в ландшафте, её «лицевая» сторона и основной доминирующий фон радикально структурно и семантически различны.

Для первых характерны отсутствие сплошности, представленность роем (множеством) отдельных объектов вроде дворцово-парковых ансамблей, новых театрално-музейно-развлекательных комплексов центров городов или даже целых городов с чёткими, как на планшете проектировщика, границами. Им присуща априорная заданность и нормированная ограниченность маршрутов перемещений, а равно и позиций для включения в эти локусы. Новые культурные отдельно-сти лишены сплошности и экотональности, среда высокодискретизована. Порции ландшафта фиксированы, это отдельные объекты; между ними нет переходных зон, но есть области пространства, «являющиеся ничем». Это переходная зона непривычного типа, ей присуще отсутствие сходства и связности со смежными зонами. Новые ландшафтные автопрезентации культуры дезинтегрируют ландшафт. Ландшафт локусов составлен не сплошь районами и зонами, а отдельными, преимущественно экстерриториальными объектами с преобладанием дальних, а не ближних соседских связей. Это нередко отдельные, абсолютно дискретные артефакты. Регулятивы ландшафта здесь не работают, статусная детерминация доминирует над телесной согласованностью, соседством и позиционной детерминацией, семиотические связи и расстояния существенно важнее топографических. Интерьеры существеннее экстерьеров, дело дохо-

дит до «воспроизведения» ландшафта внутри огромных закрытых помещений, вначале телесно, а потом и изобразительно.

«Культурные локусы» ландшафта и сам фоновый ландшафт устроены по-разному! Это специфика культуры как таковой? «Высокая культура» экстерриториальна? В схеме автора «Центр – Провинция – Периферия – Граница» Провинция больше прочих зон отвечает представлению о ландшафте; в зрелых ландшафтных и культурных системах именно провинция составляет подавляющую территориально и функционально зону. Отвечает это и добротной провинциальности самого понятия «ландшафт», выработанного, сколько можно судить, именно в зоне провинции; глубоко провинциальна и сама наука о ландшафте в своих лучших проявлениях (в массовых – периферийна).

Яркие парки, особенно старые [12], отчётливые презентации культуры явно обладают лишь отдельными чертами ландшафта. Они более семантосимволически насыщены, и притом явно; семантика же элементов собственно ландшафта неясна даже для большинства артефактов. Но эти парки «неландшафтные»: а) заведомо неповсеместны; б) не арена всей человеческой жизни, а только её культурно выделенного фрагмента для незначительной части населения или для незначительной части жизни населения; в) жёстко отграничены и даже изолированы, г) редко сочленены с соседними местами-экотонами; д) не входят в систему функциональных зон.

Здесь намечается ряд:

- собственно ландшафт;
- ландшафты типа и зоны «центр»;

– культурные локусы ландшафта (ландшафтные презентации культуры), комплексы зданий и сооружений (сюда относятся парки);

– архитектурные воплощения культуры/супертексты (храмы, музеи, библиотеки и др.) с особым культурным статусом¹;

– интерьерные комплексы;

– собственно тексты.

Во-первых, это упорядочение по линии: ландшафт в целом – его компоненты – элементы – не связанные непосредственно с ландшафтом артефакты – знаковые комплексы. Во-вторых, это буквально размерный ряд от Земли в целом до книги. В-третьих, это упорядочение по отношению телесного включения. В-четвёртых, каждое следующее звено уступает предыдущему по полноте ландшафта, но превосходит по «моделирующей» силе; каждое последующее звено моделирует и семиотически воспроизводит предыдущее. В-пятых, это масштабный спектр относительно человека – вначале масштаб уменьшающий, далее возможно взаимодействие человека с вмещающей средой непосредственно в масштабе 1:1, далее масштаб увеличивающий. В-шестых, это ряд замещения телесности знаковостью, повышения семиотичности; атрибуты ландшафта замещаются атрибутами вначале вещественно-знакового, а далее собственно знакового текста, слабо зависящего от материала тела знаков; телесно-ландшафтная обусловленность вначале

дополняется, а далее замещается семиотической. С этим связан переход от территориальности к экстерриториальности. В-седьмых, материал плана выражения, предельно телесный и существенный в первых звеньях ряда нарастающее становится и нетелесным и несущественным в конце ряда. Наконец, в ряду растёт рефлексивность.

Текст и ландшафт оказываются предельно-полярными звеньями одного ряда, обнаруживающими общность именно в силу полярности. Если теоретически продолжить этот ряд, то ландшафту предшествует Вселенная, мир текстов завершается Книгой о творении Вселенной (в авраамитской ойкумене), то есть ряд замкнут.

Семиотика текстуальной и ландшафтной презентации культуры

Пространство ландшафта, с точки зрения его формально-математических свойств, изучено совершенно недостаточно, и можно только высказать некоторые предположения. Во-первых, оно неметрично в строгом смысле, поскольку в силу анизотропности расстояния и траектории движения центру или от центра не совпадают. Атрибутивная для метрического пространства аксиома треугольника также в общем случае не выполняется. Эта аксиома гласит, что длина двух сторон треугольника всегда меньше длины третьей стороны. Она предполагает однородное изотропное пространство, каковым пространство ландшафта не является. Разные типы ландшафта обладают разными типами метрических структур – функций, связывающих координаты местоположения и меру удалённости (обобщённое расстояние).

¹ Яркий Музей землеведения МГУ, профессиональная презентация Земли как многообразия её компонентов/ландшафтов использует самые разные семиотические средства, что указывает на нелинейность и многомерность ряда.

Представление текста, форма его плана выражения отнюдь не линейны. Возьмем обыкновенную книгу или текстовый файл. Текст для чтения разбит на строки и страницы, набран определённым шрифтом. Здесь число знаков в строке и число строк оказываются существенными параметрами, как и тип шрифта. Можно ли читать текст, если на каждой странице только один знак? – ведь ничего не меняется в плане содержания. А если это традиционный поэтический текст? Появляется второе измерение и ещё одно характерное направление – не вдоль текста, а, так сказать, поперёк, ортогонально.

Постепенно выясняется, что наличие явные и яркие различия почти до полярности между текстом и ландшафтом «послойно» – в планах содержания и в планах выражения. Однако спатIALIZация и квалитативизация («опространствование и качественнизация») при переходе от плана выражения к плану содержания линейного текста и/или его реальному представлению делает его в определённой мере сходным с ландшафтом. Заметим – текст с предельно простым планом выражения (независимые от размера и формы порций и способа передачи знаков представления) используется не людьми, а в межкомпьютерной коммуникации. Но намеченное движение в сторону изысканности текста (каллиграфия, многомерность, графически выражаемый ритм и т. п.) приводит нас к текстам, каковые принято относить к произведениям искусства.

Линеаризация смысла, перевод «континуальный ↔ дискретный» – наврное, труднее и сложнее, чем перевод линейных текстов на иной язык; он чреват большими утратами. Такой «букваль-

ный перевод» влечёт существенную семантическую фрагментаризацию, если только он не сопровождается введением новых, не тождественных по буквальному значению, но функционально эквивалентных компонентов. В нелинейной сплошности ландшафта и тем его «непереводимости» на линейный язык коренится его периферийно-непознанное положение в линейно-текстовой культуре, а от ультрасовременной экранно-клиповой субкультуры ландшафт отличает телесность, данность куда большими порциями и возможностью путешествовать буквально и виртуально.

Мир культуры, по-видимому, куда более непрерывен и сплошен, нежели отдельные тексты; в свою очередь, представляющие мир ландшафтов сплошные семиотически однородные картографические «тексты» осплошняют и уплотняют цветущее неоднородное разнообразие ландшафтов [3; 7; 10; 21]. Ф. де Соссюр указывал на непрерывность речи как носителя содержания в смысловом отношении [18], В. В. Налимов специально подчёркивал континуальность мышления, противопоставляя его дискретности языка [15], Лотман провозгласил семиосферу как сплошную смысловую/знаковую сферу. Текстуальная же презентация смыслов предстаёт если не целиком дискретной, то куда более дискретной. В текстуальной культуре означаемое – сплошная смысловая «ткань», а означающее – связанные квазилинейные ансамбли дискретных семантических отдельностей-знаков (тексты).

Текстуальная презентация культуры её дискретизирует. Речь идёт как об отдельных знаковых комплексах языка, так и о других формах дискретности,

представленности в виде отдельных текстов – собственно литературных текстов, визуальных и музыкальных текстов, текстов архитектурных и т. п. При всей сложности представления о тексте интуитивно дана отдельность текста (например, музыкальной композиции или живописного полотна), какими бы непрерывными они не представлялись внутри своих чётких дискретных рамок. Контрпримером служит архитектура, однако архитектурные сооружения всё же чётко и ограничены и часто отграничены (здания, парки, усадьбы). Тексты даны в культуре на любом уровне не как единичные, но как семейства связанных текстов, но текстов отдельных и (нередко) маркировано семиотически отделённых один от другого (край, рамка картины, театральные занавес, границы города крепостными стенами и т. п.). Иначе говоря, план содержания культуры как супертекста континуален и сплошен, а план выражения дискретен.

Для ландшафта как выражающего культуру её компонента ситуация почти зеркальна. Ландшафт в силу сплошности есть континуальный план выражения, означающее – «его» означаемое более дискретно. Ландшафтная презентация культуры представляет её континуальной и сплошной – в ландшафте же скорее наоборот, означаемое более дискретно (комплексы отдельных объектов, составляющих ландшафт и изображаемых на обычных картах для массового пользования), а означающее континуально и сплошно. Поясним, что для обыденного/наивного сознания (во многом и сознания профессионального, особенно на первых этапах работы) ландшафт манипулятивно представлен как связанное сообщество

достаточно отдельных экземпляров минералов, почв, растений, животных, людей и пр. Для полноты картины следует сказать, что и вторичные моделирующие системы ландшафта, каковыми (пока?) являются разного рода графические «тексты» карт также обладают существенной континуальностью, нередко более выраженной, нежели собственно ландшафт, в определённой степени обладающий признаками дискретности. Карта осплошняет и континуализирует ландшафт; картографическое изображение лишено лакун, непрерывно и сплошно; докомпьютерные карты рамочны как живописные полотна [7; 11; 16], экран монитора задаёт порции картографически презентуемого ландшафта). Вторичные же моделирующие системы культуры в силу отрефлексированности и нормативности ещё более дискретны – сравним дискретность живого языка в ипостаси речи и словаря в широком смысле или синтаксической структуры [7]. Текстуальное представление культуры её дискретизирует (даже фрагментирует) – ландшафтное представление осплошняет.

Воспользуемся метафорой для сравнения пространств текстуальной и ландшафтной презентаций культуры. Представим, что тексты плавно перетекают один в другой и «срослись» между собою так, что представление об отдельном единичном тексте неправомерно. Всё текстуальное пространство, каждое его место имеет смысл и значение. И означаемое и означающее – не дискретные совокупности отдельных знаков, а что-то вроде облачных семантических полей. Того, что является буквально алфавитом и словарём просто нет. Однозначно выделяемых элемен-

тарных отдельностей нет, осмысленно несколько дополнительных членений. То, что соответствует словам и единицам гиперсинтаксического членения – не линейные комплексы знаков на пустом фоне, а сгустки этого самого смыслового фона. Если в обычном линейном тексте в общем простом случае очевидно различимы элементарные знаки (буквы, иероглифы, пунктуационные знаки), с одной стороны, слова – с другой, высказывания разных уровней – с третьей стороны, и различены графически явно и наглядно, то для ландшафтного «текста» ничего этого места не имеет. (В ландшафте, традиционно представляемом, – это всё районы разных типов и рангов). Такого рода мир плавно перетекающих текстов будет ландшафтоморфным пространством. Но если этот мир отграничить чёткой внешней границей, за которой пребывает внесемиотическая реальность, то мы получим семиосферу Ю. М. Лотмана, где отдельные знаковые комплексы-тексты также размыты и «сняты», как и отдельные объекты в ландшафте. «Можно рассматривать семиотический универсум как совокупность отдельных текстов и замкнутых по отношению друг к другу языков. Тогда всё здание будет выглядеть, как составленное из отдельных кирпичиков. Однако более плодотворным представляется противоположный подход: всё семиотическое пространство может рассматриваться как единый механизм (если не организм). Тогда первичной окажется не тот или иной кирпичик, а «большая система», именуемая семиосферой. Семиосфера есть то семиотическое пространство,

вне которого невозможно само существование семиозиса» [13].

Но при высочайшей оценке концепта семиосферы (у В. В. Иванова, У. Эко и др.) и его популярности не сформировано представления её пространственно-морфологической структуры; не потому ли, что на семиосферу интуиция текста оказалась непереносимой? – а интуиция ландшафта отчасти переносима на семиосферу. Категории морфологии ландшафта, по-видимому, приложимы и к пространству текстов, в т. ч. и художественных текстов. Его анализу – жанру литературоведения, семиотики и пр. – явно не хватает категорий, что могут быть почерпнуты из морфологии ландшафта; даже реконструкции Ю. М. Лотмана бедноваты.

Ландшафт-3 – прототип описания иных пространств. Картина морфологии ландшафта предполагает весьма общие категории: пространство, место, масштаб, удалённость, форма, позиция, симметрия, характерное направление. Постоянно уподобляя ландшафт тексту, мы уверены и в эвристичности встречного хода – уподобления текста ландшафту, видения текста как ландшафта, – и работы с ним аналогично работе с ландшафтом. Ещё эвристичнее кажется привнесение ландшафтных интуиций, категорий и техник для постижения морфологии семиосферы, каковая очевидно закономерно структурирована, расчленена и интегрирована.

План выражения ландшафта морфологически и план содержания текста весьма сходны. Это открывает возможности для применения категорий и эвристик учения о ландшафте.

Таблица 1 / Table 1

Морфология ландшафта и морфология текста / Landscape morphology and text morphology

Атрибут	Презентация культуры	
	текст	ландшафт
Сплошность	-	+
Континуальность	-	+
Ограниченность	+	-
Пример порции	страница	лист карты
Размерность плана содержания	1 (реже 2)	3
Размерность плана выражения	2	2 (иногда 3)
Минимальное число измерений	1	2
Разнообразие единичного	гетерогенность	гетерогенность
Разнообразия множества	полиморфизм	гетерогенность
Ограниченность	-	+
Наличие базовых единиц	+	-
Число базовых единиц	конечно, определённо, немного	конечно, неопределённо много
Минимальная базовая единица	слово	место? фация?
Число базовых единиц	10 ⁵	?
Максимальная базовая единица	семиосфера	ландшафтная сфера
Естественная отдельность	ед. гиперсинтаксич. членения	район
Масштаб	?	+
Число уровней схематизации	7±2	7±2
Переходные зоны	-	+
Границы	+	+
Число расчленений	немного	много
Позиционность	+	+
Реферат	текст	схема

Источник: составлено автором

Что мы узнаём о культуре, читая ландшафт?

То, чем культура предстаёт в ландшафте – её глубинная суть? Эпифеномен? Ландшафтная модель – ландшафт-2 – трудно описывает текст (означающее) и куда лучше – культурную среду (означаемое). Культура для себя предстаёт текстом и презентует себя универсумом текстов (в самом широком смыслеё не только текстов

собственно языка); посредством земного тела культуры мы узнаём о культуре иное¹; вопрос в том, существенное или несущественное, знание о ядре культуры или её периферии и т. д. Точного ответа нет, но вопрос осмыслен и важен.

¹ Картографические семиотические тексты (тексты «языка карты») занимают здесь особое, не только промежуточное положение.

Культура представлена в ландшафте преимущественно разнородными комплексами. Если культура «для себя» упорядочена систематически, *парадигматически*, то ландшафт – *синтагматика* культуры. Иначе и проще говоря, первое – это своего рода вертикаль с соотнесёнными отдельными разными слоями, второе – горизонтальное пространство смежностей локусов разного смысла и ценности. Допустимо сравнение. Язык может быть описан в некоторой идеализации как словарь семантических единиц и правил их сочетания; текст же нечто иное, но язык живёт в текстах, в мире связанных текстов живёт и культура. В ландшафте же культура – не лексика и правила, а нетривиальный текст и, скорее даже, палимпсест.

Отдельности культуры «полурастворены» в ландшафте, это сплошная пространственно немонотонная презентация культуры. В ландшафте рядом, по горизонтали, в соседстве встречаются такие отдельности культуры, культурные тексты и смыслы, которые в «самой культуре» находятся далеко, никогда не смежно, на разных «ярусах и этажах».

Утончённые глубокие постановки серьёзного театра с элегантно публикой соседствуют с венерическими болезнями соответствующего диспансера, дешёвым супермаркетом с толпящимися людьми, современной многоярусной транспортной развязкой на берегу реки, где в закоулках ютятся бомжи (конкретный пример Москвы) [14]. То, что в культуре отдельно и далеко, в ландшафте может быть близко и вместе. Систематически-иерархическое пространство культуры не слишком отчётливо воплощается и

выражается в ландшафте. Культура современного типа оказалась не в состоянии разместиться в ландшафте так, какой она мыслит себя в идеальном пространстве норм, чувств, смыслов и ценностей. Аристократичная вертикально-иерархичная культура пребывает в ландшафте в демократической горизонтали. Рассогласование налицо.

Земное и нормативно-идеальное пространство культуры резко различны. Может быть, культура и в состоянии навязать себя обществу, но она не в состоянии навязать себя пространству, если не выдвинуть почти кощунственное для пуриста высокой культуры предположение, что намеченная примером коллажность и есть сама суть современной культуры, её новая парадигма, эпистема. Это не означает случайности, и подобные «комплексы» вполне объяснимы. Глядя из ландшафта, можно полагать, что культура презентует одни смыслы своей парадигматикой, но буквально даны в синтагматике коллажных комплексов совершенно иные смыслы, каковые трудно даже описать.

Или это означает несущественность конкретных местоположений объектов культуры, несущественность самого ландшафтного пространства – но против этого предположения говорит довольно чёткая картина соразмещения культурных данностей в мелком масштабе, в ландшафте России на уровне страны в целом и её больших частей [5; 19; 20; 23]; по-видимому и Европы. Чёткую зональность «размещения культуры» в одном масштабе сопровождает картина фрагментарно-мозаичного размещения в ином, буквально более близком человеку масштабе; вряд ли надо вопрошать

об истинном масштабе. Но упомянутые выше локусы автопрезентации культуры создали вокруг себя ландшафтные ореолы-ареалы, да и социальный статус всё большей доли мест в пространственной среде постмодерна произведен от культурного (и экологического) статуса; это своего рода статусно-культурная детерминация. Общая картина неясна и неоднозначна...

Приведём теперь более связный перечень раскрытия культуры в ландшафте:

- «реальное» воплощение единства/фрагментированности культуры как собирательной системы;
- согласованность и рассогласованность элементов и компонентов культуры;
- априорное фазовое и апостериорное ландшафтное пространство культуры;
- культурогенные ландшафтные комплексы;
- ожидаемые и неожиданные соседствования культурных данностей;
- ожидаемые и неожиданные контрасты и контексты;
- апостериорные комплексы культурных артефактов;
- единство и дезинтеграция культурных комплексов;
- сплошность и мозаичность бытования культуры;
- расчленённость и единство ландшафтного пространства культуры;
- априорные и апостериорные культурные границы;
- редкие художественно-эстетические консонансы – частые диссонансы;
- соответствие (несоответствие) идеальному пространству культуры и ландшафту;

– ландшафт высвечивает бытование культуры и своём реальном пространстве;

- быстрое расширение типов культурных статусов мест;
- создание и реализация новых культурных статусов мест как средство и приём ревитализации (городской) среды.

Налицо острая проблема понимания, опознания, исследования, представления, реконструкции той среды и её «логики», где и пребывает культура в ландшафтно-телесном воплощении, если не понимать культуру как исключительно идеальную сущность. Налицо проблема детерминации ландшафтного бытования культуры как структуры семиосферы.

Заключение

В современной российской культуре налицо несомненный, очень значительный разрыв означаемого и означающего; это ценнейшее наблюдение высказано Г. В. Лютиковой¹. Именно это и есть предельная форма фрагментированности как утраты и целостности и сплошности культуры при формальном сохранении её атрибутов – жанров, стилей, норм и т. п.; утрата целостного смысла со всем верою последствий. Опасности фрагментации состоят не столько в тривиальных для культуры семиотических «неприятностях», локальных разрывах и лакунах, утрате даже существенных компонентов, трудностях перевода компонентов и множестве локальных локусов семантического хаоса за счёт непереводаемости, взаимной аннигиляции смыслов на границах, неумест-

¹ Устное сообщение; благодарю за продуктивные обсуждения темы.

ных затоках – сколько в разрыве между самими слоями культуры. Для ландшафта ровно то же самое: проблема – во враждебной несогласованности форм его природного и культурного компонентов и культурных компонентов между собою.

Культурное выражение этого антагонизма, разрыва слоёв и культуры и

ландшафта – буквально наблюдаемая в ландшафте при полевых исследованиях (в особой технике путешествования [6]) пространственная невменяемость населения, даже в особо ценных экологических и культурно уникальных местах – например [6].

Пространство/ландшафт – невидимые зеркала культуры.

Статья поступила в редакцию 05.04.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка / пер. с англ. Ю. К. Лекомцева // Новое в лингвистике / сост. В. А. Звегинцев. М., 1960. С. 117–136.
2. Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.
3. Каганский В. Л. Природно-государственный ландшафт Северной Евразии: теоретическая география // Социально-экономическая география: традиции и современность. М.-Смоленск: Ойкумена, 2009. С. 78–100.
4. Каганский В. Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. 2009. № 1. С. 62–70.
5. Каганский В. Л. Как устроена Россия? Портрет культурного ландшафта. М.: Институт Стрелка, 2017. 40 с.
6. Каганский В. Л. Путешествие теоретика // География и туризм. 2018. № 1. С. 33–44.
7. Каганский В. Л. Неметафора: феноменология картографического изображения // Логос. 2022. Т. 32. № 6. С. 217–244.
8. Каганский В. Л. Очерк феноменологии культурного ландшафта // Одушевлённый ландшафт / ред. А. С. Белорусец, С. В. Березин. СПб: Алетейя, 2022. С. 11–22.
9. Калуцков В. Н. Концептуализация географического пространства: ономастические аспекты // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 57–69.
10. Калуцков В. Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.
11. Крылов М. П. Региональная идентичность населения Европейской России / М. П. Крылов // Вестник Российской академии наук. 2009. Т. 79. № 3. С. 266–277.
12. Лихачев Д. С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. М.: Согласие, 1998. 469 с.
13. Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. I. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин, Александра, 1992. 479 с.
14. Михайлов А. А., Фатехова А. Х., Молодцова В. А. Восприятие и репрезентация московской периферии (пример района Ясенево) // Городские исследования и практики. 2019. Т. 4. № 2. С. 59–72.
15. Налимов В. В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Прометей, 1989. 287 с.
16. Родоман Б. Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена, 1999. 256 с.
17. Савостьянов Г. А. Тканевые модули как основа теоретической гистологии // Вестник

- Тверского государственного университета. Серия: Биология и экология. 2008. Вып. 9. С. 234–246.
18. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / пер. с фр. под ред. А. А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
19. Стрелецкий В. Н. Концепт культурного ландшафта в мировой культурной географии: Научные истоки и современные интерпретации // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. № 1. С. 48–78.
20. Тюнен И. Изолированное государство. М.: Издательство газеты «Экономическая жизнь», 1926. 329 с.
21. Тянь-Шанский В. П. Город и деревня в Европейской России. Очерк по экономической географии. СПб, 1910. 212 с.
22. Шрейдер Ю. А., Шаров А. А. Системы и модели. М.: Радио и связь, 1982. 152 с.
23. Streletsky V. N., Gorokhov S. A. Cultural Geography in Russia in the Early 21st Century: Current State and Key Research Areas // Regional Research of Russia. 2022. Vol. 12. № 1. P. 67–79.

REFERENCES

1. Elmslev L. [Prolegomena to the theory of language]. In: Zvegintsev V. A., comp. *Novoe v lingvistike* [New in linguistics]. Moscow, 1960, pp. 117–136.
2. Kagansky V. L. *Kulturnyi landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo* [Cultural landscape and Soviet habitable space]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001. 576 p.
3. Kagansky V. L. [Natural-state landscape of Northern Eurasia: theoretical geography]. In: [Socio-economic geography: traditions and modernity]. Moscow-Smolensk, Oikumena Publ., 2009, pp. 78–100.
4. Kagansky V. L. [Cultural landscape: basic concepts in Russian geography]. In: *Observatoriya kultury: zhurnal-obozrenie* [Observatory of Culture: Review Journal], 2009, no. 1, pp. 62–70.
5. Kagansky V. L. *Kak ustroena Rossiya? Portret kulturnogo landshafta* [How is Russia organized? Portrait of a cultural landscape]. Moscow, Institut Strelka Publ., 2017. 40 p.
6. Kagansky V. L. [Journey of the theorist]. In: *Geografiya i turizm* [Geography and tourism], 2018, no. 1, pp. 33–44.
7. Kagansky V. L. [Nemetaphor: phenomenology of the cartographic image]. In: *Logos* [Logos], 2022, vol. 32, no. 6, pp. 217–244.
8. Kagansky V. L. [Outline of the phenomenology of the cultural landscape]. In: Belorusets A. S., Berezin S. V., eds. *Odushevlonnyi landshaft* [Animated landscape]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2022, pp. 11–22.
9. Kalutskov V. N. [Conceptualization of geographical space: onomastic aspects]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhekulturnaya kommunikatsiya* [Bulletin of the Moscow University. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication], 2020, no. 1, pp. 57–69.
10. Kalutskov V. N. *Landshaft v kulturnoi geografii* [Landscape in cultural geography]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2008. 320 p.
11. Krylov M P [Regional identity of the population in European Russia]. In: *Vestnik Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2009, vol. 79, no. 3, pp. 266–277.
12. Likhachev D. S. *Poeziya sadov. K semantike sadovo-parkovykh stilei. Sad kak tekst* [Poetry of gardens. On the semantics of landscape gardening styles. Garden as a text]. Moscow, Soglasiye Publ., 1998 469 p.
13. Lotman Yu. M. *Izbrannye stat'i: v 2 t. T. I. Stati po semiotike i tipologii kultury* [Selected ar-

- titles: in 3 vols. Vol. I. Articles on semiotics and typology of culture]. Tallinn, Alexandra Publ., 1992. 479 p.
14. Mikhailov A. A., Fatekhova A. Kh., Molodtsova V. A. [Perception and representation of the Moscow periphery (an example of the Yasenevo district)]. In: *Gorodskie issledovaniya i praktiki* [City Research and Practice], 2019, vol. 4, no. 2, pp. 59–72.
 15. Nalimov V. V. [Spontaneity of consciousness. Probabilistic theory of meanings and semantic architectonics of personality]. Moscow, Prometei Publ., 1989. 287 p.
 16. Rodoman B. B. *Territorialnye arealy i seti. Ocherki teoreticheskoi geografii* [Territorial areas and networks. Essays on theoretical geography]. Smolensk, Oikumena Publ., 1999. 256 p.
 17. Savostyanov G. A. [Tissue modules as the basis of theoretical histology]. In: *Vestnik Tverskogo universiteta. Seriya: Biologiya i ekologiya* [Bulletin of the Tver State University. Series: Biology and ecology], 2008, iss. 9, pp. 234–246.
 18. Saussure F. de. *Ouvrages sur la langue* (Rus.ed.: Kholodovich A. A., transl. *Trudy po yazykoznaniiyu*). Moscow, Progress Publ., 1977. 695 p.)
 19. Streletsky V. N. [The concept of a cultural landscape in world cultural geography: Scientific origins and modern interpretations]. In: *Chelovek: obraz i sushchnost. Gumanitarnye aspekty* [Man: image and essence. Humanitarian aspects], 2019, no. 1, pp. 48–78.
 20. Thünen I. *Izolirovannoye gosudarstvo* [Isolated State]. Moscow, Publishing house of the newspaper «Economic Life», 1926. 329 p.
 21. Tyan-Shansky V. P. *Gorod i derevnya v Yevropeyskoy Rossii Ocherk po ekonomicheskoy geografii* [City and Village in European Russia. Essay on economic geography]. St. Petersburg, 1910. 212 p.
 22. Shreider Yu. A., Sharov A. A. *Sistemy i modeli* [Systems and Models]. Moscow, Radio and communication, 1982. 152 p.
 23. Streletsky V. N., Gorokhov S. A. Cultural Geography in Russia in the Early 21st Century: Current State and Key Research Areas. In: *Regional Research of Russia*, 2022, vol. 12, no. 1, pp. 67–79.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Каганский Владимир Леопольдович – кандидат географических наук, старший научный сотрудник отдела физической географии и проблем природопользования, Институт географии РАН;
e-mail: kaganskyw@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir L. Kagansky – Cand. Sci. (Geography), Senior Researcher, Department of Physical Geography and Environmental Management, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences;
e-mail: kaganskyw@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Каганский В. Л. Ландшафтная и текстуальная презентация культуры // Географическая среда и живые системы. 2023. № 2. С. 182–199.
DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-182-35

FOR CITATION

Kagansky V. L. Landscape and textual presentation of culture. In: *Geographical Environment and Living Systems*, 2023, no. 2, pp. 182–199.

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-182-199

О РАБОТЕ НАУЧНОГО СЕМИНАРА

* * *

За 30 лет семинар «Культурный ландшафт» совместно с комиссией по культурной географии Московского городского отделения Русского географического общества выпустил 5 сборников трудов, организовал Всероссийскую школу молодых учёных, его руководители и активные участники выигрывали и реализовывали по культурно-ландшафтной тематике гранты РФФИ, РГНФ, Русского географического общества, филологического факультета МГУ.

За это время проведено свыше 330 заседаний (на 1 февраля 2023 г. – 334 заседания), на которых выступили сотни маститых и молодых учёных разных специальностей – географы, историки, этнологи, культурологи, лингвисты, филологи, искусствоведы, представители национальных парков и музеев-заповедников, ландшафтные проектировщики...

В среднем семинар проводит 10–12 научных заседаний в год, в последние годы интенсивность работы возросла до 15 семинаров ежегодно.

С весны 2020 г. семинар запустил работу в формате онлайн, что позволило расширить географию участников и за 2 года привлечь не только лекторов и слушателей из самых дальних уголков России, но и выйти на международный уровень, привлекая участников из разных стран. В настоящий момент семинар сочетает работу в офлайн- и онлайн-формате.

Информация о семинаре представлена в разделе МГО сайта Русского географического общества: <https://www.rgo.ru/ru/msk/komissii/komissiya-po-kulturnoy-geografii>.

This image shows a single sheet of white paper with horizontal ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page. There are no margins, text, or other markings on the paper.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА И ЖИВЫЕ СИСТЕМЫ / GEOGRAPHICAL ENVIRONMENT AND LIVING SYSTEMS

Рецензируемые научные журналы издаются Государственным университетом просвещения с 1998 г.

В настоящее время выпускается десять журналов: «Географическая среда и живые системы / Geographical Environment and Living Systems» и девять серий журнала "Вестник Московского государственного областного университета": «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Журналы включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научных электронных библиотек (www.elibrary.ru, cyberleninka.ru), а также на сайтах журнала (www.geoeosreda.ru; www.vestnik-mgou.ru).

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА И ЖИВЫЕ СИСТЕМЫ / GEOGRAPHICAL ENVIRONMENT AND LIVING SYSTEMS

2023. № 2

Над номером работали:

Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик И. А. Улиткин
Корректор А. А. Глазунова
Компьютерная вёрстка А. В. Тетерин

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, стр. 1, каб. 98
тел. +7 (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайты: www.geoeosreda.ru; www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Усл. п.л. 12,75, уч.-изд. л. 13,5.

Подписано в печать: 30.06.2023. Выход в свет: 06.09.2023. Заказ № 2023/06-14.

Отпечатано в Государственном университете просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, 10А